

ЧЕСТЬ И МУЖЕСТВО

**ЧЕСТЬ
И МУЖЕСТВО**

6799(2)116.1

Ч-51

34с33

Рецензент подполковник милиции
В. А. Чернецов.

6799(2)116.1

Ч-51

Честь и мужество: Рассказы о милиции/Составитель Г. П. Сокольникова. — Куйбышев: книжное издательство, 1981. — 272 с.

Рожденная в огне революционных битв, воспитанная Коммунистической партией, неразрывно связанная с народом, советская милиция с первых дней своего существования стала надежным стражем социалистического общественного порядка. Об этом и рассказывают материалы, помещенные в настоящем сборнике.

Ч 11301-015

М148(03)-81 9-81 0802010203

34с33

Служба — дни и ночи

Когда с кем-то случается беда, когда людям нужна помощь, они спешат в милицию. Они знают: ее сотрудники всегда на посту, всегда готовы защитить человека, отвести от него несчастье. Милицейская форма — символ мужества и бескорыстной готовности к самопожертвованию. Людям, с честью носящим ее, и посвящается эта книга.

Латинское слово «милиция» означает войско. А если так, то каждый ее сотрудник, где бы он ни работал — в уголовном розыске или ОБХСС, подразделениях охраны общественного порядка или ГАИ, — воин. Принимая присягу на верность Родине, он клянется: «Я буду добросовестно выполнять все возложенные на меня обязанности, не щадя своих сил, а в случае необходимости и самой жизни при охране советского общественного и государственного строя, социалистической собственности, личности, прав граждан и социалистического правопорядка от преступных посягательств». В этих словах — вся суть деятельности сотрудников органов внутренних дел.

Созданная по указанию В. И. Ленина рабоче-крестьянская милиция — ровесница Великого Октября. Она была одним из первых вооруженных отрядов освободившегося народа и сразу стала его защитницей от преступного элемента, погромной агитации и ножевых расправ, словом, всей мутной воды того периода, в которой контрреволюции было удобно удить рыбку и поливать грязью лицо революции. Молодой милиции приходилось ловить жуликов, грабителей, охранять склады, сопровождать грузы, отыскивать винные погреба и уничтожать их, мчаться на каждый зов о помощи... Только в борьбе пролетариата, отстаивавшего свои революционные завоевания, только в результате решительной победы над темными силами прошлого можно было утвердить единственно достойный человека, подлинно нравственный строй — строй освобож-

денного труда и социальной справедливости. Алексей Максимович Горький писал по этому поводу следующее: «...Впервые за всю историю человечества рабочие и крестьяне России, завоевав власть над своею страной, завоевали себе право изменять действительность сообразно своим интересам, право строить государство на основе экономического равенства, государство, в котором не должно быть бездельников, лентяев, паразитов, хищников и проповедников морали, угнетающей человека...»

Борьба за утверждение этого правопорядка — вооруженная и невооруженная, кровавая и бескровная борьба с тайными и явными атаками антинародных элементов за новый революционный правопорядок — была одним из важнейших фронтов Советской власти.

Становление и развитие советской милиции, воспитание и закалка ее кадров, рождение славных традиций неразрывно связаны с именем Владимира Ильича Ленина.

Сразу же после создания советской милиции Ленин поставил перед ней задачу борьбы с преступностью до полного и окончательного ее искоренения. Он писал: «Богатые и жулики, это — две стороны одной медали, это — два главных разряда *паразитов*, вскормленных капитализмом, это — главные враги социализма, этих врагов надо взять под особый надзор всего населения, с ними надо расправляться, при малейшем нарушении ими правил и законов социалистического общества, беспощадно».

Чтобы сладить с этим, подчеркивал Ленин, нужно время, нужна железная рука. Такой «железной рукой» освободившегося пролетариата в нашей стране, грозой для различного рода преступников стала рабоче-крестьянская милиция. У истоков ее стояли выдающиеся деятели Коммунистической партии Ф. Э. Дзержинский, Я. М. Свердлов, М. В. Фрунзе, Г. И. Петровский, В. В. Куйбышев и другие.

О рождении Самарской милиции возвестила утром 23 декабря 1917 года газета «Солдат, рабочий и крестьянин», напечатавшая сообщение Самарского губернского революционного комитета о том, что «...революционным комитетом организуется из рабочих и солдат новая милиция, ответственная перед Советской властью». Руководство милицией было поручено большевикам Кузнецову, Кузьмину, Карклину. Комиссаром внутренних дел стал Галактионов. Это были люди, беспредельно преданные революции, способные навести общественный порядок

в той сложной оперативной, военной и политической обстановке. Их первые приказы вселяли уверенность в трудовое население города в том, что его безопасность, его интересы надежно охраняются. Вот, например, что значит в приказе начальника Самарской милиции Э. Карклина: «Всем торговцам, торгующим продуктами первой необходимости, объявлено, что за спекулятивное повышение цен на продукты первой необходимости виновные будут привлекаться к ответственности по законам военного времени, вплоть до расстрела...»

Мелкобуржуазной стихии, профессиональным преступникам противостояли вчерашние рабочие и крестьяне, революционные солдаты и матросы, не имевшие ни специальных знаний, ни практического опыта, плохо одетые и вооруженные, не располагавшие никакими техническими средствами. Только шли поиски новых форм и методов работы, новой организационной структуры, новой системы управления.

«С высот, на которые мы поднялись теперь, не так уж трудно увидеть просчеты и ошибки, имевшие место в прошлом. Спору нет, что-то можно было сделать быстрее, что-то лучше, что-то с меньшими издержками. Но, чтобы объективно оценить пройденный путь, следует всегда помнить: каждый шаг был для нас поиском, каждое продвижение вперед достигалось в упорной борьбе с врагами внутри страны и на мировой арене».

Эти глубоко справедливые слова Леонида Ильича Брежнева, сказанные в его докладе «50 лет великих побед социализма», полностью относятся и к истории советской милиции.

В мае 1918 года в Самаре подняли мятежи анархисты. Они напали на штаб охраны города, где в то время размещалось и управление милиции, блокировали телеграф, освободили из тюрьмы уголовников.

На подавление мятежа выступили отряды рабочих, красногвардейцев и весь гарнизон городской милиции. Сквозь пулеметный и орудийный обстрел милиционеры первыми прорвались в штаб мятежников.

Только-только ликвидировали опасный очаг, а уже новая угроза у ворот города — белочешское наступление. Храбро сражались с противником работники милиции, и многие из них погибли, отстаивая дело спасения революции.

В освобожденной Самаре через три дня была восста-

новлена милиция. Понадобились срочные меры по очищению города от наводнивших его уголовных элементов. В это время по решению НКВД от 5 октября 1918 года в целях «охраны революционного порядка путем расследования преступлений уголовного характера и борьбы с бандитизмом» были учреждены органы уголовного розыска.

Вспомним один из эпизодов истории Самарского уголовного розыска.

В холодный октябрьский вечер 1918 года в подъезд большого челяшевского дома, что находится на углу нынешних улиц Красноармейской и Братьев Коростелевых, вошел невысокий молодой мужчина с волевым лицом. Это был Николай Степанович Сатосов. Он разыскал нужную комнату и открыл дверь. Ему навстречу поднялся начальник управления уголовного розыска Самары Георгий Филиппович Долинский — бывший подпоручик царской армии, фронтовик, член РСДРП(б) с 1914 года. Разговор их был кратким. Долинский спросил Сатосова, кем он работает. Узнав, что легковым извозчиком, обрадовался:

— Хорошо, значит, знаешь город. — А про уголовный розыск сказал прямо: — Тут не только трудно, а ко всему и чрезвычайно опасно. Наши люди часто рискуют жизнью.

— Согласен работать, — ответил Сатосов.

И потом он отдал уголовному розыску двадцать лет своей жизни.

У сотрудников УРа той поры работы было много. День ли, ночь ли, раздавался стук в дверь и приходилось бежать на очередное происшествие. Именно бежать, машин в уголовном розыске не было. Искали валютчиков и налетчиков, задерживали карманников и спекулянтов. На ходу овладевали специфичным сыскным ремеслом. По ночам читали специальную литературу и книги о похождениях знаменитых сыщиков Ника Картера, Ната Пинкертона, Шерлока Холмса. А утром с мандатом и револьвером в кармане шли в обход.

...Теряли боевых товарищей. Вот строки из донесений тех лет: «Преследуя бандитов Поповых, напавших на выходявшего из банка кассира, погибли агент розыска Анатолий Космынин и милиционер 4-го отделения милиции Шибаетов...», «На улице Молоканские Сады застрелили агента уголовного розыска Петрова...», «Задерживая грабителей, погиб молодой сотрудник Александр Тананушкин...».

Места погибших занимали другие ребята, смелые, сильные, добрые, отлично сознававшие, на что они шли...

Время было тревожное, тяжелое. Война подорвала экономику. К тому же на Поволжье в 1920/21 году обрушился жестокий неурожай, какого не знали крестьяне более ста лет. В бедственном положении оказалась Самарская губерния, где урожая не было собрано даже на семена. Начались эпидемии. Голод и болезни уносили тысячи жизней.

Пожелтевшие страницы документов шестидесятилетней давности рассказывают нам о беспримерной стойкости работников милиции, которые спасали беспризорных детей, охраняли продовольствие от расхитителей и спекулянтов и помогали правильно и рационально распределять его среди голодающего населения, проводили в жизнь декреты Советской власти.

История милиции — неотъемлемая часть героической летописи Советского государства. В ней нашел яркое отражение истинный героизм рабочих и крестьян, направленных партией на трудный и опасный фронт острой классовой борьбы с врагами Советской власти.

В день пятилетия советской милиции Ф. Э. Дзержинский писал: «Целых пять лет ты стоишь на страже порядка... Обязанности твои многосложны, трудны и ответственные...

Чтобы быть хорошим милиционером, надо непрестанно работать над обогащением своего ума знаниями, которые дадут тебе возможность честно стоять на страже революционной законности и сознательно проводить в жизнь все мероприятия Советской власти».

В период первых пятилеток самоотверженный труд милиции тесно смыкался с напряженной борьбой народа за победу социализма.

Коллективизация в Поволжье вызвала яростное сопротивление кулачества, оперативная обстановка в губернии резко обострилась. К примеру, только в Кинель-Черкасках, судя по донесениям, было зарегистрировано пять бандитских групп.

Но это все-таки были уже не 20-е годы. Милиция имела опыт борьбы с бандитизмом, профессионально подготовленные руководящие кадры, полную поддержку всего трудового населения. Благодаря постоянному вниманию партийных и советских органов в рядах милиции ширится движение за ликвидацию неграмотности. Проводятся

смотрим ее органов. Растет партийная и комсомольская прослойка. Дисциплинированные, легкие на подъем милицмейские подразделения Самары провели много успешных операций по разгрому бандитских групп, восстановлению порядка и спокойствия в городах и селлах.

Сама милиция покоя не знала.

...Годы Великой Отечественной войны. Это время говорит само за себя. Кто есть кто — обнажилось с потрясающей силой. На смертный бой за Отчизну поднялись патриоты, миллионы людей. Но всплыла и накипь. Ведь живы еще были затаившиеся классовые враги, находились и трусы, и дезертиры, объявлявшие в нашем тыловом городе. Вооруженные, они сколачивались в опасные группировки, брали себе претенциозные названия типа «Черная кошка» и в целях наживы терроризировали население.

Фронт был далеко, но и здесь борьба шла не на жизнь, а на смерть. Борьба тяжелая, тем более что пятая часть личного состава Куйбышевской милиции ушла на фронт в первые два месяца войны. И потом в военкоматах не было отбоя от добровольцев-милиционеров. Хорошая профессиональная выучка, привычка к дисциплине и риску помогли им стать доблестными воинами на полях сражений.

Но разве не были солдатами остававшиеся на милицмейской службе? Вот, к примеру, как обезвреживали банду Ларина.

В самом начале 1943 года в областном управлении было зарегистрировано опасное преступление. Поздней ночью в селе Подгоры Волжского района к дому председателя колхоза подошли шесть человек. Один из них, одетый в военную форму, грубо застучал в дверь.

Женский голос мгновенно отозвался:

— Кто там?

— Зинин дома?

— Нету его, сама жду. В городе задержался.

— Отворяй! — снова грохнули кулаки.

Шестеро бесчинствовали, жестоко били пожилую женщину.

— Твой коммунист раскулачивал моего отца. Ларина помнишь? — кричал тот, что был в форме красноармейца. — Я с войны ушел, чтобы убить его.

Бандиты натолкали в мешок хлеб, теплую одежду и, уходя, подожгли дом.

А потом налет за налетом этой банды. Проваливаясь по пояс в снегу, оперативная группа спешит в заводжское Выползово, где разграблен дом Ивановых, а уже идут сигналы из куйбышевских магазинов и баз: бандиты, бандиты. Они вооружены автоматами и пистолетами. Они мечутся, как дикие звери, и готовы на все, чтобы отстоять хотя бы день своей жизни.

Сотрудники милиции работали круглые сутки. Все места, где могли появиться преступники или награбленные вещи, были под их наблюдением. И вот на вещевом рынке задержали некоего Старикова, который продавал пальто, несомненно принадлежавшее Иванову из Выползова.

Оперативная группа помчалась по его адресу. И вовремя: трое мужчин за столом чистили оружие. Их увезли в управление. А через пятнадцать минут в комнату вбежала запыхавшаяся жена Старикова — не успела она предупредить бандитов, что мужа арестовали.

Но зато это видел толкавшийся на рынке главарь банды Ларин. Вместе со своими дружками Синицыным и Бодровым он исчез.

После трудного поиска нашли в общежитии одного из заводов Бодрова. Он оказал отчаянное сопротивление и в перестрелке был убит. А Ларина и Синицына вскоре по показаниям Стариковых разыскали в селе Васильевке Пензенской области.

Нелегко было выбить оружие из бандитских рук. Поэтому сотрудники уголовного розыска областного управления товарищи М. Ф. Авилов, И. М. Акулинин и руководитель операции Г. С. Писарев были награждены боевыми орденами и медалями, как на фронте. В правительственном Указе говорилось: «...За поддержание общественного порядка в условиях военного времени».

Назову еще имя А. И. Пузако, бывшего в 1942—1943 годах начальником милиции Челно-Вершинского района и удостоенного ордена «Знак Почета». Оперативной группе под руководством Пузако пришлось вести с бандитами, объявившимися в районе, тяжелый бой. В нем Александр Иванович был ранен и контужен, бандитские пули задели и его боевых товарищей, но ни одному преступнику скрыться не удалось.

«Все для фронта, все для победы!» — этот лозунг, выдвинутый нашей партией, стал кровным делом каждого сотрудника Куйбышевской милиции. Война обрушила на них громаду новых задач: охрану государственного и об-

щественного имущества, в том числе эвакуированного из западных районов страны, всемерную помощь массам людей, передвигавшимся на восток страны и оседавшим в городе и области, борьбу с паникерами и вражескими лазутчиками. Можно смело сказать, что не было таких дел, в которых бы они не принимали участия.

Сразу после победы многие фронтовики сменили солдатские шинели на милицейские. Нетерпимость ко злу, стремление к справедливости и умение честно бороться за нее стали их профессиональными качествами.

Оглянемся еще раз в прошлое. История советской милиции — это не только создание и развитие новых форм и методов ее работы, рождение и приумножение революционных традиций, но это и непрерывный духовный рост людей, поставленных на стражу общественного порядка и социалистической законности.

И когда мы говорим о милиционере В. Никитине, погибшем от рук озверевших бандитов в 1921 году, или о сотруднике уголовного розыска В. Чижове, павшем смертью храбрых при защите общественного порядка в 1927 году, мы славим героизм советских людей, вставших на свою первую революционную вахту.

Когда мы отмечаем мужество сотрудников органов внутренних дел Героя Советского Союза В. Михеева, участника Парада Победы на Красной площади В. Кудряшова, кавалера восемнадцати советских и иностранных наград А. Зуева и других, шедших в рядах Советской Армии в атаки на фашистов, мы воздаем славу бессмертному подвигу народа, отстоявшего свободу Родины и поднявшего ее из руин.

Великая Отечественная война стала историей, и без времени сейчас отмеряют не залпы орудий, а мирные стрелки часов. Но битва за общество великой социальной справедливости, за нового человека продолжается. В этой битве почетная роль отводится и советской милиции. Деятельность сотрудников милиции направлена на охрану и приумножение существующих моральных, материальных, культурных, политических ценностей. Это — борьба со злом во имя добра.

Наша профессиональная сфера — это мир людей со всем разнообразием их судеб, их бедами и радостями, работой и увлечениями. Наша главная забота — чтобы в этом богатейшем и сложном мире царили нравственно здоровые, спокойные условия для труда и отдыха.

У нашей советской демократии есть и будут запреты, в высшей степени отвечающие интересам человека. Наша мораль, наши законы запрещают насилие и жестокость, наживу и тунсыдство. Укрепление дисциплины, уважение к правопорядку являются непреложными требованиями. Объективные возможности ликвидации преступности, существующие при социализме, не реализуются автоматически, сами собой. Преодоление преступности — это комплексная социальная проблема, одна из сложнейших проблем, которая когда-либо стояла перед обществом. Ее решение требует планомерных усилий государства и общественных организаций, высокой активности административных органов, в том числе и милиции.

Сила и авторитет органов внутренних дел — в партийном руководстве, повседневном внимании партии к их кадрам, совершенствовании работы по укреплению правопорядка и социалистической законности. Партия постоянно вносит живую струю в деятельность милиции, требует от всех руководителей, партийных организаций подразделений не останавливаться на достигнутом, неустанно искать новые пути повышения эффективности оперативно-служебной работы, профессионального мастерства и культуры сотрудников, расширения связей с трудовыми коллективами, с общественностью в борьбе с правонарушениями.

В соответствии с указаниями партии решающим курсом в наступлении на преступность является курс на профилактику, вытекающий из принципов социалистического гуманизма. Большую предупредительную работу ведут и административные органы, и общественные организации — добровольные народные дружины, товарищеские суды, советы профилактики, комиссии по сохранности социалистической собственности и т. д. Опорными центрами профилактики зарекомендовали себя общественные пункты охраны порядка. Они стали надежным средством пресечения правонарушений по месту жительства.

Ведущая роль в их деятельности принадлежит участковым инспекторам. Там, где участковые работают глубоко, умно, с большим воодушевлением и где общественники убеждены в государственной важности их дел, достигается успех. Опыт лучших пунктов с живой слаженной обстановкой, с высоко полезной деятельностью единомышленников — сотрудников милиции и общественников — находит широкое распространение.

Здесь считаю важным напомнить, что эмблема милиции — щит и меч. Защищая честных тружеников, помогая случайно оступившимся, милиция беспощадно карала и будет карать тех, кто сознательно не желает жить по законам нашего общества. Любое из преступлений требует наказания. И речь, разумеется, может идти только о его степени и никогда — о безнаказанности. Это — азбука и юриспруденции, и общественной морали. Наша важнейшая профессиональная задача — обеспечить неотвратимость наказания.

Когда мы говорим, что милиция — всегда на боевом посту, мы имеем в виду не только ее постоянную готовность к действию, способность прийти на помощь человеку по первому его зову. Мы имеем в виду повседневную боевую службу милиции, полную опасности и риска, смелости и героизма. Героическими являются сами будни милиции. Это не только напряженный, порой круглосуточный труд. Это не только интеллектуальный поединок с противником. Это вместе с тем вооруженные схватки, это риск и самопожертвование, это боевые потери во имя безопасности и благополучия советских граждан.

В управлении внутренних дел на самом почетном месте находится мемориальная доска, куда навечно вписаны имена сотрудников, отдавших жизнь при исполнении служебного долга. И мне хочется сказать куйбышевцам — жителям улицы имени Силаева: не забудьте, здесь погиб комсомолец, рядовой милиции Анатолий Силаев, защищая от грабителей народное достояние. И жителям улицы Партизанской: чтите память молодого коммуниста сержанта милиции Александра Калимуллина, он пал на вашей улице, заслонив собой человека от озверевших хулиганов. О звездных часах капитана милиции Виктора Ивановича Абрамкина и старшего лейтенанта милиции Ивана Андреевича Шумника рассказывается в этой книге. Они погибли не на войне, но каждый умер как солдат.

В музее милиции УВД Тольяттинского горисполкома стоят сине-желтые «Жигули», изрешеченные пулями. Какова же предыстория того, что милицейская машина стала музейным экспонатом?

Как ни медленно, дежурство подходило к концу: до двух часов ночи оставалось всего 15 минут. Но тут заработала рация...

Тревожное сообщение Виталий Ишутов и Владимир Куренков слышали одновременно, хотя и находились

друг от друга чуть ли не в десяти километрах. Дежурный УВД передал по рации, что под Сызранью опасный преступник, применив оружие, отобрал у водителя автомашину «Жигули» и движется по автотрассе. Инспекторам ГАИ было приказано усилить бдительность и при появлении преступника принять меры к задержанию.

От Сызрани до плотины Волжской ГЭС, куда дежурный приказал выехать Ишутову, немногим более часа хорошего хода. Подхватив в автомашину назначенного ему в помощь участкового инспектора Беспалова, Ишутов, не мешкая, выехал к указанному месту.

Ожидание оказалось не долгим. В три часа они увидели быстро приближающиеся огни автомашины. Ишутов достал жезл и, выйдя на освещенный участок дороги, подал знак остановиться. Однако сидящий за рулем не хотел подчиниться. Едва не задев инспектора, он промчался мимо.

Виталий бросился в машину. Догнав уже далеко ушедшие «Жигули», он вновь дал сигнал остановиться. В ответ — заметно увеличенная скорость. Вилея из стороны в сторону, преступник не давал себя обогнать. Инспектор знал, что впереди остался всего лишь один пост, на котором дежурил Владимир Куренков. А дальше — аэропорт и Куйбышев, куда мчавшегося на предельной скорости убийцу пропустить было никак нельзя.

— Володя! — вызвал Ишутов по рации Куренкова, — сию же на хвосте. Не подчиняется. Перекрой дорогу.

— Не беспокойся, сделаю, — послышалось в ответ.

Но и загороженная грузовиком дорога не остановила преступника. Рискав перевернуться, он ловко, через разделительную полосу, обогнул препятствие и помчался дальше. Не отставали от него и автомобили сотрудников милиции.

На сороковом километре погони Куренков попытался обойти «Жигули», которыми управлял преступник, но тот загородил путь. Медлить было больше нельзя, и Куренков выстрелил по колесам. Машина ткнулась в кювет. В ту же секунду инспектора буквально выкатились из своих машин и укрылись в придорожной канаве. И очень вовремя. Машину Куренкова пробили десятки пуль.

Их было трое. Но они понимали, что преимущество на стороне преступника: он ведь стремился их уничтожить, они же хотели взять его живым...

Под плотным огнем они, посоветовавшись, стали окру-

жать его. Ишутов пополз в одну сторону, Беспалов в другую. Куренков, стремясь отвлечь от них внимание, призывал преступника прекратить сопротивление. Тот отвечал стрельбой. Потом, видимо, что-то заподозрив, бросился в лес. Куренков дал предупредительный выстрел, поднялся. В сизом рассвете злобный силуэт удалялся. И тогда, прицелившись, инспектор выстрелил ему в ноги...

По реакции преступника он понял, что попал. Значит, не убежит. Только и складывать оружие он не собирался. Затаившись за могучим стволом сосны, продолжал посылать пулю за пулей. Отдельными выстрелами Куренков и Беспалов вызывали огонь на себя, а Ишутов, умело и осторожно пробравшись по лесу, молниеносно прыгнул убийце на спину. Вырвал из его рук оружие, прижал к земле. Поединок закончился.

В город они вернулись в десятом часу утра. Когда подъехали к зданию УВД, товарищи встретили их цветами.

Родина наградила орденом Красной Звезды Виталия Ишутова, медалями «За отличную службу по охране общественного порядка» Владимира Куренкова и Василия Беспалова.

Можно спросить, что движет человеком в милицеской форме вот в такие критические минуты? И ограничиться односложным ответом: «Долг» — тут нельзя. Служебный долг мы исполняем и верность ему доказываем изо дня в день. Тут сознанием руководит сила духа — сгусток воли и чувств, добра и ненависти. И мы говорим об этом как о подвиге. Служба в милиции предполагает готовность человека к совершению подвига. Трудящиеся должны быть убеждены в профессиональной подготовленности, спаянности, крепости духа тех, кто поставлен защищать их интересы.

За минувшие десятилетия многое изменилось в деятельности милиции, стали другими формы и методы ее работы. В практику внедряется автоматизированная система управления органами внутренних дел области, основанная на применении электронно-вычислительных машин. Совершенствуется аналитическая работа, сбор и обработка информации об оперативной обстановке. Улучшается текущее и перспективное планирование.

Многое изменилось в милиции. Но неизменными остались ее революционный дух, преданность делу отцов, неизменными остались гуманистические принципы ее деятельности. В этом сила нашей милиции.

Иначе нам нельзя!

Жил человек, простой и хлопотливый. Жил беспокойно, все время спеша. Каждое утро, пораньше, спешил на службу, каждый вечер, попозже, спешил домой к заждавшейся жене и зачастую уже уснувшим дочкам. Спешил, пересаживался с трамвая на автобус, только бы не стоять, только бы не терять времени.

И ему как-то шло — спешить. Наверное, и задуман он был природой как человек, всегда находящийся в движении, в хлопотах, потому и энергии ему было отпущено как минимум на двоих. Когда ему говорили об этом, он нехотя поводил крепкими плечами: может быть. А иначе и нельзя — такая служба...

Как она ему досталась, эта хлопотная, торопливая, эта шумная и подвижная служба, мало кто знал. Сам изъяснялся с обычной краткостью:

— Отслужил в армии, пошел в милицию.

Говорить — не работать. Здесь он разом терял свою кипучую энергию. Впрочем, и здесь не всегда. Одно дело — по работе, по существу. Тут и пошуметь можно, и в перепалку броситься. Другое дело — говорить, как сам выражался, о «высоких материях». Очень он всяких громких слов не любил. Вернее, не то чтоб не любил, а остерегался их, сторонился, искренне считая, что разговоры о подвиге, о высоком гражданском долге, о самопожертвовании не могут быть применимы к их обыкновенной службе. И долго молодой журналист, написавший красивый очерк об инспекторе отдела охраны общественного порядка Иване Андреевиче Шумнике, не мог понять, чем недоволен его герой, повторяющий в телефонную трубку:

— Да поймите, я никакой не часовой порядка и не хозяин уличного спокойствия. Просто милиционер. Ну, если хотите, старший лейтенант милиции. Со всеми вытекающими отсюда обязанностями. Простите, но с вашим очерком я... не согласен!

На двух разных концах провода двое по-разному положили трубки. Один, так ничего и не поняв, недоуменно и чуть-чуть обиженно. Другой — с огромным облегчением.

Иногда врожденную молчаливость ему ставили в упрек. Однажды парторг сказал:

— Ну что ты все отмалчиваешься, Иван Андреевич? Что ты, не можешь выступить, призвать?

Он удивился:

— Призвать? Кого?

— Ну как кого? Всех коммунистов отдела...

Он еще больше удивился:

— Да разве надо призывать коммунистов к службе?

Но замечание парторга задело, и он долго раздумывал над ним, стараясь найти подходящую форму внутреннему ощущению своей правоты. Вспомнилось услышанное по телевидению стихотворение Роберта Рождественского.

На земле,
 безжалостно маленькой,
жил да был
 человек маленький.
У него была служба
 маленькая
И маленький очень
 портфель.
Получал он зарплату
 маленькую..
И однажды —
 прекрасным утром
постучалась к нему
 в окошко
небольшая, казалось,
 война..
Автомат ему выдали
 маленький,
Сапоги ему выдали
 маленькие.
Каску выдали маленькую
и маленькую
 по размерам —
шинель..
... А когда он упал
 — некрасиво,
 неправильно,
В атакующем крике
вывернув рот,
то на всей земле
 не хватило мрамора,
чтобы вырубить парня
в полный
 рост!

— Дочка! — сказал Иван Андреевич. — Сбегай-ка завтра в библиотеку и принеси мне эти стихи, а?

...Неловко потоптавшись, он положил раскрытый сборник перед парторгом:

— Вот!

Тот, слегка удивившись, внимательно прочитал, поднял глаза на Ивана Андреевича:

— Хорошее стихотворение. И что?

Иван Андреевич отчаянно покраснел. Как же объяснить, зачем он принес стихи? Торопливо забрал сборник.

— Нет, ничего. Так... показать...

— А-а, — протянул парторг, — тогда ясно.

— Ничего тебе не ясно, — вздохнул Иван Андреевич. И, уже выходя из двери, выпалил: — Жить надо... вот так!

— Ух ты! — воскликнул парторг. — Чтоб не хватило мрамора!

Иван Андреевич поспешно зашагал по лестнице, ругая себя за неожиданную чувствительность.

....Хорошо размышлять над прочитанной книгой. Как ни деликатен писатель, как ни старается он избежать навязывания читателю своих выводов и оценок, а все-таки мы постоянно чувствуем его руку, его пусть тихий, но уверенный подсказ. А попробуйте поразмышлять над человеческой жизнью, которую любители красотей иногда называют открытой книгой. Да еще над такой жизнью, как Ивана Андреевича Шумника, — ясной, неброской, обыкновенной, словом, как у многих и многих, как у всех. Он и хотел жить, как все, — это было его важнейшим жизненным принципом, считал это главным достоинством человека. Тут все дело в том, как понимать это «как все», что именно вкладывает человек в понятие «как все». Одни прикрывают им стремление урвать побольше, пролезть куда-то, бесцеремонно работая локтями: «Все так делают, чего ж отставать?»

У других понятие «как все» означает прежде всего «как должны жить все». У Ивана Андреевича это укладывалось в одно слово: честно. Работать — честно. Дружить — честно. Любить — честно. Без исключений, без отступлений, без особых случаев. Всегда! Везде!

Мне бы очень хотелось рассказать о том, как укоренялось среди сослуживцев мнение о нем как о человеке, на которого можно положиться во всем, в любых обстоятельствах. О том, как не спал трое суток, подменяя на де-

журстве уставших товарищей, как, обнаружив, что ехавший с ним в «газике» малознакомый человек дрожит от холода, усадил его на свое место, к печке, а сам, одетый куда легче, пересел на самое холодное место. И еще о том, как отказывался он от квартиры в новом доме, считая, что есть более нуждающиеся, он, конечно, не из их числа: у его семьи была крыша над головой — восьми-метровка в помещении барачного типа. И когда квартиру в новом доме чуть ли не насильно, но заставили-таки взять, он срывающимся голосом сказал:

— Если вы так относитесь... спасибо! Обещаю... голову положить, если придется... не за квартиру... За отношение.

Никто не посмел улыбнуться над этой неуклюжей, отрывистой фразой. Поняли: уж если Иван Андреевич заговорил таким образом, стало быть, очень многое он хотел сказать.

Наверное, таких людей хорошо понимают женщины. И, не позволяя с ним ни словом ни жестом расхожего кокетства — не располагал он к этому, никак не располагал, — вслед ему не раз устремляли они завистливый взгляд. Эх, мне бы такого! На всю жизнь! Счастливая жена...

Она и была счастливой, жена Ивана Андреевича. Ибо что ни говори, а не каждой встречается человек, за которым чувствуешь себя как за каменной стеной: и от беды уберезет, и радости не расплещет.

...В этот вечер его ждали к вареникам. Очень он их любил, Иван Андреевич. И хоть давным-давно расстались его родители с родной Украиной, хоть и пустила семья Ивана Андреевича в Куйбышеве самые глубокие корни, а все-таки силен он, ой как силен голос крови. И упорно называл стопроцентный волжанин Иван Шумник пельмени варениками, лук — цыбулей, а про русские щи говорил с необыкновенной выразительностью:

— Насыпь борща!

Делали в семье вареники торжественно, с неизменно праздничным настроением. И хотя были они, конечно, обычными пельменями с мясом — тут Иван Андреевич не слишком прислушивался к голосу предков, — именовались они строго в украинском духе: варениками. И ели их, главным образом, со сметаной. Это уже вроде бы как уступка украинским вкусам хозяина дома.

И вот общими усилиями жены и дочек давно превращена бесформенная масса фарша во вкусную начинку, маленькие пузатенькие вареники аккуратными рядами выложены на фанерном листе, готов пахучий бульон, а знакомого звонка в дверь все нет и нет. И никак не может младшая дочка выполнить свой любимый ритуал — всплеснув ладошками, радостно зазвеневшим голосом известить весь мир: папа пришел!

А папа в этот час прийти никак не мог. И не до вареников ему было. В этот миг он напряженно всматривался в лобовое стекло милицейского «газика» и, стиснув зубы, говорил сидящему за рулем шоферу:

— Они, Петя! Давай!

— Но, Иван Андреевич... — сдавленно прошептал шофер.

— Знаю, Петя! — угрюмо сказал Иван Андреевич. — Но тут дело такое... Иначе нам нельзя!

Иначе нам нельзя! В эти три слова было вложено все, чем жил Иван Андреевич, чем дышал или, как он сам любил выражаться, на чем стоял. И все, кто сидел в «газике», приняли сердцем высокую правоту этих негромких, но таких важных слов. Несколько часов, поднятые по тревоге, они метались по заснеженной степи, разыскивая двух одуревших от самогона бандитов, сумевших выкрасть оружие. Уже передали по рации о первых жертвах преступников. Посты и патрули перекрыли все дороги, на въезде в город стояли дружинники. А «Волга», которой завладели убийцы, направлялась именно туда, в город. Она только что разминулась с милицейским «газиком» и, проехав с полсотни метров, тормознула. Мгновением раньше, подчиняясь поднятой руке Шумника, тормознул «газик». Никто еще толком не понял, что бандиты именно в этой «Волге». Но опытом, чутьем, внезапным волнением в сердце Иван Андреевич ощутил: они!

Вот эти несколько секунд, пока машины молчаливо стояли одна против другой, и были отпущены на размышление. Их было слишком мало, чтобы успеть выбрать какой-то оптимальный, наиболее хитрый план, но их было слишком много, чтобы представить, что ждет безоружных дружинников, когда они попытаются остановить машину. Бандитам уже терять нечего.

Нет, выбирать не приходилось, поскольку выбор Иваном Андреевичем был сделан давно, всей предыдущей

жизнью. Он просто вытащил пистолет и, щелкнув предохранителем, негромко приказал шоферу: «Давай!».

...«Газик» был прошит несколькими очередями сразу. Шофер умер мгновенно, в грудь его вцепилось десятка полтора горячих металлических ос. А крепкий, жилистый Иван Андреевич жил еще минут двадцать. Кто теперь знает, увидел ли он своим затухающим зрением, как вынырнул из-за поворота маленький милицейский автобус, как бросились прямо на плещущий в лицо свинец милиционеры-первогодки и, потеряв в этом бою еще одного убитого, выбили из бандитских рук оружие.

Он лежал дома, в переднем углу на столе, непривычно тихий и спокойный, как человек, отдыхающий после исполнения самого главного своего дела. И маленькая дочка Галочка, еще не имеющая понятия, что такое смерть, говорила идущим и идущим друзьям, товарищам и сослуживцам Ивана Андреевича:

— Вы только, пожалуйста, не беспокойте папу. Он полегит, полегит и выздоровеет...

На похоронах Ивана Андреевича не говорили пышных слов, памятуя о том, как он не любил их при жизни. Не говорили даже о том, о чем следовало бы сказать: в решающий миг он, не колеблясь, закрыл своей грудью жизнь незнакомых ему людей. Сказали просто: жил он как коммунист и умер как коммунист.

●

Золотой мешок

Когда начинаешь думать над этим совсем не ordinaryным уголовным делом, невольно возникает вопрос: не слишком ли много в нем случайностей?

Что бы случилось, если б голубоватый «Москвич» КШЖ 17—61 не остановился в погожий летний день около магазина «Электротовары»?

Если бы именно 23 августа Владимиру Земскову не понадобилась фотобумага?

Если бы два потасканных братца, поскандалив, все-таки помирились и по-родственному залили размолвку бутылкой коньяка?

Если бы один из развеселой компании, загоравшей на черноморском пляже, присмотрелся к человеку с пачкой газет и узнал в нем своего земляка — подполковника милиции Булушева?

Что же, так и оборвалась бы тонкая нить, с таким трудом сплетенная усилиями десятков людей? И не возникло бы это дело, ставшее значительным даже в масштабе Министерства внутренних дел?

Едва ли... Возможно, та или иная случайность могла отдалить или, наоборот, приблизить развязку, но никак не могла изменить конечный результат. Потому что все эти случайности были подготовлены умом и талантом опытных, умелых людей, они учитывались и анализировались, на них делались возможные поправки. Так сильный шахматист, зажав своими фигурами «войско» противника, заставляет его делать неминуемые ошибки...

Слово не воробей

Все в этом деле было предельно понятно и ясно капитану милиции Виктору Сергеевичу Катеневу. Как-никак, на протяжении нескольких месяцев он и другие сотрудни-

ки ОБХСС — отдела борьбы с хищениями социалистической собственности — методично и весьма скрупулезно разматывали хитроумно запутанный спекулянтами-путешественниками преступный клубок. В безмерно расплывшихся папках по делу А. С. Коняевой, Е. Я. Риденгер и других содержалось более чем достаточно доказательств и улик. И это прекрасно осознавали не только Катенев, но и две пожилые женщины, сидевшие за маленьким столиком друг против друга.

Очная ставка подходила к концу. Шипя и фыркая от злости, обе матерые спекулянтки в который, ох в который уже раз поносили одна другую, остервенело припоминая давно запротоколированные ковры, фарфоровые сервизы, импортный трикотаж...

Слушать их опостылевшую перебранку было скучно, и Виктор Сергеевич уже ловил себя на том, что мысли невольно соскальзывают то на взаимоотношения киевского и московского «Динамо», то на предстоящий в скором времени отпуск, то на прочие неслужебные рельсы. Время от времени он негромко ронял коротенький вопрос, цепляясь за кое-какие противоречия. И тогда над столиком с новой силой взлетали к потолку все те же пресловутые ковры, гарнитуры, рубашки и чашки. Ничего нового, детали, детальки, деталишки... И вдруг:

— Вона ты как! Вона ты как! — Губы Коняевой поджались, она была вне себя. — Ты давай-ка расскажи, тварь, как ты золото на Кавказ таскала! Что, заело?!

И — осеклась. Маленькие светлые глазки испуганно метнулись на капитана, потом на Риденгер, снова на капитана. Риденгер сглотнула слюну, ее рыхлое заплывшее лицо оцепенело. Впившись взглядом в Катенева, она молчала.

— М-да? — безучастно протянул Катенев, поглаживая редешую прядь. — Монеты, значит? Слыхали. Что ж, уточните, Елизавета Яковлевна, чего там...

Чутьем ли, интуицией — как ни назови это особое чувство — Виктор Сергеевич уловил, что эта в запальчивости брошенная спекулянткой фраза не пустой звук, не просто очередная порция помоев, которыми вот уже час обливают друг друга бывшие сообщницы. И мускул не дрогнул на его лице, а мозг напрягся: осторожней, не спугнуть! Кажется, что-то здесь есть...

Немало лет проработал в милиции капитан Катенев. Множество сложных и темных дел приходилось ему рас-

путывать на своем веку. И все же... Мог ли подумать он, что в это летнее, чуть душноватое утро он впервые прикоснулся к удивительной и запутанной истории мешка с золотых приисков? Истории, в которой перемешались погони и тайники, Амур и Сочи, набитые червонцами валенки и таинственные телеграммы, раскаянье и подлость, всплески откровения и океаны лжи.

Нет, не мог капитан, конечно, тогда представить себе такого. Он только подумал: «Кажется, что-то здесь есть...»

Кто он?

Не такое уж это увлекательное занятие — толкаться на центральном рынке огромного города, лавировать между мешками с картошкой, задевать за сетки, наполненные помидорами, повторяя, как автомат:

— Прошу прощения... Извините...

Но ничего не поделаешь: уходить с рынка нельзя. Пятый день капитан милиции Виктор Сергеевич Катенев приходит сюда, как на службу, к открытию и уходит вместе с последними незадачливыми или несговорчивыми продавцами, уносящими свой товар.

Он уже успел досконально изучить рыночные цены, начал разбираться в хорошей и плохой говядине, знал кто из хозяев готов скинуть, а кто — хоть умри — будет стоять на своей цене.

«То-то жена будет довольна, — усмехаясь, думал Катенев. — В муже открылась хозяйственная жилка».

Впрочем, в молочные и мясные ряды капитан заглядывал лишь для того, чтобы не стоять подолгу на одном месте. Большую часть времени он проводил там, где расположились со своим деликатным товаром — виноградом и апельсинами, лавровым листом и черным перцем — темноволосые, обжаренные солнцем люди с гортанными голосами и широкими жемами.

— Подходи, дорогой, подходи. Смотри — виноград! Замечательный виноград! Прямо из солнечной Грузии!

— Зачем так мало берешь? Больше брать надо! Где еще найдешь такой лист? Ты понюхай, не стесняйся...

Катенев, неторопливо перебирая помидоры в соседнем ряду, постоянно держал на виду почти всех этих прие-

хавших издалека людей. Ждал: не появится ли наконец тот, ради кого он вот уже пятый день погружается в эту рыночную толкотню.

Самое скверное было то, что капитан толком не знал, кто именно должен появиться. Не знал он и того, появится ли человек этот вообще. Риденгер сказала не слишком много: 22 золотые монеты она купила у молодого парня «грузинской наружности», кажется, хромого, имеющего свой автомобиль «Москвич». Вот и все. Ни фамилии, ни имени, ни рода занятий парня она не знала.

И все-таки, поразмыслив, Катенев решил искать его именно на рынках. В самом деле, если Риденгер не врет и парень, торгующий золотом, действительно существует, то возникает законный вопрос: откуда у молодого человека собственная машина? Конечно, машина может быть у высокооплачиваемого рабочего, инженера-изобретателя, молодого музыканта, да мало ли еще у кого... Но эти люди не занимаются торговлей золотом и не вяжутся со спекулянтами. Следовательно, резонно предположить, что машина куплена на какие-то другие доходы.

Может быть, за счет спекуляции золотом? Вряд ли. Столь крупные валютные сделки не ускользнули бы от внимания ОБХСС. Так что торговля золотом для неизвестного молодого грузина, очевидно, лишь один из побочных промыслов.

Короче говоря, не искать же его на симфонических концертах или в читальных залах. Скорей всего он должен появиться все-таки здесь, на рынке.

...Когда вступаешь в сферу вероятностей и предположений, догадок и предсказаний, то невольно ощущаешь под ногами зыбкость почвы. Докладывая начальнику Куйбышевского отдела БХСС полковнику И. А. Комиссарову свои соображения, капитан Катенев сильно сомневался в том, что его могут поддержать.

Основания сомневаться были: разве по столь ничтожным данным можно найти человека в миллионном городе? Да и есть ли он вообще? Ведь спекулянтка могла и обмануть, пустить милицию по ложному следу. Стоит ли отрываться от реальных дел и пускаться в розыски призрака? Ведь в отделе каждый человек на счету и всем работы хватает.

Но полковник выслушал капитана с полной серьезностью. И не только выслушал. Неторопливо, в своей обычной манере, вытащил из кармана футляр, надел очки и

внимательно перечитал протокол допроса Риденгер. Минуту-другую помолчал, потирая ладонью лоб.

— Ну что ж, — задумчиво сказал он. — Пожалуй, она не врет. Не имеет смысла: снявши голову, по волосам не плачут. Чего ей укрывать этого валютчика, когда она даже свои главные козыри открыла. А если так... Он еще помолчал и добавил: — Стоит принять хотя бы вашу версию, Виктор Сергеевич. — Он улыбнулся. — Все равно у нас нет ничего другого. Значит, вы берете на себя центральный рынок. Так?

— Слушаюсь! — коротко отрапортовал обрадованный Катенев.

— На крытый пошлем...

...Стоп! Катенев вдруг испытал то трудно поддающееся описанию ощущение беспокойства и настороженности, которое так хорошо знакомо охотникам и рыболовам.

Он лихорадочно стал оглядывать публику, разыскивая глазами того, кто вызвал в нем это ощущение. Мгновенно obeжал взглядом покупателей, продавцов. Ничего нового. И вдруг... Ага! Вот он, идет к выходу. Молодой черноволосый парень, припадая на правую ногу, уже выходил с территории рынка.

Швырнув на прилавок свеклу, которую он придиричиво осматривал, капитан бросился за парнем. Машина! Есть ли у него машина? Если нет, то опять ложная тревога, как вчера, как позавчера...

Парень подошел к голубоватому «Москвичу». По-хозяйски уселся за руль, небрежным жестом захлопнул дверцу. Взвизгнул стартер, и машина, огибая стоящий у обочины грузовик, помчалась в сторону Ленинградской.

Но теперь это уж было безразлично — куда. Перейдя на другую сторону улицы, капитан Катенев вытащил записную книжку и, внутренне торжествуя, четко вывел номер «Москвича»: КШЖ 17—61.

— Ну, ладно, Виктор Сергеевич, без церемоний. — Полковник Комиссаров указал на стул. — Садитесь и рассказывайте.

Катенев усмехнулся.

— Собственно, рассказывать-то почти нечего. Гигла Кизирия. Студент Куйбышевского политехнического ин-

ститута. Характеристики самые скверные: неуч, симулянт, любитель спиртного. Над женой и ребенком измывается. Года три торгует лаврушкой. С год назад приобрел машину. Пока все.

— Что скажете, Анатолий Сергеевич? — Полковник повернулся к своему заместителю подполковнику Булушеву. — Видимо, тот?

— Да, уж личность, чего и говорить, светлая...

Подполковник Булушев, кудрявый, крепкого сложения человек, громыхнув стулом, встал, прошелся по комнате.

— И все-таки главное-то и неясно: где этот субъект золото берет?

— Узнаем, Анатолий Сергеевич, — негромко сказал Катенев. — Я теперь с него глаз не спущу.

— Это как же? — Булушев удивленно уставился на капитана. — Ездить за ним будешь? А если он месяца три тебя крутить будет? А потом выяснится, что золото он с каникул привозит. Как лаврушку. Нет, это удовольствие дорогое... Надо как-то иначе.

Все трое помолчали. Наконец полковник сказал:

— Ну, так. Ездить не ездить, а посмотреть за Гиглой все же следует. Сам-то он мелочь, сбытчик пустячный, это ясно. Но ведь сидит же где-то золотой паучок, а? Где?

* * *

На следующий день около семи часов вечера в кабинете у капитана раздался звонок.

— Виктор Сергеевич! — услышал капитан взволнованный голос Альберта Новикова, одного из оперативных работников отдела. — Машина КШЖ 17—61 стоит на Ленинградской около магазина «Электротовары».

— Хорошо. Погляди за ней, я сейчас.

Через несколько минут Катенев уже разговаривал с Новиковым. Тот был в штатском, в руках — сетка с пакетами молока, какими-то кулками.

— Командирован за провизией! — перехватив взгляд капитана, смущенно пошутил Альберт. — Домашние принаудработы...

— Ладно, Альберт, спасибо. Ступай, я теперь управлюсь, — сказал Катенев и пошел через улицу к «Москвичу».

Машина стояла против кирпичной арки, ведущей во двор старого дома, сохранившегося еще со времени ста-

рой Самары. На одной из стенок арки белела знакомая чуть ли не всем куйбышевцам табличка:

И. С. НАХБО
ИСКУССТВЕННЫЕ ЗУБЫ
(ВО ДВОРЕ)

И вновь капитан ощутил в себе знакомое чувство напряженности. Зубной техник. Золото. Гигла Кизирия. Вряд ли это совпадение. Очевидно, Гигла приехал именно к Нахбо. Но зачем? За золотом? А может быть, наоборот — предложить золото? Или еще проще — вставить зуб. Не станешь же их расспрашивать: «Ребятки, что у вас за дела?»

И все-таки над этим стоило подумать...

Братцы

— Что-о? Обменять золото?

Подведенные брови поползли вверх. Люся растерянно смотрела на странного клиента: шутит, что ли?

Но тот не был расположен шутить. Согнувшись перед окошком, он раздраженно тряс плохо выбритыми, обрюзгшими щеками:

— Я в банк пришел или куда? Почему вы на меня уставились, что я такого спрашиваю? Ну, золото, золото — обменять золото на деньги! Имею я право это сделать у вас или где?

Люся нерешительно качнула высокой прической:

— Н-не знаю... Подождите, пожалуйста, я спрошу.

Закрыв окошко, она быстро подошла к сдвинутым буквою «П» столам, где сидели другие сотрудницы.

— Девчонки, — весело зашептала она, — там какой-то псих... Золото, говорит, хочу менять. По-моему, он вообще... Чего ему сказать-то?

Три пары глаз с интересом уставились на высокого, неопрятно одетого старика, с брезгливым нетерпением ожидавшего Люсю. И тотчас, сквозь сдерживаемые смешки, — короткий обмен мнениями:

— Может, в милицию позвонить?

— Лучше — в психбольницу...

— Давайте, девчонки, спросим, а?

Странного клиента не смутило внимание. Напротив, он оживился, увидев, что к барьеру подошла не одна Люся.

— А какое это у вас золото, гражданин?

Видимо, старик ждал этого вопроса, по лицу скользнула тень злорадного удовлетворения:

— Нет у меня золота, — заговорил он горячо. — Не было и не будет никогда. А у моего брата-таки есть, и столько, что ой-ой-ой! Израиль Нахбо, слышали такого, нет? Жулик он, скряга, у него и монеты золотые, и драгоценности... Золотые зубы делает, торгует, ловчит, ничтожество! А я Петр Нахбо, я честный человек, я не могу терпеть такого типа на этом белом свете.

Распалаясь все больше, он брызгал слюной, размахивал длинными, разболтанными руками. Девушки озадаченно переглядывались. Потом он, бормоча что-то про суд и прокуратуру, повернулся и ушел.

— Девочки, — решительно сказала Люся. — Может, он и тронутый, а в милицию давайте позвоним. А вдруг?..

* * *

Нельзя сказать, чтобы они были равнодушны друг к другу. Нет, напротив, братьев связывало крепкое, устоявшееся чувство, ослабить которое не могли ни годы разлук, ни значительные расстояния. Но редкие их встречи разжигали огонь этого неугасимого чувства еще жарче и нестерпимей.

Взаимная ненависть связывала братьев Нахбо.

Не было большего оскорбления для Петра Самуиловича, чем похвала в адрес его родного брата. Как жизненную трагедию переживал он финансовые успехи Израиля Самуиловича, его умение волчьей хваткой вцепиться в каждую затертую копейку, его потрясающую способность выходить сухим из воды. Он мучительно завидовал обилию великолепных вещей, заполнивших квартиру брата. Он плевался от ярости, когда слышал о пикантнейших развлечениях, которые позволял себе братец, хоть и перешагнул уже за шестьдесят. Он называл брата — где угодно и при ком угодно — жуликом, скрягой, развратником, вырождением, но зависть и ненависть от этого не ослабевали ничуть. И когда, приехав в Куйбышев, Петр Нахбо натолкнулся на решительный отказ брата заплатить за него долг в гостинице, он почувствовал, что чаша переполнилась, и забродившая ненависть плеснула через край.

Молоденький лейтенант милиции, дежурный Самарского райотдела, с удивлением и нескрываемым неодобрением

ем поглядывал на двух умолкших, яростно сопящих стариков. Перед ним на столе лежал листок бумаги: И. С. Нахбо требовал «привлечь к уголовной ответственности П. С. Нахбо за присвоение ему, И. С. Нахбо, принадлежащего пальто (совсем почти нового)».

Только что лейтенант был свидетелем безобразной, унижительной сцены: жалобщик чуть не с кулаками набрасывался на родного брата. Как только не обзывал он его при этом — и босяком, и попрошайкой, и сумасшедшим лоботрясом, и... Чего только он не наговорил из-за этого злосчастного пальто. Впрочем, ленинградский брат не остался в долгу, так что пришлось даже призвать их к порядку. «И как только не совестно, — тоскливо думал дежурный, машинально перечитывая заявление. — Пожилые люди, дедушки, а вот...»

Телефон прервал огорчительные размышления молоденького лейтенанта. Сняв трубку, дежурный строго посмотрел на братьев Нахбо и назвал себя. И вдруг его круглое лицо удивленно вытянулось.

— Так точно, — почти растерянно пробормотал он. — Слушаюсь, товарищ капитан!

Положив трубку, он быстро, с явным любопытством взглянул на приезжего брата.

— Вы, гражданин, пока останьтесь, — произнес он. — А вы, — он кивнул Израилю Самуиловичу, — можете идти. С заявлением разберемся, будьте спокойны.

Вздыхнув и разведя руками, старый зубной техник побрел к двери.

...Через несколько минут в комнату дежурного вошел запыхавшийся капитан Катенев.

Поединок

Догадливые девушки, сообщившие милиции о визите в банк странного клиента, тем не менее, даже не смогли бы и представить, сколь важным и своевременным оказался их звонок.

Старший лейтенант Земсков, по поручению полковника, немедленно пустился на поиски Петра Нахбо. Осторожно опросив соседей зубного техника, он выяснил, что тот по-прежнему живет один и как будто никаких гостей в доме нет.

Владимир Земсков запросил гостиницы, Дом колхозни-

ка, паспортный отдел. Наконец из одной гостиницы поступил ответ: П. С. Нахбо получил одноместный номер, за который, впрочем, третьи сутки не платит. Где он находится в настоящее время, администратор не знает. Номер заперт, ключ сдан на вахту.

Земсков сам отправился в гостиницу с надеждой хотя бы разузнать подробнее о личности ленинградского Нахбо. Ничего хорошего о своем постояльце в гостинице сказать не могли. Скандалист, грубиян, ведет беспорядочный образ жизни. Не желает платить, несмотря на серию напоминаний. Пожилая горничная высказала предположение, что у него «не все дома». В номер возвращается в самое неопределенное время, так что ждать его сейчас, во втором часу дня, не имеет ни малейшего смысла.

Словом, известия были неутешительными — возникла малоприятная перспектива прождать беспутного брата до глубокой ночи.

Земсков совсем было собрался уходить, когда к нему подошла женщина с ведром и веником.

— Вы, что ли, ждете Нахбо? — неприятно спросила она.

— Я...

— А и нечего ждать. В милиции он, ваш знакомый... Вот так-то... — Она повернулась и, покачивая ведром, пошла по коридору.

Старшему лейтенанту пришлось назваться уборщице, предъявить служебное удостоверение.

Тогда она рассказала, что видела, как постояльца принесли повестку. Слышала, как он ругался по этому поводу, чистил на чем свет стоит милицию, брата, кричал. Потом оделся и ушел.

Это было совсем непонятно. Вернувшись в управление, Земсков принялся обзванивать райотделы. В Ленинском — ничего. Значит, в Самарском.

И прямо попал на дежурного, унимающего двух расхажившихся братьев.

Так Петр Самуилович Нахбо, приехавший из Ленинграда, человек без определенных занятий, оказался в областном отделе БХСС.

Впрочем, он воспринял это без удивления. Он торопился изложить все, что знал о старшем брате. Увы! Внимательно слушая Нахбо, капитан Катенев невольно отмечал, что все его сведения о брате носят откровенно

предположительный характер. Заявления типа: «Не беспокойтесь, он имеет свою копейку», «из ничего делает чего», «вы посмотрите, сколько у него барахла» — все это, в сущности, не имело никакого практического значения.

Но вот Петр Нахбо заговорил о золоте.

— А как вам нравится золото, товарищ следователь? Брату нужно золото. И он имеет золото. Он все имеет. А другие — ничего... Я всю жизнь работаю...

— Подождите, — остановил его Катенев. — Откуда вы знаете, что у него есть золото? Это ваше предположение?

Тот даже возмутился.

— Откуда я знаю про золото? Вы считаете, что у меня нет глаз? У меня очень хорошие глаза, и я вижу золото, когда оно есть. Хорошее предположение, когда это золото я держал в собственных руках.

Горячась и постоянно сбиваясь на ругань, Петр Нахбо рассказал, как, ночуя однажды у брата, он обнаружил тайник, искусно устроенный в старинной ручке водопроводного крана. И в нем — золотые монеты.

— Петра Нахбо не проведешь. Я схватил его за руку, товарищ следователь. Что бы сделал на его месте умный человек? Разве он не выделил бы толику родному брату? Но разве у него голова?

Капитан внутренне усмехнулся. Поведение Петра Нахбо было ясно, как день.

Но, главное, стало ясно и другое: золото у его брата есть. Тайник в ручке водопроводного крана в предстоящей игре мог стать козырным тузом.

...В тот же день был приглашен в управление Гигла Кизирия. После долгого, трудного разговора с Катеневым и Земсковым Кизирия, припертый к стене, был вынужден сообщить, где, когда и за какую цену получил от И. С. Нахбо золотую валюту с целью спекуляции.

Совещание в отделе было коротким. Комиссаров, Булушев и Катенев высказали единую точку зрения: есть все основания задержать Нахбо.

И сразу же встал вопрос: а как задержать? Послать повестку? Но это может насторожить его, и он примет какие-то меры. Послать милиционера? Но это будет походить на арест. А если подозрения не подтвердятся? Зачем же заранее компрометировать человека? С этим тоже следовало считаться.

Наконец Катенев, успевший основательно познакомиться с образом жизни и привычками своего «клиента», предложил приемлемый план.

...Нахбо шел по Самарской. Эту вечернюю прогулку он совершал ежедневно, несмотря на погоду и время года. Старый зубной техник берег свое здоровье.

На душе у него было сумрачно. Он чувствовал, что вокруг что-то нехорошо, что исчезло состояние безоблачности и покоя. Он словно ощущал на себе чей-то пристальный взгляд. Конечно, он на всякий случай кое-что предпринял, но... Правда, может быть, это было связано с приездом брата, с посещением милиции...

Рядом, взвизгнув тормозами, остановилась «Волга». Из нее быстро вышел невысокий, подтянутый человек в темном костюме.

— Добрый вечер, Израиль Самуилович. Я из милиции. — Он показал красненькую книжечку с гербом, — Будьте любезны проехать с нами.

Зубной техник вздрогнул: вот оно, начинается. Он знал, чувствовал... Но вслух ничего не сказал и молча пошел к машине.

И вот он уже сидит перед полковником Комиссаровым и возмущенно трясет гладко выбритой головой:

— Нет у меня никакого золота! Слышите? Брат напел! Поверили этому бродяге.

— А Кизирия? — спокойно напоминает Комиссаров.

— Что Кизирия? Какой Кизирия? — срывается на визг Нахбо. — Не знаю никакого Кизирия. Наговор! Имейте в виду, я буду жаловаться.

— Ладно, — миролюбиво говорит полковник. — Так и запишем: добровольно сдать валюту не хотите. Придется производить обыск.

И поймал колючий, злой взгляд Нахбо. Впрочем, зубной техник тотчас скорбно опустил голову и тихо сказал:

— Что ж, ищите. Унижайте бедного старика...

Грустная усмешка тронула губы Нахбо.

— Вот все мои сокровища. — Он дернул щекой. Потом сделал нарочито широкий жест. — Пожалуйста!

На столе лежало несколько наручных часов, из них

двое в золотом корпусе, и тощая пачка десятирублевков. Все это он только что вынул из ящика шкафа.

— Вот и все. — Нахбо горестно усмехнулся, покачал головой. — Мало? К сожалению, обрадовать вас больше ничем не могу. Увы!

Он вздохнул, вынул платок, тщательно протер лысину.

— Да-да, — сочувственно поддержал его Катенев, — проклятая бедность...

Они находились в комнате, которая напоминала больше лавку антиквара, чем жилое помещение. Она была заполнена, нет, она была набита старинными и новыми вещами: мебелью, фарфоровой и хрустальной посудой, коврами, статуэтками, бронзой, дорогими книгами...

...Катенев и Земсков решили не форсировать события. Осматривая комнату, перебирая вещи, они не торопились приближаться к умывальнику. Катенев был уверен, что Нахбо не выдержит нервного напряжения, выдаст себя. Но тот сидел с подчеркнутым безразличием, сквозь толстые стекла очков глаза его смотрели устало и сонно.

— Любопытная конструкция, — будто бы рассуждая сам с собой, проговорил капитан, притронувшись, наконец, к толстой ручке умывальника.

Нахбо даже не шевельнулся.

— Что в ней? — резко спросил Катенев.

Нахбо молчал.

Искоса поглядывая на старого зубного техника, капитан стал нарочито медленно отвинчивать ручку.

И тут Нахбо откинулся на спинку стула и сладко-сладко зевнул.

Полая ручка была пуста. На секунду Катенев растерялся: Петр Нахбо соврал о тайнике с монетами? Видел ли он их вообще? Или...

Он круто обернулся: сощуренные глаза Нахбо уже не были сонными — они смотрели на него с вызовом и холодной издевкой. Только на мгновение столкнулись их взгляды, но и этого оказалось достаточным для Катенева, чтобы понять: перепрытал! Значит, золото в этом доме есть!

Приблизительно через полчаса из одного из сундуков были извлечены несколько тугих, похрустывающих пачек: деньги, облигации трехпроцентного займа более чем на 4500 рублей. Нахбо отнесся к находке милиции почти благодушно.

— Трудовые сбережения, — доверительно сообщил он. — У меня, молодые люди, стаж работы не то что у вас — за сорок лет перевалил...

А на вопрос, почему не достал деньги сразу, огорченно развел руками:

— Шестьдесят три года... Склероз.

На всякий случай Земсков еще раз осмотрел рояль. Откинув крышку, ткнул несколько раз пальцем в клавиши: «Чижик-пыжик» получился фальшивым. Закрыв крышку, отошел к окну.

Что? Катенев прищурился: неужели показалось?

Нахбо утомленно улыбается: не пора ли товарищам из милиции и того... успокоиться?

— Позвольте, я сыграю... — Он кивает на рояль и, получив разрешение, садится на круглый табурет.

Рояль гремит, бравурные, ликующие звуки рвутся из-под пухленьких пальцев. Какой марш! Ах; какой разудалый, победоносный, торжествующий марш! Как быстро меняется у хозяина квартиры настроение. Стоило Земскову отойти...

Катенев быстро пересекает комнату, кладет ладонь на глянцевитую крышку рояля.

— Что внутри? Интересно бы знать... Попробуем заглянуть туда.

Плечи Нахбо обмякли. Он молчал. Молчал вплоть до того момента, когда Владимир Земсков извлек из глубин инструмента первую жестяную коробочку из-под чая.

— Да! Да! — выкрикнул горячечно зубной техник. — Там у меня спрятаны ценности! Учтите: я это сообщаю органам милиции добровольно. Сам сообщаю, имейте в виду!

На стол было выгружено содержимое чайных коробочек. Полтора десятка золотых часов, массивные золотые браслеты, жемчуг, россыпь драгоценных камней, удивительной красоты платиновые и золотые изделия, медальоны, цепочки, кулоны, множество колец и перстней...

— Откуда у вас драгоценности? — хмуро спросил капитан Катенев. Он был разочарован: ни валюты, ни золотых пластин. Значит, придется искать еще и еще.

Теперь Нахбо играл в открытую.

— Откуда? — зло переспросил он. — Откуда хотите. Например, наследство. Или коллекция. Покупал в ювелирных магазинах. Нравится? Имеете вопросы еще?

— Имеем. Почему прячете? Зачем вам тайники?

Нахбо возмущенно всплеснул короткими ручками, зацокал языком.

— А почему я должен такие ценности разбрасывать по квартире? Может, я панически боюсь воров. Может, не хочу, чтоб видели дочери. Да мало ли... Ах, что за вопрос!

— Ну а где валюта? — Катенев чувствовал, как закипает в нем раздражение.

Нахбо неторопливо снял очки, вынул платок, аккуратно протер стекла. Лицо его опять стало безучастным.

— Валюты у меня нет, — холодно произнес он. — Нет и не было.

Назавтра обыск возобновился. Сантиметр за сантиметром прослушивал Горюнов прибором-золотоискателем пол и стены. Прощупали каждую тряпку, перелистали каждую книжку. Но все напрасно — поиски зашли в тупик. Ничего не нашли ни на принадлежащей Нахбо даче, ни в обоих его гаражах. Убеждаясь в безуспешности обыска, Нахбо держался все более вызывающе. Презрительно следя за работниками ОБХСС, он время от времени бормотал себе под нос что-то о «моральном ущербе», о «жалости к уставшему старику» и «напрасно убитом времени», демонстративно зевал и брался за сердце.

Поздно вечером в кабинете полковника Комиссарова состоялось короткое оперативное совещание. Все были удручены и не особенно скрывали это друг от друга. Катенев же чувствовал себя совсем скверно.

— Илларион Артемович, — откровенно заявил он полковнику. — Мы сделали все, что было в наших силах. Уверен: после того как Петр Нахбо нашел в ручке золотые десятки, братец постарался их сразу же перепрятать. Скажем, зарыл в лесу. А где? Впрочем, я уже начинаю думать, что...

— Что их не было. Да? — подхватил Комиссаров. — Нет уж, вы это бросьте, Виктор Сергеевич! Были! И найти мы должны непременно, куда бы он их ни зарыл. Нахбо хитер, чего там. А мы что, лыком шиты? Найде-о-м!

— А знаете, — быстро проговорил подполковник Булушев, вставая, — я не думаю, что Нахбо рискнул хранить золото где-то на стороне. Не такой он человек, чтоб

с ним хоть на секунду расстаться. Это ж болезнь неизлечимая. Как говорится, одна, но пламенная страсть... Ему непременно надо быть уверенным, что золото рядом с ним, рукой подать... Где-то оно дома!

Комиссаров внимательно посмотрел на оживившееся лицо подполковника.

— А что если, Анатолий Сергеевич, вам попробовать самому? — помолчав, сказал он. — Уверенность — штука хорошая, а свежий глаз — и того лучше. Завтра, между прочим, у нас последний шанс: если валюту не найдем, больше задерживать Нахбо нам закон не позволит... Беретесь?

— Поищем! — решительно тряхнул курчавой шевелюрой Булушев.

— Израиль Самуилович, есть у вас фигурная отвертка?

— Что-что? — Нахбо стряхнул оцепенение.

— Отвертка, говорю, нужна. — Булушев деловито кивнул на холодильник. — «ЗИЛ»-то у вас новый, верно?

— Н-новый...

— Вот и я гляжу — новый. А вот отчего появилась на шурупе царапинка, — Булушев подмигнул, — ума не приложу. Не припомните?

Нахбо молча, будто в столбняке, следил за ловкими пальцами подполковника, вывинчивающего один за одним все двенадцать шурупов задней стенки холодильника. Когда же Булушев снял стенку и, страдальчески морщась, запустил руку в плотный, поблескивающий слой стекловаты, Нахбо закрыл глаза.

— Воды... — прохрипел он, задыхаясь.

— Что-то тут есть, — одновременно с ним сказал Анатолий Сергеевич, вынимая завернутый в бумагу необычайно тяжелый сверток.

Стуча зубами о стакан, Нахбо пустым, остекленевшим взглядом смотрел, как на столе вырастала матово отсвечивающая желтая грудa. Царские золотые десятки, пятерки и империалы, старинные французские наполеондоры и франки, динары, лиры, гиней, расфальцованные в пластинки неизвестно какие золотые монеты.

Булушев с сожалением рассматривал рукав, по локоть облепленный стекловатой.

— Виктор Сергеевич, — сказал он будничным голосом, обращаясь к Катеневу. — Будь добр, позвони Комиссарову. А я пока немножко почищу. Где тут у вас плятая щетка, Израиль Самуилович?

Они сидят уже долго — два немолодых человека. Полковник милиции, в прошлом фронтовик, разведчик и контрразведчик, выдавший за свои пятьдесят лет столько, сколько некоторым хватило бы на три жизни. И шестидесятитрехлетний старик, всю свою жизнь посвятивший одному — обогащению. Их поединок, по сути дела, уже закончен, и его исход не вызывает сомнения даже у самого Нахбо.

И он молчит, уставившись в край стола тяжелым, безнадёжным взглядом. А полковник смотрит на этого подпольного миллионера и пытается понять, о чем думает он сейчас.

Может быть, вспоминает о тех мелких радостях, которые принесло ему тайное богатство? А были ли они, эти радости?

Комиссаров усмехается: как говорится, следствием оных не обнаружено. С соседями постоянно скандалил из-за пятнадцатисвечовой лампочки. Один раз подарил дочери к свадьбе жемчужное ожерелье, но через несколько дней ужаснулся и отобрал, якобы для того, чтобы заложить в ломбард. Ходил к дочери и зятю занять десяточку на хлеб и сахар. Беспреданно демонстрировал, как скудно, почти по-нищенски он живет. Ни одна из четырех жен не смогла выдержать его характер и образ жизни. Правда, обманом и посулами удавалось иногда затянуть в квартиру некоторых женщин, но и те потом старательно избегали липкого старика. Что еще? Пожалуй, больше ничего.

Вдруг Нахбо поднял голову, глаза из-под очков мстительно сверкнули.

— Что радуетесь, полковник? Думаете, взяли старика — и уже на коне? Так вот знайте... Это я вам говорю, Израиль Нахбо. Мне от пирога жалкие крохи достались. А весь пирог... будьте покойны. Про Летчика слышали? Конечно, откуда же вам такое слышать. А больше я вам ничего не скажу. Все! Не буду вам помогать!

Взгляд его потускнел.

Комиссаров покачал головой. И сейчас старика волновали привычные чувства: злость и ненависть. И, пожалуй, желание отомстить. Кому?

Странный рейс

Итак, дело ни в коем случае нельзя было считать законченным. И вовсе не потому, что И. С. Нахбо бросил полковнику Комиссарову свой злорадный намек на Летчика и «золотой пирог».

И сам полковник, и его заместитель подполковник Булушев уже не раз сталкивались с этим таинственным псевдонимом — Летчик.

И, тем не менее, до сих пор не обнаружилось ни одной, самой тоненькой ниточки, ведущей к нему.

А отсюда следовал ясный и точный вывод: под романтической кличкой действует опытный, умный, хорошо замаскированный преступник.

Нельзя сказать, что этот вывод очень уж обрадовал сотрудников ОБХСС. Разумеется, нам, любителям детективных историй, приятнее читать о поединках с умелым врагом. Мы наслаждаемся увлекательной борьбой умов, любим неожиданные осложнения, препятствия, дающие возможность нашим героям по-настоящему проявить себя.

Но поскольку в нашей истории речь идет о делах глубоко жизненных и таинственные преступники действуют не на страницах книги, а в жизни и ежедневно приносят огромный ущерб государству и людям, то все мы предпочли бы историю попроще. И если бы преступник сразу обнаружил себя каким-нибудь неосторожным поступком, никто из нас бы не огорчился.

Увы! Старший лейтенант Владимир Земсков, сидевший несколько дней подряд в аэропорту Курумоч, не мог обнаружить ни единого подобного поступка.

Он завязывал знакомства с летчиками и техниками, перелистывал личные дела работников ГВФ, настойчиво расспрашивал сотрудников оперативного пункта милиции в аэропорту — ничего. Никакого следа, ни единой зацепочки.

...Земсков, молодой, веселый, темпераментный, атлетически сложенный человек, появился в областном отделе

БХСС совсем недавно: был переведен из Чапаевска, как один из самых способных работников. В числе его профессиональных качеств было одно, которое особенно помогло ему работать: он легко сходилась с людьми.

И на этот раз он не изменил себе: большинство сотрудников оперативного пункта вскоре звали его Володей, были на ты и из всех сил старались помочь симпатичному парню в его нелегких поисках золотого следа.

Неудачи многих дней розыска не смущали Земскова.

И вот, наконец, на ловца вышел зверь, правда, не совсем тот, который ожидался.

В оперпункте Земскову показали протокол допроса некой Оли К., девицы неопределенных занятий и сомнительного поведения, постоянно толкающейся около аэропортовского ресторана. Задержана она была с профилактическими целями и после очередной порции увещеваний отпущена. Но... На пальце у Оли с недавних пор появилось толстое золотое кольцо кустарного изготовления. Его происхождение вызвало интерес у сотрудников милиции. Оля не захотела объяснить подробности. И даже возмущалась:

— Дружок подарил. А вас это касается? Вот еще!

Так как никаких сигналов о пропаже кольца в милицию не поступало, оснований заподозрить в чем-либо Олю не было.

Разумеется, Земскова заинтересовал этот щедрый «дружок», швыряющий такие подарки подобным девицам.

Понадеявшись на личное обаяние, он нашел способ заговорить с Олей, пошутил, посмеялся, словом, в самое короткое время очаровал девушку.

Та рассказала Володе, что колечко ей подарил «Женька-цыган», он же помог ей поставить золотую коронку на зуб. Работает Женька шофером на маленьком автобусе с красным крестом.

Однажды в ресторане Володя наблюдал за Олей, сидевшей с двумя подвыпившими мужчинами. Один из них — черноволосый, очень подвижный, с развязными движениями и жестами, привлек внимание Земскова.

«Не этот ли самый... Женька? Она что-то говорила про цыгана... Похож».

Не успел Володя подумать об этом, как черноволосый встал, пожал руку раскрасневшемуся грузному мужчине и, кивнув Оле, пошел к выходу. Девушка тотчас пошла за ним.

Пока Земсков разыскал официантку, расплатился и выскочил из ресторана, парочка бесследно исчезла. Впрочем, пожилой старшина милиции видел, как две-три минуты назад автобус с красным крестом уехал по направлению в город.

Земсков бросился к стоящим неподалеку такси. Показав шоферу служебное удостоверение, крикнул:

— Скорее!

Шофер, ни о чем не спрашивая, дал предельную скорость. Стрелка спидометра заплясала на цифре 100.

— За превышение кто будет отвечать? — осведомился шофер, когда они промчались добрый десяток километров. — Тут у нас строго.

— Ничего, ответим, — буркнул Земсков, не отрывая глаз от ветрового стекла.

Он был встревожен: автобус давно уже следовало догнать, а впереди по-прежнему виднелась безлюдная лента дороги.

Поворот. Еще поворот. И Володя облегченно вздохнул: впереди покачивался синий автобус с красным крестом.

— Этот, что ли? — осведомился шофер, чуть сбрасывая газ и пристраиваясь в хвост автобусу.

— Что значит этот? — Земсков внутренне ругнул себя за оплошность: очевидно, шофер что-то заметил у него на лице. — Давай, скорее, гони!

— Жаль! — Шофер усмехнулся. — Я думал, наконец-то милиция за Женьку Каждая взялась. Вот по ком тюрьма плачет.

Он со злостью надавил на акселератор, и «Волга», скользнув мимо автобуса, стремительно понеслась по асфальту.

— А что такое? — с самым безразличным видом спросил Володя. Главное было сделано: номер автобуса отпечатался в памяти.

— А то... Я его сто лет знаю. Сволочь он, этот Каждый. Деньгами сорит направо-налево. Пьет как сапожник. Дружки у него кругом. Девки... А с чего бы это пить каждый день? Совсем недавно гривенники на папиросы стрелял. А нынче — рукой не достанешь.

Володя слушал внимательно. Слова старого таксиста еще более укрепляли его подозрения: с Каждым дело обстоит нечисто.

Так шофер станции переливания крови ПриВО Евге-

ний Каждый оказался в поле зрения работников ОБХСС. В течение нескольких дней Владимир Земсков собирал о нем подробнейшие сведения. Выяснилось, что Каждый поддерживает близкие взаимоотношения с зубными техниками Ритенштейном и Женькиным, бывает у них дома. Ежедневные рейсы в аэропорт с ампулами крови привлекли особое внимание работников ОБХСС. Может быть, это и есть тот самый золотой след к Летчику, который они ищут уже столько дней. Словом, шофер со станции переливания крови нуждался в самом пристальном внимании. Взялся за дело сам подполковник Булушев.

Если бы Женька Каждый, хлопоча около своего автобуса, знал, что крупный, полный мужчина с небольшим чемоданчиком, ожидающий, по-видимому, какую-то машину, наблюдает за каждым его движением! Уж, конечно, он бы мгновенно утратил игривое расположение духа и постарался скорее умчаться неизвестно куда, лишь бы подальше от этого человека с внимательными и жесткими глазами.

Но Каждый этого, разумеется, не знал и потому пребывал в безмятежном настроении. Толстую девицу, попросившую подвезти до Безымянского поворота, хлопнул по спине и обещал в следующий раз подвезти до... и прибавил такое, что девица, густо покраснев, немедленно удалилась. Крепко «клюнувшей» компании, ломившейся в автобус, терпеливо объяснил, что едет не в город, а на старуху с корзинкой слегка прикрикнул:

— Куда, бабуся? Места забронированы. Не лезь!

Но вот к автобусу небрежной походкой подошел невысокий круглолицый человек в летной форме.

— Эй, друг, в город не едешь? Трояк...

— Давай! — Каждый уселся за руль и открыл дверцу.

Подвыпившая компания рванулась было к автобусу, но перед самым носом первого парня дверца захлопнулась. И тут Булушеву показалось, что Каждый повернул голову к своему пассажиру, словно задавая немой вопрос. Анатолий Сергеевич ясно различил, как тот два раза отрицательно качнул головой.

— Не в город, ясно? — крикнул шофер и, не обращая внимания на парней, тронул автобус.

Булушев долго смотрел ему вслед.

Что заставило неисправимого «левака» отказаться от заработка? И почему пассажир распоряжается поведением Каждая? М-да...

— Я думаю, что это он! — Булушев широко заходил по комнате. — Проверил личное дело. Многое настораживает. Ревизор отдела перевозок. Раньше работал в Хабаровске. Чувствуете? Да и сейчас без конца летает: Хабаровск, Якутск, Магадан. Самые золотые места.

— Подождите, Анатолий Сергеевич. — Комиссаров неторопливо открыл папку и вынул бланк с печатью ГВФ.— А что вы скажете на это?

Булушев впился в бумагу. Это была характеристика. Булушев читал, и лицо его постепенно вытягивалось: официальный документ характеризовал Василия Григорьевича Шурпина как вдумчивого, дисциплинированного, образцового работника, честного, преданного делу и бескорыстного.

— Да-а, — огорченно протянул Анатолий Сергеевич, окончив читать, — промах. Кажется, не тот.

....А утром — неожиданное известие: Каждой и Женькин одним самолетом улетели в Сочи. Уж не там ли состоится их встреча с Летчиком? Подполковник Булушев вылетел вслед за ними.

Весточка с востока

Только на пятые сутки отыскал подполковник Булушев Женьку Каждая и его компаньонов. И посчитал это, конечно же, необыкновеннейшей удачей: небезызвестное присловье насчет иголки и стога сена казалось Булушеву пустяком в сравнении с поисками земляка в миллионной толпе любителей бархатного сезона.

Но, как ни велик и перенаселен курортный Сочи, начиная поиски, Анатолий Сергеевич все-таки был убежден, что в конце концов он неминуемо должен столкнуться с ними. Он знал, с кем имеет дело: искать Каждая или Женькина в залах музеев и театров не стоило. Днем — на пляже, вечером — по ресторанам. Именно такой маршрут избрал себе подполковник Булушев. Изучив схему го-

рода и наметив себе четкий график «культурно-массовых мероприятий», он осуществлял его с железной последовательностью. Возвращаясь за полночь в гостиницу, он по долгу не мог уснуть: уши были забиты осколками ресторанных какофоний, а перед глазами кружились и плыли лица, лица, лица...

И вот сегодня, начав день, как обычно, с популярного ривьерского пляжа, Булушев почти нос к носу столкнулся с Евгением Каждаем. Заняв сразу два лежака, цыгановатый шофер сидел в позе йога и с вялой истомой взирал на утомленную зноем, буйно выпирающую из полосатого купальника блондинку, распластавшуюся рядом с ним.

Умостившись на незанятой полоске гальки в нескольких шагах от Каждая, Булушев разделся, развернул газету, проделал на ее сгибе дырочку и принялся ждать. Вскоре ему удалось даже лечь. Теперь он мог совмещать приятное с полезным — южный загар, решил Булушев, тоже дефицит.

Налюбовавшись вдоволь прелестями сонливой своей соседки, Женька откровенно заскучал. Лениво поглазев на белую черточку ползущего по горизонту теплохода, он вздохнул, достал колоду карт и стал искать глазами возможных партнеров. И когда его взгляд остановился на фигуре уткнувшегося в номер «Черноморской здравницы» мужчины, Анатолий Сергеевич почувствовал под сердцем азартный холодок: какой шанс! Если пригласит — согласиться, познакомиться, войти в доверие, а там...

Газета дрогнула в руке подполковника: обождать или рискнуть? И когда, после секундного колебания, Булушев уже сделал движение, чтобы встать, он увидел, что Каждай повернулся в сторону пробиравшихся к нему двух оживленных, загорелых мужчин и помахал им рукой.

Булушев вздрогнул. Женькин! Это понятно. А второй... Неужели здесь и Ритенштейн? Но ведь этого человека Булушев не раз видел в Советском райотделе милиции, когда тот привлекался за хулиганство. Ведь теперь и Ритенштейн может узнать его, Булушева. А если бы он сел играть с Каждаем в карты? Бр-р...

Уходят с пляжа? Так. Девушка, значит, с ними. Уф-ф, так и не пришлось выкупаться. Лимонадику бы сейчас... Однако можно и встать. Только бы не потерялись. Впрочем, теперь-то уж черта с два!

Девять дней был Анатолий Сергеевич Булушев неотступной тенью Каждая, Женькина и Ритенштейна. Подозрения, что дружки приехали в Сочи насчет «золотых дел», рассеялись очень скоро: эта троица прибыла сюда не наживаться, а тратить. Карманы подполковника были набиты копиями счетов, оплачиваемых его подопечными в «Горке», «Ахуне», «Ротонде» — в самых шикарных ресторанах курортной столицы. Поток хрустящих купюр, казалось, был неиссякаем: 80, 90, 100 рублей ежевечерне оставляли приятели в местах увеселений.

«Ничего, — сердито думал Булушев, сидя где-нибудь в ресторанном уголке за двумя бутылками пива. — Когда-нибудь мы с вами под займемся и бухгалтерией. Сопоставим ваш кредит и дебет».

На шестой день, поговорив о чем-то с Куйбышевым по телефону, внезапно улетел домой Каждая. Телеграфировав об этом Комиссарову, Булушев остался. А еще через три дня засобирались в путь и двое остальных; 22 августа Анатолий Сергеевич, послав вторую телеграмму, вылетел следом за Женькиным и Ритенштейном в Куйбышев.

— Непонятно, — Анатолий Сергеевич недоуменно наморщил лоб. — Говоришь, они ждали, а Каждой не пришел встречать? Я своими глазами видел, как они ему телеграфировали. Может, вы... того, поторопились?

Земсков хитровато посмотрел на него.

— Хорошенького же вы о нас мнения! Нет, Анатолий Сергеевич, его мы пока не трогали. А не пришел он на аэродром потому, что у него дома был дорогой гость. Узнаете?

— Василий Шурпин?! — Выхватив из рук Владимира фотокарточку, Булушев весело округлил глаза. — А как же эти самые... характеристики?

Земсков сокрушенно вздохнул, еле сдерживая довольную улыбку.

— Характеристики... Они ведь тоже бывают разные. Вы сами сказали, чтоб запросили Хабаровск. Ну и вот, прислали.

Земсков протянул подполковнику листок с коротким, отпечатанным на машинке текстом. Булушев быстро пробежал его глазами.

— Так, так, — про себя пробормотал он. — Значит, были и взятки... Бывал в районе приисков, гм... Так, так...

Звонок. Булушев снял трубку.

— Уже здесь. Илларион Артемович. Идем, идем, уже выходим.

...Совещание у полковника Комиссарова закончилось во втором часу ночи. И не будет преувеличением сказать, что многим из участников описываемых событий оно, видимо, запомнится на всю жизнь.

Весы, валенки и телеграммы

Вот краткий хронометраж этого бурно прошедшего дня.

8 часов ровно. Лаконичный, деловитый инструктаж в кабинете начальника ОБХСС. Задача: проследить каждый шаг Каждая, Ритенштейна, Женькина, Шурпина.

10 часов 50 минут. Евгений Каждай, взяв такси, едет к Марку Ритенштейну. Пробыл там около четверти часа, вышел из подъезда хмурый. Наблюдение за ним ведет старший лейтенант А. Новиков.

11 часов 25 минут. Семен Женькин, выйдя из дома, направляется пешком к магазину «Культовары». Через минуту туда же входит старший лейтенант В. Земсков.

11 часов 40 минут. В магазин входит Каждай, сдержанно здоровается с Женькиным. Они оживленно беседуют вполголоса. Владимир Земсков в затруднительном положении: Каждай может узнать его в лицо. Двинувшись было к выходу, Земсков внезапно меняет решение и направляется к прилавку с фототоварами. Рассматривая пачки с цветной фотобумагой, продолжает наблюдение.

11 часов 45 минут. Продавщица выносит Каждаю и Женькину какую-то коробку, распаковывает ее. Земскову не видно, что в ней. Но вот Каждай поворачивается боком: теперь можно разглядеть, что у него в руках. Это аптекарские весы. Каждай и Женькин выходят из магазина и не спеша идут в сторону Красноармейской улицы.

12 часов 10 минут. В кабинете подполковника Булушева раздается телефонный звонок. Взволнованный голос Владимира Земскова:

— Направились с весами к Каждаю на квартиру!

12 часов 12 минут. Оперативное совещание у генерала. Момент критический: надо решать немедленно. Возможно, именно сейчас в квартире Каждая идет торг, взвешивается золото. Есть великолепная, быть может, пока что единственная возможность взять их с поличным. Но если это не так, то... Оправдан ли риск?

12 часов 15 минут. Решение принято: брать! Возглавляет группу старший лейтенант Земсков, операцией руководит подполковник Булушев. Готово все: взят под наблюдение подъезд, включены рации.

12 часов 20 минут. Тревожное сообщение: «Потеряли! В квартире никого нет! Удрали другим ходом, через парикмахерскую. На попутной машине удалились в сторону Волги».

Именно в эту минуту подполковник не выдержал, закурил. Хотя и крепился он уже два года.

Их обнаружили минут через тридцать в ресторане «Волга». Обнаружили, несмотря на то, что Женька и Семен старательно путали следы: из машины пересели на трамвай, потом — на троллейбус и, наконец, по Ярмарочному спуску пошли пешком. И вот что любопытно: оба они нимало не подозревали ни об установленной за ними слежке, ни о погоне. А петляли они по городу, как зверь по лесу, чего-то инстинктивно боясь и неизвестно от кого прячась.

Оставшись у входа в полупустой зал ресторана, Владимир Земсков в упор смотрел на столик в дальнем углу, у окна. Потом медленно поднял руку и многозначительно поманил пальцем испуганно уставившегося на него Каждая.

Расплескав коньяк, Женька торопливо поднялся и нерешительно двинулся к выходу. Семен бросил на него быстрый взгляд и согнулся над столом, пряча руки под низко спустившийся край скатерти. Два сотрудника ОБХСС из группы Земскова быстро подсели к Семену, один из них что-то тихонько сказал ему на ухо. Женькин кивнул, встал и пошел следом за ним, а второй сотрудник принялся тщательно осматривать стол.

...В 13 часов 30 минут в здании УВД началась беседа с шофером Е. М. Каждаем и зубным техником С. А. Женькиным, подозреваемыми в незаконной скупке и перепродаже промышленного золота.

Земсков начал разговор издали: с аварии, происшедшей на Московском шоссе месяца два назад. От Вла-

димира не укрылось, что при слове «авария» в глазах Каждая промелькнули радость и облегчение. Едва выслушав старшего лейтенанта, он почти весело стал отпираться, клялся, что был в ту пору на ремонте, слухом не слыхивал и так далее.

В это время подполковник Булушев вел неторопливую беседу с Семеном Женькиным, осторожно нащупывая подходы к щекотливой «золотой» теме. Семен держался уверенно, охотно рассказал об отпуске, проведенном в Сочи, сравнил Кавказ с Крымом, высказал свое отношение к грузинской кухне и вообще, казалось, был расположен болтать о чем угодно и сколько угодно.

Внезапно Анатолий Сергеевич прервал его вопросом: — Семен Александрович, что у вас в кармане?

Женькин заметно побледнел. Опустив глаза, достал из кармана брюк десятку, носовой платок... Снова полез в карман, заколебался, рука на мгновение замерла...

— Ладно, чего уж там, — негромко и очень спокойно произнес Булушев, — выкладывайте главное.

Женькин поднял на него расширенные, остановившиеся глаза.

— Что мне за это будет? — с трудом выговорил он.

Тяжелый сверток лег на стол. У Булушева отлегло от сердца: слава богу, риск себя оправдал — взяли вовремя. Развернув сверток, он задумчиво поворошил пальцем поблескивающие тусклой желтизной крупинки.

— Рассказывайте, — просто сказал он.

Поняв, что запираться опасно и глупо, Каждый рассказал все. Из предложенных ему нескольких фотоснимков он выбрал фотографию Шурпина: да-да, именно этот человек снабжал его золотом для продажи Женькину и Ритенштейну. Зовут его Васька, служит в Аэрофлоте, в отделе перевозок. Откуда у Шурпина присковое золото? Не знает да и не интересовался. Его, Каждая, интерес заключался лишь в полтиннике, который он получал за каждый проданный грамм.

Каждый добавил, что он давно понял: с этим пора кончать, иначе... (Он скрестил пальцы решеточкой.) Но... привык к деньгам, все тянул, тянул и вот — дотянул...

Около 15 часов того же дня четыре оперативные группы ОБХСС приступили ко второй операции — «Летчик».

* Четыре автомашины, оборудованные рациями, четыре прибора для поиска металлов... Почти весь личный состав отдела БХСС выехал для производства обысков на квартире Шурпина, Каждая, Женькина, Ритенштейна. Полковник Комиссаров остался в управлении: с его кабинетом, штаб-квартирой операции, держали постоянную связь все группы.

Василий Шурпин ковырялся в своем огорожке, когда возле его дома остановилась милицeйская машина. Увидев, что вышедшие из нее люди направляются к нему, озадаченно посмотрел на жену, пожал плечами и неторопливо двинулся навстречу...

И вот он сидит в милицeйском оперпункте поселка Береза, тридцатидвухлетний, совсем невзрачный с виду человек, и на его простецком скуластом лице отражается тупое удивление. И только. Он с охотой и готовностью отвечает на вопросы подполковника Русинова обо всем, что не касается главного — золота, связей с Каждым и с другими перекупщиками. Стоит только Русинову чуть коснуться этой темы, следует стереотипное: «Не знаю. Забыл. Не понимаю чего вы хотите. Нет. Нет. Нет».

В его записной книжке обнаружены квартирный телефон Каждая, пометки: «Зайти к Жене К.», «Позвонить Е. К.». Но тщетно Русинов, а потом и Булушев пытаются добиться от Василия Шурпина правды, напрасно уличают они в нелогичности, в противоречиях. Глуповато хлопая ресницами, Летчик упрямо твердит свое: «Нет. Не знаю. Не знаком. Забыл».

Допрос превращается в бессмыслицу: становится ясно, что Шурпина ничем не собьешь, он не желает выходить из роли удивленного дураковатого простяги. Решили приступить к обыску.

Когда Булушев переступил порог квартиры Шурпина, он невольно вспомнил недавний обыск у Нахбо. Там, в загроможденных дорогими вещами апартаментах старого техника, искать валюту было трудно. Здесь трудности были другого порядка: маленькая комнатка обставлена настолько скромно и даже, пожалуй, бедно, что непонятно было: где здесь спрячешь? Все на виду.

Жена Шурпина с испугом взглянула на вошедших. Потом подтолкнула сынишку: иди погуляй!

— А она вам кто? — спросил Булушев у Шурпина, взглянув на худенькую рыжеватую девушку лет 15—16, смотревшую на них во все глаза.

— Сестренка Маша, гостит она у нас, — торопливо ответил Василий.

— Иди-ка, Машенька, и ты прогуляйся немножко, — мягко сказал Анатолий Сергеевич, взглянув на Русинова. Тот кивнул. Как только за девушкой захлопнулась дверь, начался обыск. ❧

Долго, тщательно, придирчиво обыскивали три опытных офицера милиции маленькую комнатуху Шурпина. Ничего. Нигде ничего.

Потом принялись за нишу, где в беспорядке были свалены кучи всякого домашнего барахла: старые рубашки, подшитые валенки, чемоданы, пачки стирального порошка, ведра, детская обувь. И опять безрезультатно — Шурпин оставался неуязвим.

И только когда начали складывать разномастный скарб обратно в нишу, работник оперативно-технического отдела А. А. Максимов нащупал в детском валенке нечто завернутое в бумагу.

Жена Шурпина ахнула, побледнела. Слезы горечи и обиды хлынули из ее глаз, когда она увидела толстенную пачку крупных купюр.

— Подлец, — выкрикнула она, задыхаясь, — я полгода девяносто рублей на отпуск коплю, от еды отрываю, а ты...

Шурпин молчал.

Пришлось во второй и в третий раз посмотреть каждую вещь, взятую из ниши. Крупные суммы обнаружили еще в трех валеночках. Несколько тысяч рублей... Откуда появились они у скромного ревизора?

— Не знаю, — твердо заявил Василий. — Не мои. Ничего не знаю.

Когда уже собирались уезжать, Анатолий Сергеевич взглянул Шурпину в его застывшие глаза и сказал громко:

— Ты не думай, приискоевое золото мы все равно найдем. Человек ты хитрый, дома его, разумеется, не держишь. Ну да ничего, надо будет — поищем в других местах. В Хабаровске, например, и еще кое-где...

И не мог знать подполковник милиции Булушев, что всего час назад рыжеволосая девчонка отправила в Хабаровск недвусмысленную телеграмму: Василия взяли. Предупреди всех. Маша.

Еще две телеграммы аналогичного содержания полетели по проводам в Альметьевск и Новокузнецк.

Горько пожалел подполковник Булушев о том, что не принял во внимание рыженькую скуластую девчонку, когда наутро легли на стол копии всех трех телеграмм. Но сожалениями делу не поможешь. Надо было срочно исправлять оплошность.

Три оперативные группы отправились по всем трем адресам: в Хабаровск, Альметьевск, Новокузнецк. В детективных историях конец обычно наступает с поимкой преступников. В нашей истории этого было мало: чтобы довести до конца дело такого хищника, как Василий Шурпин, необходимо было ясно и убедительно доказать, что именно он торговал промышленным золотом.

А он все отрицал. Скрытный, подозрительный, изворотливый, он—это следовало признать — избрал для себя наиболее выгодную тактику: ни с чем не соглашаться. Мгновенно оценив интеллектуальные способности своих противников, умных, широкообразованных юристов, он сразу же понял, что ни хитростью, ни вымыслом, ни каким-либо другим оружием он не сможет выиграть схватку умов. И тогда он замолчал, твердя однообразное: «Нет. Не видал. Не знаком. Не знаю»...

Женькин, Каждай, Ритенштейн, изо всех сил стремясь как-то выкрутиться, ускользнуть, выдумывали версию за версией, прятались за полупризнания и полувыдумки — и все сильнее запутывались, были вынуждены раз за разом терять позиции, отступая на другие. Но, по крайней мере, их было на чем ловить, было в чем уличать, у них были слабые места, которые мог нащупать умелый следователь.

В показаниях Шурпина слабых мест не было, потому что, по сути дела, не было никаких показаний. А сильная сторона, к сожалению, была: у Шурпина не нашли главного — золота.

Штаб операции — замначальника УВД полковник Николич, Комиссаров, Русинов — с нетерпением ждали вестей: из Хабаровска — от Булушева и Земскова, из Новокузнецка — от Катенева и Швейкина, из Альметьевска — от Новикова и Путина.

А оперативные группы молчали. Затем тревожные вести: в Альметьевске пока не обнаружено ничего, в Новокузнецке — тоже. Оставалась надежда на Булушева и Земскова.

...До сих пор Булушев и Земсков испытывают чувство благодарности к своим коллегам из Хабаровского краевого управления милиции. Куйбышевцам была оказана неотложная помощь, какая только потребовалась. Им были приданы умелые, энергичные оперативные работники, выделен транспорт, мгновенно выполнялись любые просьбы.

Подполковник Владимир Моисеевич Шиши и лейтенант Алексей Николаевич Мальковский так же, как Булушев и Земсков, не сумели толком поспать ни единой ночи.

Адрес на хабаровской телеграмме был обозначен ясно: Гоголя, 50, Валентине Григорьевне Дмитриевой. Сразу же стало известно, что это родная сестра Шурпина и, по всей вероятности, его сообщница. Работала она медсестрой в одной из поликлиник. Земсков и Мальковский на оперативной машине отправились за ней на работу.

Мальковский остался в машине, а Земсков направился в регистратуру. Валентина Дмитриева работала на втором этаже. Внезапно Владимира Алексеевича осенила неплохая идея: представиться не сотрудником милиции, а...

Раздумывать было некогда: пожилая нянюшка уже вызвала к нему Валентину. Земсков увидел низенькую, сухоощавую, еще молодую женщину, которая выходила из кабинета, вытирая марлей руки. Поймал ее тревожный, испытующий взгляд.

— Здравствуйте, Валя, — понизив голос, сказал Земсков. — Я из Куйбышева. Надо поговорить...

— Да, да, — женщина часто закивала. — Надо...

— Василия взяли, знаете?

— Да, — едва выдохнула женщина. — Я получила телеграмму. Одну минуточку, я сейчас поищу комнату... — Она повела глазами по коридору. — Здесь неудобно.

— Не надо комнату, — торопливо заговорил Владимир. — У меня здесь друг с машиной. Поедем, по дороге поговорим.

— Хорошо. Я сейчас.

Она ушла в кабинет и тотчас появилась уже без халата. Торопливо поправила прическу.

— Идемте.

Выйдя из подъезда, Владимир распахнул перед Валентиной дверцу машины:

— Садитесь.

И замер, увидев что-то неладное. Широко открыв глаза, Валентина смотрела на Мальковского.

Затем сдавленным голосом сказала:

— Здравствуйте, Алексей... Виновата... товарищ лейтенант.

— Здравствуйте, Валя. Ну что же вы, садитесь... — Он охотно пояснил Владимиру: — Был когда-то у них секретарем комсомольской организации. Только тогда она еще не Дмитриевой была.

Земсков со злостью хлопнул дверцей машины: весь его хитроумный замысел лопнул, как воздушный шарик под каблуком.

Всю дорогу до управления Валентина не произнесла ни слова, пустым безучастным взглядом уставилась в окно.

И все-таки она разговорилась. С каким-то ожесточенным самонистязанием она рассказывала о своей неудавшейся жизни, о потоке лжи и грязи, захватившем ее. Она ничего не скрывала: ни того, что в течение года хранила мешок с золотом, оставленный Шурпиным, ни того, что до сих пор хранит несколько тысяч рублей, ни того, что из себя представляют ее «дорогой муженек» Петр Дмитриев и его отец Федор Павлович.

Казалось, она совсем не заботится о том, в какой мере повредят ей те или иные подробности и факты и что будет с нею самой. Ровным, усталым голосом она говорила и говорила...

Булушев слушал ее с удивлением: неужели молодая женщина в двадцать восемь лет могла дойти до такого душевного опустошения, до такой безнадежной душевной усталости? А может быть, за ее вялым безразличием что-то скрывается?

Анатолий Сергеевич чувствовал себя беспокойно: в мозгу бродили какие-то неясные воспоминания. Словно он уже где-то видел эту женщину и никак не мог вспомнить где.

В таких случаях он сосредоточивал волю, напрягал память. И тотчас встала четкая и ясная картина. Ну, конечно! Женщина в фильме «Выборгская сторона»! Кажется, ее играет Ужвий. Поджатые губы, пустой, отрешенный взгляд, тоскливый, усталый голос: «Судите! Стреляйте!»

Он даже сам удивился — ничего себе сравнение: тем-

ная забитая солдатка из подвала и комсомолка со средним образованием. И все-таки что-то общее, несомненно, было, иначе картинка не встала бы в памяти.

И Булушев уверенно «черкнул» в мозгу памятку: с Валентиной разобраться. Если понадобится — помочь.

Шофер управления связи Петр Дмитриев, разбитной широкоплечий малый с быстрыми стреляющими глазами, подошел к Земскову с независимым видом.

— Чего тебе? — недружелюбно спросил он, лихо сплевывая шелуху от семечек.

— Из милиции, — сказал Земсков, — поедете с нами.

Направляясь к Дмитриеву, он уже знал, с кем имеет дело. И решил сразу же сбить с него наглость и нахальство.

Результат превзошел все ожидания Земскова. Дмитриев как-то сразу сник, съезжился, маленькие глазки забегали.

— Очень приятно, — ни с того ни с сего брякнул он. Рот его растягивался до ушей, весь вид выражал искреннее ликование от встречи с работником милиции.

Дмитриев заскочил в гараж, дергая пуговицы, поспешно сбросил спецовку, надел висевший на гвозде пиджак.

— Я готов. Можно ехать.

Земсков молча повернулся и пошел к машине. Петр мелкими шажками семенил за ним.

— Я, знаете, завсегда с дорогой душой... Если что помочь — пожалуйста. Если насчет Вальки, то прямо скажу: терпеть не люблю...

— Помолчите. Потом, — коротко бросил Земсков, садясь в машину. — Пока вас ни о чем не спрашивают.

— Пожалуйста, пожалуйста. Я понимаю. — Дмитриев многозначительно закивал. — Дело секретное.

«А ведь ты, Дмитриев, дурак», — с неудовольствием подумал Земсков.

Но Дмитриев, пожалуй, не был дураком. Скорее, он был пакостником и подлецом, сосредоточившим свои небогатые умственные способности на одном-единственном — наживе. И еще был трусом — до умопомрачения, до полной потери человеческого достоинства.

Придя в ужас от возможности оказаться за решеткой, он нервно кидался по кладовкам и чуланам, выгребая

все, что, по его мнению, могло заинтересовать милицию. Груды нейлоновых рубашек, импортные чулки, туфли — все, что спекулянт не успел «толкнуть», свалилось в общую кучу.

Он угодливо заглядывал в глаза сотрудникам милиции, напряженно тер лоб:

— Что я еще забыл? Одну минуточку...

И мелкой рысцой мчался за новой порцией спрятанных вещей.

Владимир Земсков не выдержал, плюнул. Булушев холодно сказал:

— Вы забыли про золото, Дмитриев.

— Золото?! — Глаза Дмитриева расширились от страха. — К-какое золото? — заикаясь, выдавил он.

— То, которое у вас оставил Шурпин.

И тогда он упал на колени. Это было мерзостно, противно, неестественно, но он действительно упал и, прижимая руки к груди, истошно закричал:

— Нет золота! Честное слово! Не оставлял Шурпин. Увез весь мешок!

— Врете. — Булушев усмехнулся. — Чтобы вы не урвали себе из этого мешка... Не поверю. Советую сдать добровольно.

— А если добровольно? Что тогда будет? Учтется? Булушев нахмурился:

— Учтется. Выкладываете. А то сами найдем.

Петр торопливо вскочил.

— Идемте!

Они вошли в подъезд соседнего пятиэтажного дома. Петр толкнул дверь на первой площадке, и они оказались в большой захлавленной квартире. В первой комнате было пусто, за дверью слышались негромкие голоса, но никто не выходил.

Дмитриев уверенно направился к кровати, нагнулся и вытащил из-под нее тяжелый, кустарной работы ящик с крышкой. Не открывая его, стал быстро развинчивать массивную дверную ручку, укрепленную на крышке.

Булушев и Земсков переглянулись. Опять тайник! Хорошо хоть сам показал. Иначе тут пришлось бы помучиться.

— Да какое тут золото? — льстиво заговорил Петр. — Так, пыль...

На его ладони лежали крупные самородки.

— Это все? — прищурившись, спросил Земсков.

— Все! Все! Теперь-то уже все. Честное слово. Вот и

батяня может подтвердить. Батяня! Да иди же сюда. Тут товарищи из милиции.

В дверях показалась остроносая лисья физиономия лысого старичка. И сразу — та же мгновенная радость:

— Из милиции? Очень, очень хорошо. Давно пора избавить нас от этого проклятого золота. Не в ящике оно, дорогие товарищи, а на душе они, эти камни. Пропади они пропадом!

Булушев с интересом смотрел на этого елейного старичка. Осматривая сарай Дмитриевых, работники милиции обнаружили невероятные, почти плюшкинские залежи: не менее полутора центнеров свинца, олова, десятка два паяльных ламп, огромное количество разнообразного инструмента. Все, что Федор Дмитриев мог утащить с завода, он тащил и прятал в кладовку. И вот сейчас рассыпается мелким бесом и точно так же, как и сын, поливает самой чудовищной грязью Валентину.

— Это все она, дорогие товарищи. Мы с сыном ни при чем. Зачем нам золото? Мы люди смирные.

— А свинец вам зачем? — в упор спросил Земсков. — Тут же для целой мастерской на год.

— Пригодится, дорогой товарищ, в хозяйстве знаете как...

— Откройте ящик! — приказал Булушев.

Ящик был доверху нагружен охотничьими и рыболовными принадлежностями. Булушев и Земсков тщательно осмотрели патронные гильзы, банки, коробочки, снасти. Золота больше не было.

На самом дне Булушев обнаружил две латунные трубки, запаянные с обеих сторон. Взял в руку и удивился — до чего тяжелы.

— А это что?

Старик лицемерно вздохнул.

— Уж простите, дорогой товарищ... Заряды. Рыбку мы глушим... Нарушали, так сказать... Бес путает...

Он сокрушенно развел руками.

— Дайте-ка нож, — потребовал Булушев. Что-то заставило его не поверить старику.

— Взорветесь! Руку оторвет! — с испугом замахал руками старик. — Упаси бог!

Петр Дмитриев угрюмо молчал.

Булушев, испытывая неприятный внутренний холодок, принялся вскрывать трубку. Пробил неглубокий слой свинца, и... покатались на ладонь желтоватые крупинки.

Анатолий Сергеевич облегченно вздохнул.

— Так-то, рыболовы. — Он поглядел на них с нескрываемым презрением.

— А знаете, — вдруг горячо заговорил Петр, блестя глазами, — могу сообщить еще... Учтите... Валька-то вам не все сдала. Свою сберкнижку на триста рублей под сараем спрятала. Говорит, дочери останется. Дочь у нас, понимаете, туберкулезная, пяти лет... Понимаете, Валька, стерва какая... Утаить хотела.

Булушев поймал себя на страстном, почти мучительном желании дать как следует по расплывшейся физиономии. Он на всякий случай сунул руку в карман и отвернулся.

В двенадцатом часу ночи по куйбышевскому времени в штабе операции раздался требовательный междугородный звонок. Полковник Николич снял трубку.

— Есть, товарищ полковник! Нашли! — услышал он веселый голос Булушева.

И солидный человек, заместитель начальника УВД полковник Николич не выдержал и во весь голос крикнул:

— Молодцы!

— Ну что теперь скажете, Василий Григорьевич? — сухо спросил полковник Комиссаров, подвигая к Шурпину лист бумаги с золотыми самородками, изъятыми у Дмитриевых. Сегодня под утро прилетели из Хабаровска Булушев и Земсков. Передав золото Иллариону Артемовичу, они ушли отсыпаться.

Василий Шурпин сидел с каменным лицом и молчал. Пауза затянулась. Теперь, когда главная улика — приисковое золото — была налицо, запирается дальше становилось бессмысленным. Он лихорадочно искал выход и не находил.

— Не мое... — пробормотал он, лишь бы что-либо сказать.

Комиссаров с укоризной покачал головой:

— И не надоело? Сами понимаете, пластинку-то пора и сменить.

Шурпин снова помолчал. На скуластых щеках всплыли два темно-розовых пятна. Наконец он заговорил, с трудом выдавливая из себя слова:

— Виноват... Сознаюсь. Я не украл. Чемоданчик на-

шел в самолете. А в нем это... Я не преступник. Я просто так...

Полковник хладнокровно слушал его, ничего не записывая, не переспрашивая. Потом, воспользовавшись паузой, обронил вопрос:

— Где остальное, в Альметьевске?

Шурпин не шевельнулся.

— Советую, Василий Григорьевич, посерьезней подумать о своей судьбе, — веско произнес Комиссаров. — Вам предъявлено серьезное обвинение, и вина ваша доказана. Станете хитрить — лучше вам не будет. Будет хуже. Выбора нет — сознавайтесь уж до конца.

— Я не преступник, — упрямо повторил Шурпин. — Я...

— Преступник! — жестко оборвал его полковник. — Вы присвоили общенародное достояние — золото. Вы спекулировали. Вы сознательно нанесли ущерб нашей экономике. Этого мало, Шурпин? Так вот вам мой совет: постарайтесь-ка, да побыстрее, успеть хоть что-либо сделать для облегчения своей участи. Вам поможет только правда.

Шурпин, стиснув челюсти, бесстрастно слушал Комиссарова, а когда тот кончил, хрипло произнес:

— Дайте карандаш.

Очень медленно, обдумывая каждое слово, он вывел на листке бумаги:

«Уважаемая тетя! Я во всем сознался. Отдайте золото милиции, Василий».

— Передайте Чекменевой, в Альметьевске, — сказал он, не глядя Комиссарову в глаза. — У нее... мешок.

Полковник внимательно посмотрел на него. И промолчал.

Итак, Василий Шурпин как будто бы наконец был сломлен: записка к тетке свидетельствовала о его намерениях прекратить борьбу и сдаться на милость победителям. Но Илларион Артемович чисто интуитивно подозревал, что конечно далеко не все. Слишком уже легко принял Шурпин решение написать записку Чекменевой: такие люди, как он, просто с золотом не расстаются.

Подсознательная уверенность, что здесь что-то не то, получила подтверждение уже через день. Новиков, позвонивший из Альметьевска, доложил, что Чекменева реши-

тельно стоит на своем: никакого золота у нее нет и никаких мешков она сроду не прятала. Короче, записке Василия она почему-то не поверила.

Осложнение было нешуточным. Скрытная, подозрительная тетушка Василия Шурпина отлично понимала, что у милиции не может быть веских оснований наверняка утверждать, что остатки приискового золота спрятаны ею. Записка племянника? Но Шурпин мог выдумать все, что угодно, симулируя искренность и раскаяние. Телеграмма Маши в Альметьевск тоже не могла быть серьезной уликой: как будто бы и компрометирующие Чекиневу слова «Василия взяли, предупреди» могли иметь и безобидный смысл, например, «предупреди, чтоб не писали писем». А поскольку упорные поиски золота в квартире и во дворе Чекиневой оказались бесплодными, группе Новикова ничего иного не оставалось, как начать собираться в обратный путь. И, по всей вероятности, так и уехали бы они из Альметьевска, если бы...

Если бы опять не выступила на сцену молоденькая рыжеволосая Маша, сестренка Василия Шурпина. Та самая, что несколькими днями раньше своими неожиданными телеграммами в какой-то степени спутала карты ОБХСС.

Не стоит подробно рассказывать о том, каким образом удалось в свое время Шурпину сломить волю своих сестер Валентины и Маши, превратить их в соучастниц. Скажем только, что сам Шурпин был в жизни далеко не тем глуповатым простофилей, каким старался выглядеть на допросах. Пример родного папаши, в течение многих лет терроризировавшего семью, показался ему достаточно убедительным: когда понадобилось, Василий нажал сильнее — и сестры отступили, не посмели перечить. Старшая превратилась в укрывательницу, младшая — в агента по перевозке золота и денег. Известное дело, для подлого слабый — находка.

И все же Шурпину так и не удалось до конца испоганить судьбу своей младшей сестренки. Маша оказалась и честней, и умней, чем ему хотелось. Червоточина неглубоко задела девчоночью натуру. И это полковник Комиссаров отчетливо понял при первой же откровенной беседе с Машей Шурпиной.

Подолгу по душам разговаривал с 16-летней круглолицей девчонкой немолодой, умудренный жизнью полковник, очищая ее сердце и мозг от окарины недоверия и

предубежденности. Беседовали с нею и В. П. Николич, и К. М. Русинов. И добились-таки своего: помогли Маше глубоко и остро осознать, как это бесконечно важно для человека — вовремя выбраться на верную и честную дорогу в жизни.

...В Альметьевск она выехала в сопровождении сотрудницы отдела Т. Н. Кузьминой. Тамара Николаевна сумела расположить к себе Машу, и не только потому, что так было нужно для дела. Она чувствовала невольную симпатию к этой искренней девчонке, запутавшейся стараниями брата в паутине спекулятивных махинаций и страстно желающей разорвать эти липкие нити.

И вот они в Альметьевске. Настороженным, недобрым взглядом встретила Чекменева племянницу. Холодно отвернулась, когда та произнесла первую фразу.

— Тетя, умоляю, отдайте им золото... Отдайте же!

Несколько долгих часов проговорили они тогда наедине. Слуха Кузьминой и Новикова, сидевших в соседней комнате, касались только невнятные отголоски драматического поединка, происходящего за дверью.

Наконец раздались шаги, и на пороге появилась Чекменева. Лицо ее выглядело, как всегда, хмурым. Но очевидно было и другое: тетка Василия Шурпина взволнована не на шутку. Из-за ее спины выглядывали заплаканные и счастливые глаза Маши.

— Отдам, чего уж, — сердито сказала Чекменева. — Раз Васька велел — отдам. Чай он хозяин, не я... У соседки мешок, на даче.

...Через двадцать минут заступ глухо стукнул в крышку деревянного ящичка. Став на колени, Альберт Новиков разгреб руками комья земли и с усилием вытащил его из ямы. Сорвал проволоку, легко откинул крышку.

На дне самодельного ящичка лежал мешок из синей фланели — стандартный мешок с золотых приисков.

Старший лейтенант многозначительно оглянулся на Кузьмину и, ощущая в руке заметную тяжесть, потянул мешок из ящичка...

Эпилог

Вот он на столе — потертый, побуревший от долгого лежания в земле десятикилограммовый мешок. Тот самый, который втянул в себя десятки людей, сломал или исковеркал несколько жизней.

И лежит в нем груда тусклых желтоватых крупинок, не обладающих ни дивной красотой, ни волшебным блеском. Если ни разу не видел приискового золота, то, пожалуй, и не догадаешься, что это оно. И право же, не вызывает оно особого почтения или жгучего интереса. Хороший, вполне уважаемый металл — и только. Медь, например, куда симпатичнее.

Откуда же у него таинственная власть над человеческими душами, почему до сих пор находятся люди, готовые отказаться от доброго имени, стать на скользкую и неуютную тропу преступления?

В Уголовном кодексе валютные спекуляции отнесены к разряду особо опасных для общества преступлений, некоторые категории валютчиков приговариваются к высшей мере наказания — расстрелу. Это абсолютно правильно: нет более тяжкой вины, чем покушение на национальное достояние народа, Родины, подрыв ее экономического могущества.

И все-таки находятся отщепенцы, которые идут на это, несмотря на строгость закона, несмотря на неизбежность кары. Идут, сознательно бросая вызов всему нашему обществу.

Значит, есть все-таки у золота таинственная власть, способная толкнуть человека на подлость и преступление? Не случайно одни называют золото презренным металлом, а другие готовы ради него на все. Стало быть, всему виной растлевающая сила золота, перед которой не могут устоять слабые души?

Нет, дело не в растлевающей власти золота. И золотая мистика тут ни при чем. Все зависит от того, какие души соприкоснулись с золотом. Давайте еще раз вспомним, кто такие все эти Кизирия, Нахбо, Каждый, Ритенштейн, Женькин, наконец, владелец золотого мешка Шурпин.

Спекулянт, торговец лаврушкой, правдами и неправдами втершийся в институт, измывающийся над женой и дочерью, симулянт и наглец — таков Гигла Кизирия.

Рвач, лихоимец, всю жизнь подчинивший своей главной страсти — накопительству, развратный и скаредный пошляк — таков Нахбо.

Подпольные дельцы-предприниматели, наглые, оборотистые, знающие сотни способов выколачивать копейку, — таковы Женькин и Ритенштейн.

Туповатый, неразборчивый в средствах, дремуче-неве-

жественный молодчик Каждай, любитель сомнительных развлечений.

Скрытный, нелюдимый угрюмый делец Шурпин, ненавидящий весь род людской, включая собственную семью.

Образчики человеческой подлости — отец и сын Дмитриевы, потонувшие в своем «добре», украденном, выменянном, перекупленном.

Разве золото их испортило? Они были тысячу раз predisposed к любым махинациям ради наживы. Им не составило никакого труда отказаться от доброго имени, потому что они давно уже его не имели.

С таким же успехом они могли торговать наркотиками. Люди, взрастившие в душе ненасытную жажду наживы, должны были неизбежно стать на путь преступления, оказаться отщепенцами общества. И как всякие отщепенцы, жалкие одиночки, живущие паразитами на теле общества, они неизбежно должны были потерпеть крах. Потому что их главное оружие — тайное богатство — не имеет никакой силы в нашей стране.

В этой истории оказались замешаны и неплохие, но слабые люди. По молодости лет не сразу разобралась в деятельности брата шестнадцатилетняя Маша. Поддалась аморальному влиянию семьи Дмитриевых бывшая комсомолка Валя. И вот интересная деталь — обе они испытывают чувство искренней признательности к людям, которые помогли им вырваться из смрада. Им действительно помогли.

Валя, совершившая серьезное преступление, была приговорена лишь к условной мере наказания: суд принял во внимание ее нелегкую жизнь и судьбу ее пятилетней дочери. Маша совсем не привлекалась. Сделать главный вывод из этой истории девушка должна сама. Судя по всему, у нее на это хватит честности и ума.

Другое дело те, кто пошел на преступление сознательно, кто был подготовлен к нему длительным бесчестьем, всем образом жизни. Против них обернулась, прежде всего, моральная основа нашего общества. Обратите внимание на такую деталь: заполучив в свои грязные руки украденный мешок с приисков, Шурпин лихорадочно метался в поисках сбыта золота. Ему нужен был рынок, который охотно принял бы его необычный товар.

А рынка не было. И не было людей, готовых вступить с Шурпиным в противозаконную сделку. Не случайно Шурпин был вынужден несколько лет пользоваться лишь

услугами родственников. И только после длительных поисков набрел на такого проходимца, как Каждай.

И они не могли не проиграть.

Как ни хитры, как ни увертливы были они, эти скользкие подпольные дельцы, им не под силу было тягаться в уме, сообразительности, энергии с кадровыми работниками нашей милиции. Слишком грозны были их противники — и полковник И. Комиссаров, вдумчивый, рассудительный аналитик, и подполковник А. Булушев с его живым, острым умом, и хладнокровный, дотошный капитан В. Катенев, и находчивый, всегда изобретательный старший лейтенант В. Земсков, и все остальные участники разоблачения шайки «золотых спекулянтов» — высокообразованные, опытные, великолепно знающие свою работу люди. Заместитель начальника УВД Куйбышевского облисполкома полковник милиции В. Николич держал под постоянным контролем всю операцию.

Но был еще один, не менее важный фактор, сыгравший огромную, пожалуй, решающую роль в успехе правого дела. Этот фактор — колоссальное моральное превосходство работников милиции над жалкой кучкой шурпиных, женькиных и каждаяев. Люди в форме советской милиции, борясь с преступниками, сражались за наше общее народное добро, за интересы государства. И они с честью выполнили свой гражданский долг.

Шайка преступников получила по заслугам: участники незаконных спекуляций золотом осуждены на длительные сроки лишения свободы. Золото и ценности, нажитые нечестным путем, возвращены народу — конфискованы.

Таков финал этой истории. Единственно возможный финал.

Прошли годы. Старший лейтенант В. Земсков стал полковником милиции и возглавляет сейчас управление уголовного розыска на строительстве БАМа. Подполковник А. Новиков — начальник ОБХСС УВД города Куйбышева. И. Комиссаров, А. Булушев и В. Катенев уже на пенсии. А что касается преступников... Что ж, у них были и время и возможности, чтобы стать честными людьми. Поэтому мы и решили изменить их подлинные имена.

●

«Спешите делать добро»

Так называется пьеса драматурга Михаила Рощина. О чем она?

О судьбе девочки, которая уже не ребенок, но еще и не взрослая. Девочка переживает «взросление», этот сложный период работы мысли и кипения чувств, поиска и осознания себя.

Пьеса о заботливо-трогательном отношении к девочке одних и равнодушии, непонимании других.

О добре и зле, извечных антиподах в воспитании человека и гражданина.

Эта пьеса вспомнилась мне, когда я познакомилась с капитаном милиции Сергеем Викторовичем Балбашовым.

Если бы...

Тягостно было у меня на душе. Не легче и у Сергея Викторовича. Выйдя из подъезда Игорева дома, мы некоторое время шли молча.

Для Балбашова этот визит к родителям Игоря был далеко не первым. Но он хотел, чтобы я сама оценила увиденное и услышанное.

— Ну как? — тихо спросил он меня.

Утром мы были в больнице, где Игорь долечивался после тяжелейшего алкогольного отравления. А вечером — встреча в его доме с родителями.

Перед глазами все еще стоял симпатичный стриженный мальчишка, которому, казалось, даже полосатая больничная одежда к лицу, а в ушах звучал лай маленькой собачонки. Чтобы собачонка не волновалась, хозяйка держала ее на руках и ласково поглаживала.

— Вот, завели. Обещали Игорю, когда квартиру получим...

Теперь есть двухкомнатная квартира, украшенная

гирляндами и новогодними рисунками на стекле двери, елка в игрушках, аквариум с рыбками. Все это здесь, а Игорь — там...

Его привезла в больницу «скорая помощь» из квартиры двадцатипятилетней женщины, когда тот был на грани жизни и смерти. Мать узнала об этом потом.

То, что сын пропал и не ночевал дома, для матери и отчима не было неожиданностью. Ни в милицию, ни в инспекцию по делам несовершеннолетних, где Игорь стоит на учете как «склонный к бродяжничеству», они не заявили.

— Привыкли к его бегам, — так объяснила мать, молодая, довольно привлекательной наружности женщина.

«Бегают» Игорь Федоров давно. Но одержим не романтической мечтой добраться, скажем, до Баренцова моря или покататься на верблюде. Его привлекают подвалы и чердаки, в лучшем случае, рассчитывает он на квартиры своих друзей такого же типа, которые есть у него во всех районах города. Что-то гонит его из дому.

— Конфликтная ситуация налицо, — говорит Балбашов. — Это своеобразный бунт. Мальчишка приходит к выводу, что лучше убежать. Он так думает. Но его жизненный опыт настолько мал, что дать объяснение своим поступкам он не в состоянии...

А взрослые? Что же предпринимают взрослые?

Мать смирилась с бродяжничеством сына:

— Если его привязать к себе, и то найдет, как убежать.

Видно, и с отчимом пока не сложилось. А те взрослые, с кем сталкивался Игорь в период своих «путешествий», к сожалению, остались равнодушны к его судьбе. Более того, кто-то из них покупал у мальчика часы, запонки и другие вещи, прихваченные из дому. Взрослые же продавали ему водку да еще подбадривали, когда он пил. И охотно протягивали сигареты, когда тот небрежно «кидал» полтинник.

— И никто из них не задумался, что мальчишке-то нет и двенадцати! Паспорта спрашивать не надо: видно и так, — с горечью замечает Балбашов.

Вместе с работниками инспекции по делам несовершеннолетних Октябрьского района Сергей Викторович старается найти причины более чем тревожного поведения подростка. Ведь чтобы лечить, надо поставить правильный диагноз. А в этом случае болезнь явно запущена.

Правда, когда-то пытались любознательному, порывистому, «в какой-то степени с авантюристической жилкой», по выражению Балбашова, мальчику привить к чему-либо интерес. Начинал заниматься боксом, но скоро бросил, потому что надоело. Начинал заниматься музыкой, тоже бросил. В хоккей любит играть только тогда, когда забивает голы. Нельзя сказать, что он не способен к учебе, но не хочет учить.

— Проглядели мальчишку!

И вот опять побег: из закрытой квартиры, по веревке с третьего этажа. В тот же день и произошло с Игорем ЧП. «Факт грабежа трех учащихся из ГПТУ № 35» — так зафиксировано оно в деловых бумагах.

Это случилось в конце декабря на улице Гаражной, у кинотеатра «Вымпел». Двое мальчишек лет 12—13 встретились и «серьезно поговорили» стремя. И вот результат: «Отобрали в общей сложности: шапку, часы наручные марки «ЗИМ», портсигар, ботинки зимние на замке «молния», деньги в сумме 63 к. и вязаную перчатку с левой руки, — перечисляется в той же деловой бумаге. — Принятыми мерами установлено, что одним из двух участников грабежа является малолетний Федоров Игорь Олегович, 1968 года рождения, учащийся 5-го «А» класса...»

Второй участник грабежа — Гена Манахимов, о котором в профилактическом деле в графе «черты характера» написано: «Подпадает под влияние».

«Принятыми мерами установлено...» Всего три слова. Но чтобы они появились, нужны не только знания юриста. Очень пригодилось еще то, что старший инспектор по делам несовершеннолетних Балбашов хорошо знает своих подопечных, знает их друзей, их окружение. Во многом помогает ему прежний опыт работы розысника. Но главное, это стремление Балбашова в каждом, с кем сталкивается его работа, увидеть человека.

— Сергей Викторович очень контактный, — говорила мне капитан милиции Галина Николаевна Одинцова, начальник инспекции по делам несовершеннолетних. — Вы ведь уже видели, как он начинает беседу, слышали, как он разговаривает: неторопливо, негромко, доверительно. А это очень важно. Когда наши меры, чувствуем, не помогают, мы направляем ребят к Сергею Викторовичу. Приходят к нему ершистые, заранее настроенные враждебно. И вдруг встречают хорошего человека, заинтересо-

ванного их судьбой, заинтересованного по-настоящему. Уходят уже другими, как бы оттаявшими...

Сейчас, когда я восстанавливаю в памяти разговор Балбашова с Игорем в больнице, убеждаюсь, как права Одинцова.

Игорь встретил Сергея Викторовича приветливо, по-хорошему улыбаясь:

— А я думаю, кто пришел: мама уже была...

И вот мы сидим втроем на диване, разговариваем, точнее, разговаривают Сергей Викторович и Игорь. О том, как идет лечение, о маме, которая «принесла яблоки — красные такие, большие». Игорь жалуется на скуку:

— Надоело уже...

На своего дружка:

— Не возникает Андрей, выйду — дам по шее.

Разговаривали как бы на разных языках, но прекрасно понимали друг друга.

— Врет он, кинул я у него одну зажигалку.

— Все-таки ты взял, нехорошо, — переводит жаргонное «кинул» на нормальный язык Сергей Викторович. И, как бы невзначай, возвращается к вопросу, его интересующему:

— Где же ты так напился, что богу душу чуть не отдал? Врачи говорят, худо тебе совсем было.

— Не помню, честно, не помню.

Молча сверяю свои впечатления с той характеристикой, которую слышала от Балбашова раньше. Не скрою, все-таки мальчишка мне чем-то симпатичен.

— Что же ты меня подводишь?

Молчание.

— Я тебе верю, а ты? Ты и друзей своих подводишь...

— Больше не буду.

— Да сколько раз ты мне обещал!

— Нет, честно, не буду. Самому надоело. На катке шарахаются от меня: Малец раз подходит и говорит: «Ты что, правда, мужика зарезал?». Во дурак!

— Ну и репутация у тебя, — не выдержала я.

Игорь удивленно посмотрел в мою сторону.

— Он этого слова не понимает, — с доброй улыбкой заметил Сергей Викторович.

Гляжу на Игоря, и как-то не верится, что он совершил преступление, за которое взрослый сел бы в тюрьму. Но факт ограбления установлен, дерзкого ограбления среди бела дня.

— Вы обратили внимание, — поинтересовался Балбашов, — как рассказывал об этом Игорь? Он ни разу не произнес «ограбил», «отобрал». Взял ботинки, а отдал резиновые сапоги. Уникальные это были сапоги: на каждом по огромной дыре. Шапками тоже поменялся. Взял по-лучше, отдал похуже. Для него гораздо спокойнее именно так говорить. Его оскорбляет, если сказать: «Ты его ограбил!». Слышали: «Нет, я подошел к нему и спросил деньги».

Такой игре с лексикой я, конечно, не придавала значения. Но я видела мальчика, привыкшего, чтобы ему по-виновались, уступали, видела «рыцаря удачи» на улице.

Занятые своими делами родители, бабушка и бабушка, которые у Игоря были, не помогли развиться положительным чертам и подавить вредные, опасные. Когда, когда это произошло? Видимо, давно. Болезнь, да, запущена. И я поняла, почему так остро переживает Балбашов за дальнейшую судьбу мальчишки.

Если бы было так, как нарисовал Игорь маме в день рождения: букет цветов — на одной половине листа, на другой — папироса и бутылка, перечеркнутые черным карандашом.

Если бы было так, как обещал он, перед отправлением его в спецшколу, Балбашову:

— Вернусь, буду учиться.

Если бы...

«Одно преступление открывает путь другим». Есть такое изречение у древнего философа Сенеки. Чтобы этого не произошло, Игорю нужна не «скорая», а постоянная помощь, внимание и духовная поддержка взрослых.

Так считает старший инспектор уголовного розыска по делам несовершеннолетних капитан милиции С. В. Балбашов.

Путь длиною в несколько лет

— У тебя, Сережа, к этому есть способности, — говорила Балбашову учительница русского языка и литературы, советуя поступать на факультет журналистики.

То, что Сергей стал милиционером, несказанно удивило его одноклассников, когда, много лет спустя после окончания десятилетки, их бывший 10-й «А» впервые собрался в родной школе.

Кто-то вспомнил, что и тогда Серега тоже отчудил. Пошел в ГПТУ, даже попытки в институт не сделал, а ведь способности-то действительно были.

Мало кто знал, как живет семья Балбашовых.

Сережа остался без отца, когда ему не было и десяти лет, а старшему брату — шестнадцати. Евгения Ивановна работала бухгалтером, заработок невелик. Но ее радовало, что дети довольствуются малым, не чураются никакого труда, помогают, как могут. Особенно довольна была младшим. И счастливо улыбалась, когда слышала от соседей:

— Твой-то Серега молодец!

Конечно, ей хотелось, чтобы сын учился в институте, но особенно перечить не стала, узнав, что тот подал заявление в ГПТУ.

— Ну что ж, опорой мне будешь, сынок!

После окончания училища Балбашова направили на завод и определили в группу старшего мастера Михаила Федоровича Бурова.

— Вот твой станок, работай на нем, но и береги. Он тоже заботы требует.

Следя за молодым токарем, Михаил Федорович радовался его успехам. Довольно скоро он достиг таких показателей в работе, за которые ему было присвоено звание ударника коммунистического труда, а фотографию поместили на цеховую доску Почета.

Максим Горький назвал труд источником всех радостей. Сергей почувствовал, испытал сам эту радость: мастерил приспособления, хорошо разбирался в чертежах, занимался рационализацией. Да еще находил время для сотрудничества в заводской газете. Писал и о хорошем, и о том, что мешало производству. По натуре честный, принципиальный, он не мог, не хотел мириться с недостатками. А однажды, когда принесли в цех свежую многотиражку, кто-то из ребят крикнул:

— Смотрите, опять наш Серега!

«Золотые россыпи» — так на этот раз называлась заметка. Она о пословицах и поговорках — об этом кладезе народной мудрости, о том, как надо бережно к ним относиться, уметь читать их, понимать.

Мастер предложил тогда развесить пословицы по цеху.

«Прогоульные дни — воровству сродни».

«Не будь тетерей — борись с потерей».

— А почему бы и нет! — поддержали рабочие такое предложение.

Как все складывалось хорошо! Но тянуло парня к другому делу. И все свободное время он отдавал ему. То с дружинниками выходит на дежурство, то в рейд с оперативниками из комсомольского отряда. Предложили внештатно сотрудничать с уголовным розыском милиции, тоже с радостью согласился.

Когда принимали кандидатом в члены партии, дававший рекомендацию начальник цеха спросил:

— Не передумал, Сереж, от нас уходить?

Сергей не передумал. Больше того, с каждым днем все сильнее тянулся к любимому делу. Даже в областном УВД был. И вот приказом по личному составу управления внутренних дел зачислен на должность участкового инспектора.

— Ну вот, у всех дети как дети, у меня же один футболист, другой милиционер, — шутила Евгения Ивановна, а сама радовалась за своего упорного сына.

Прошли годы. Сережа стал Сергеем Викторовичем, окончил высшую школу МВД СССР по факультету правоведения, ему присвоена квалификация юриста, он отличник милиции, награжден медалью за 15 лет безупречной службы.

— Вам приносит удовлетворение ваша работа? — спрашиваю Балбашова.

— Зачем бы иначе тянулся я к ней столько лет? — ответил он вопросом на вопрос.

И мне стало все ясно.

Балбашов выходит на след

— Онишук! Стой! — раздумывать, что преступник вооружен, некогда, а что это именно он, сомнений не было. Облик его буквально преследовал инспектора уголовного розыска, даже по ночам снился. Нет, ошибиться он не мог. Знал, что где-то здесь волк кружит. «Почерк» краж — его...

В тот вечер Балбашов возвращался с работы обычным маршрутом: от отделения до дома пешком, чтобы лишний раз понаблюдать за своим подшефным районом.

На перекрестке улиц его внимание привлек полный, с

туго набитым портфелем прохожий. Что-то насторожило Балбашова, заставило внимательно присмотреться к этому пожилому человеку. Но что? Очевидно, выработанная годами интуиция. И вот результат: вспомнилась фотография Онищука-старшего — отца разыскиваемого вора-рецидивиста.

За несколько месяцев до той встречи в Куйбышеве произошла серия дерзких краж. Грабители проникли в служебное помещение санэпидстанции, взломали сейф и похитили 4 637 рублей. Взломали двери заготконторы и забрали ценное имущество. Ночью выставили металлическую решетку и раму в окне сберегательной кассы... Во всех этих ограблениях чувствовалась одна и та же рука. Подозрение пало на Онищука, скрывающегося от ответственности за совершенные преступления.

Онищуку 26 лет. Окончил десять классов. В ГПТУ получил специальность повара. Потом переквалифицировался в шоферы. Работал в различных мелких организациях, долго ни в одной не засиживался. Все это было записано Балбашовым в специальной тетради с присущей ему пунктуальностью и аккуратностью. Он также знал, что грабитель хитер, опытен, вооружен, а это особенно опасно. Знал, что родители преступника живут в его районе. Именно здесь произошла добрая половина прежних краж и совершились новые...

Онищук-старший шел неторопливо, спокойно. Свернул налево, еще раз налево... Балбашов, стараясь быть незамеченным, следовал за ним. Места эти ему были хорошо знакомы. Вон там, впереди, безлюдная улица. Нашупал кобуру пистолета...

Из подъезда многоэтажного здания на тротуар шагнул навстречу Онищуку-старшему человек в куртке и зимней шапке. «Он! Точно он! Младший. Вышел на связь!..»

— Онищук, стой!

Вблизи от дома темнели сарай и металлические гаражи. Парень в куртке метнулся туда. Прозвучали два выстрела. Два предупредительных выстрела...

Так началась операция по поимке опасного преступника, вора-рецидивиста В. Онищука. Конечно, на бумаге все выглядит просто. И в полную меру оценить действия инспектора уголовного розыска Балбашова, вступившего в схватку один на один с вооруженным преступником, сможет только тот, кто сам пережил подобное..

И об этом, и о других аналогичных случаях Сергей Викторович рассказывает неохотно, скупно:

— Боже мой! Сколько их было, таких случаев. Стоит ли вспоминать? Все в прошлом. Ну, если уж очень настаиваете... Помню, осмотр квартиры закончили, казалось, щелочки нет, куда бы не заглянули. Собрались уже уходить, подошли к двери. И тут меня вроде кто-то подтолкнул к постельной тумбочке. Она так же, как все в квартире, была накрыта старой клеенкой, узлы на ней, узлы около нее. В квартире шел ремонт. Потом выяснилось: жена и мать разыскиваемого за попытку изнасиловать малолетнюю специально организовали этот ремонт. Так знаете, вот уж, действительно, чудеса в решете. Открываю тумбочку, он прямо к ногам моим и вываливается. Как туда залез, ума не приложу.

Да, это прошлое капитана Балбашова. Но так устроена наша жизнь, что не может быть ни настоящего, ни будущего без прошедшего.

Если вспомнить ситуации, обстоятельства, которые предлагала Балбашову жизнь, его работа, то перед нами предстанет не просто смелый, но находчивый, сильной воли человек. А случай с Онищуком, как мне кажется, говорит еще и о моральной убежденности и нравственной готовности Сергея Викторовича в любой момент принять бой.

Преступниками становятся не вдруг

Когда-то вор-рецидивист Онищук тоже был ребенком. Но я не могу его представить ни ласковым, ни добрым. Наверняка он дергал кошку за хвост, стрелял из рогатки в голубей и давил, а не отпускал летать с ладошки «божьих коровок».

В свое время замечательный педагог и знаток детских душ В. Сухомлинский писал: «Радость бытия в духовной жизни ребенка должна сливаться с уважением к чужой жизни, к чужой слабости. Муха пусть будет для ребенка Мухой-Цокотухой, а мышь — Мышкой-Норушкой... Не с уничтожения, а с защиты живого существа должна начаться детская жизнь. Потом, став взрослым, человек поймет, что нельзя любить всех, что отношение к живым существам зависит от того, вредны они или полезны. А в детстве человек должен воспитываться в духе любви,

доброты, сердечности. Доброте, как грамоте, нужно учить...»

Видно, родители Онищука преподавали своему сыну — сначала ребенку, потом подростку — иные уроки. И рос он лишенным чувства сопереживания и равнодушным к чужому горю, усваивая лишь одну для себя бесспорную истину: лучше брать, чем давать. И не случайно обыск в квартире его родителей удивил даже выдавших виды инспекторов. Все помещения были буквально нафаршированы различными вещами — одеждой, обувью, хрусталем, фарфоровой посудой. Обнаружено много злотых колец, перстней и прочих драгоценностей...

— Преступниками не рождаются и становятся ими не вдруг, — как бы подытоживая наш разговор об Онищуке и переходя к раздумьям о «трудных», убежденно проговорил Сергей Викторович.

В его оценке проблемы «трудных детей» и в оценке начальника инспекции по делам несовершеннолетних Одинцовой полное единодушие: подростков делают «трудными» обстоятельства.

Представьте праздничный день. В школе-интернате идет утренняя младших классов. Дети играют, поют, им хорошо. И вдруг худенький мальчонка прижимается к воспитательнице, шепчет:

— Не хочу быть большим!

— Почему?

— Пока не вырос, смотрите, как весело. А станешь большим, будешь все выходные и праздники пьяным ходить.

Трудно переубедить второклассника, что не все взрослые так «отдыхают». Слишком отчетливо и ярко в его сознании стоит образ непутевого отца.

Каким будет этот мальчик, по какому пути пойдет? Совсем не обязательно, конечно, чтобы в неблагополучных семьях, как принято говорить, вырастали «трудные» дети. Но это не произойдет лишь в том случае, если в школе, на улице подросток найдет себе моральную опору.

К несчастью, довольно часто мы видим на улице слоняющихся без дела подростков. Нередко взбудораженных вином и от этого чувствующих себя «героями», упивающихся своей независимостью и ранней взрослостью. Мы проходим мимо. Кто-то куда-то спешит, кто-то побаивается их агрессивности... А на другой день узнаем о вчерашнем ЧП.

И школа, к сожалению, тоже «доходит» не всегда и не до всех детей.

Ребята, чьи фотографии я рассматриваю, листая альбом, это уже не просто «трудные». Это правонарушители, а иногда и преступники. И каждый из них нес или сейчас несет определенную меру наказания. Так, например, в симпатичном мальчишке узнаю Игоря Федорова, к которому пришлось применить меры социальной профилактики.

Разные лица, но напрасно ищу в них «черты преступности». И никак не вяжется с их изображением короткий комментарий Балбашова: «совершил кражу», «угнал машину», «ограбил магазин», «вернулся из спецзаведения»... Каждый из этих несовершеннолетних преступников печется только о себе, другие его не интересуют, он и не подумает сделать для них доброе дело. И снова хочется привести высказывание В. Сухомлинского:

«Доброта и еще раз доброта — это тончайшие и могучие корешки, которые питают дерево детской радости, радости нежного прикосновения к живому и красивому. Доброта делает человека чувствительным к словам родителей, учителей, товарищей. Доброта делает ребенка воспитанным, способным поддаться воспитательному влиянию коллектива. Бездушность, бессердечие, жестокость утверждают в маленьком человеке то, о чем говорится в народной пословице: «Хоть кол на голове теши...»

В 14—15 лет человек должен отчетливо знать, что хорошо, а что плохо. Балбашов делает все, чтобы помочь ребятам понять это.

●

Как веревочке ни виться...

Рабочий день подходил к концу, когда в кабинете заместителя начальника областного отдела борьбы с хищениями социалистической собственности (ОБХСС) подполковника милиции Михайлова раздался телефонный звонок.

— Александр Емельянович? Добрый вечер. Беспокою вот по какому поводу. Недавно я случайно обнаружил, что в бухгалтерии медицинского института ведутся преступные денежные операции. Думаю, дело это вас заинтересует...

Михайлов поблагодарил незнакомца (свою фамилию он не назвал) и тут же распорядился проверить, насколько полученная им информация соответствует действительности. К некоторому его удивлению, она полностью подтвердилась. Удивился же Александр Емельянович потому, что знал: лишь за последнее время в Куйбышевском медицинском работали четыре ревизионные комиссии и ни одна из них какого-либо серьезного финансового нарушения не зафиксировала. И вдруг — такой поворот!

Незамедлительно была создана оперативная группа. Вместе со старшим лейтенантом милиции Калякиным и другими сотрудниками в нее вошел и Алексей Левков. По этому поводу некоторые сослуживцы Левкова покачивали головой:

— Не рановато ли? Работает-то у нас без году неделю...

Что верно, то верно. Практического опыта у Левкова, можно сказать, не было — всего около месяца назад, после возвращения из армии, назначили его инспектором ОБХСС. Правда, по окончании института и до призыва на военную службу прошел в этом отделе стажировку. Но продолжалась она всего-навсего считанные недели.

— Конечно, — согласился Михайлов, — трудновато будет. Однако разве даром изрек какой-то мудрец, что

не боги горшки обжигают? И потом, где и набираться опыта, как не в настоящем деле?

А дело и впрямь оказалось самым настоящим. Только за первые два дня проверки бухгалтерии института вновь назначенные ревизоры Мария Степановна Сергеева, Нина Николаевна Ефимова и Клавдия Петровна Ковалева обнаружили 23 тысячи рублей хищения.

— Двадцать три! — еще не научившись скрывать свои истинные чувства, воскликнул Левков. — А вы, случайно, не ошиблись?

— Если бы...

Установилась длительная тишина. Первой ее нарушила Мария Степановна:

— Понимаете, Алексей Алексеевич, мы тут успели обменяться мнениями и пришли к выводу, что пока уцепились лишь за один конец веревочки. Нет-нет, конечно, не утверждаем, а только предполагаем, что тянется она далеко-о...

— Интуиция подсказывает?

— Может быть. Однако больше говорят документы. И в первую очередь ведомости на выдачу денег.

— Ясно, — Левков поднялся со стула, одернул полы пиджака. — Понятно!

В ту ночь он долго ворочался с боку на бок, пытаясь уснуть. Волновался. Хотя, казалось бы, с чего? Неожиданного для него открытия ревизоры не сделали. Недаром же пять долгих лет провел он в стенах планового института, и что значит учет, отчет, досконально знал и сам. Скажем, денежные документы, те же, например, ведомости на выдачу аванса или зарплаты, находятся на строгой сохранности, подобно какой-нибудь никчемной бумажке их запросто не выкинешь. Но ведь люди, занимавшиеся преступными махинациями, тоже, вероятно, не дремлют. Чтобы замести свои следы, они могут придумать такие ходы, какие честному человеку и в голову никогда не придут. Следовательно, необходимо принять самые действенные меры к тому, чтобы все до одного документа были в целости. И меры эти принять, и головой за них отвечать должен лично он, Левков. Почему лично? Да потому что так сложились обстоятельства. Калякина срочно перевели на работу в уголовный розыск, и, таким образом, вся тяжесть по делу мединститута легла на плечи молодого инспектора. Потом, верно, опергруппу значительно расширили, усилили, однако на первых порах

произошло именно так: Левкову надо было успевать всюду.

И сколь ни удивительно — малоопытный же! — успевал. Успел он, в частности, изъять бумаги, которые находились в архиве и — срок их хранения истек — были подготовлены к уничтожению. Не прояви он тут похвальной оперативности, замешкайся хотя бы на сутки, и потери могли быть невосполнимы, ибо бумаг этих оказалось ни много ни мало — две автомашины! Впоследствии по ним были выявлены десятки тысяч рублей, похищенных у государства.

Теперь естествен вопрос: а кто же конкретно эти хищники? Кто, презрев честь, совесть, закон, запустил руку в народный карман?

С самого начала расследования стало очевидно, что главным действующим лицом является старший бухгалтер расчетной группы бухгалтерии института Азязова. Затем, вовлеченные ею в свою шайку, шли старший бухгалтер материальной группы Морудова, ассистент кафедры акушерства Ракчеева, лаборант кафедры оперативной хирургии Комарова. Все? К сожалению, нет. В составленном позднее обвинительном заключении значились еще (разумеется, все из того же мединститута) комендант общежития № 1 Андреева и заведующий складом хозяйственной части Поликарпов.

Уже по этому беглому перечню легко проследить, что злостные расхитители — люди разных профессий, должностей. Заметно они разнились по характеру, возрасту, внешности. Неодинаковое у них и образование. Скажем, Ракчеева и Андреева. Первая в свое время закончила Куйбышевский медицинский институт, затем здесь же обучалась в клинической ординатуре, получила ученую степень кандидата наук. Вторая пошла на работу после 7 классов. Но была у этих непохожих друг на друга людей и общая черта — рвачество. Тут они оказались полными единомышленниками, все их устремления свелись к одному: захватить себе кусок побольше, перекачать деньги из казны народной в свою собственную. Все это, понятно, незаконным путем, все это воровским способом.

Следовало срочно произвести обыск. Взяв понятых, работники оперативной группы отправились на квартиры преступников. Левков вместе со старшим лейтенантом Яковлевым прибыли к Морудовой. Осмотрели все, что можно было осмотреть, — и ни единой улики против хо-

зайки. Ничего не дал обыск и у Аязовой: никаких излишеств. Обстановка дома весьма скромная, коль не сказать — бедная. Но это уже настораживало. О какой бедности могла идти речь, если хозяйка квартиры имела 33-летний стаж счетной работы, из них 19 в должности старшего бухгалтера? Если ее муж был не кем-нибудь, а главным бухгалтером городского отделения Госбанка?

Нет, бедность не могла быть уделом семьи Аязовых. Просто чтобы обезопасить себя, здесь заранее подготовились к возможному обыску, который потому-то ничего и не дал. Впрочем, прошел он все-таки не совсем бесследно. Был найден лист бумаги, исписанный четким почерком и озаглавленный: «Молитва от следствия». Затем обнаружили еще один такой листок, но с другим текстом. То уже была молитва от суда.

Один из участников обыска не выдержал:

— Знала кошка, чье сало съела... — Усмехнулся. — Поможет эта молитва как мертвому припарка.

Да, ревизия еще шла, а дело о хищении денег было передано в следственный отдел. И именно тогда лейтенанта милиции Алексея Левкова судьба свела с лейтенантом милиции Светланой Улановой. Конечно, находясь в одном учреждении, под одной крышей, они встречались и раньше, но эпизодически, мельком. Ничего удивительного: работали в разных отделах, к тому же, как уже говорилось, в управлении внутренних дел Куйбышевского облисполкома Левков был человеком новым. А теперь не проходило дня, чтобы молодые люди не оказывались вместе. Ибо вести следствие было поручено Улановой. А это означало, что клубок преступлений они должны были размотать совместными усилиями, поддерживая и помогая друг другу. Как же тут обойтись без постоянных встреч?

— Ей-ей, — посмеивались сослуживцы, — быть свадьбе.

Молодые люди краснели, смущенно отворачивались, сердито махали руками:

— Оставьте, пожалуйста, свои шутки. Не до них...

И это была правда. Уголовное дело, которое получило номер 6305, с каждым днем требовало все больше времени, все больше уходило на него сил — и физических, и духовных. Почему? Быть может, оно оказалось слишком сложным, запутанным, хитросплетенным? Нет, для присвоения государственных денег мошенники придумали

весьма незамысловатые способы, полагаясь, вероятно, на известную истину: что просто, то и гениально. Потребовало же это дело от Улановой, Левкова, их товарищей огромного напряжения потому, что надо было перевернуть буквально горы бумаг, встретиться с огромной массой людей. Для выявления истины одних только свидетелей пришлось вызвать 992! А ведь с некоторыми из них состоялось по две-три беседы. Словом, не надо обладать особенно богатой фантазией, чтобы представить весь объем следовательской и иной работы.

Тут самая пора выяснить: как стало возможным дело № 6305, с чего оно началось? Ответ на этот вопрос дает обвинительное заключение, где говорится: «Следствием установлено, что Аязова Вера Сергеевна как одна, так и по предварительному сговору с другими лицами организовала и совершила хищение из кассы Куйбышевского медицинского института государственных средств в особо крупном размере путем злоупотребления своим служебным положением, пользуясь при этом бесконтрольностью со стороны бывшего главного бухгалтера Ковалькова И. А., главного бухгалтера Данилиной Л. И., а также халатным отношением к исполнению своих служебных обязанностей кассиров Семиной В. А., Фридман В. А., Черногребель Р. М., Волочай Л. И., которые доверяли платежные документы и деньги Аязовой и создавали ей возможность учинять в этих документах подложные подписи...»

Итак, один из способов хищения денег — подписи от имени вымышленных лиц. Первый раз употребила их Аязова в декабре 1972 года. Тогда в платежных ведомостях № 2965 и № 2993 она начислила к выдаче неким (за которых сама же и расписалась) Томышевскому, Повейлиной, Прощубинскому, Козловой и другим несуществующим на белом свете людям без малого полтысячи рублей. Можно было бы, кажется, на этой довольно кругленькой сумме и остановиться. Но ведь давно известно, что аппетит приходит во время еды. В следующем, 1973 году Аязова развернула еще более бурную деятельность: похитила уже 15 135 рублей 73 копейки. В 1974 году — 19 713 рублей 08 копеек. В 1975 году — 20 616 рублей 90 копеек. Так и пошло по восходящей. Причем, в свой карман клала все больше, подбрасывая тем, кого привлекала к воровству, поменьше. Например, из упоминавшихся выше 20 616 рублей 90 копеек совместно с Морудовой похитила

240 рублей 79 копеек, с Андреевой—2 444 рубля 72 копейки, с Ракчеевой — 1 394 рубля 07 копеек, с Комаровой — 153 рубля 14 копеек, с Поликарповым — 216 рублей 30 копеек, а одна — 16 167 рублей 88 копеек.

Приходится удивляться не только алчности и наглости Аязовой, но и ее неистощимой изобретательности на фамилии. Для каждой ведомости придумывала все новые и новые, и всякий раз до невероятности уродовала почерк, ставя фальшивые подписи. Все же пришло время, когда мошенница забеспокоилась: действует она слишком однообразно, могут и уличить. Так рядом с вымышленными фамилиями в платежных документах появились фамилии людей реальных, тех, что когда-то учились или работали в институте. Одна из них — Смирнова А. Е. Послали ей повестку — не явилась, послали вторую — то же самое.

— Но женщина эта очень и очень нужна! — горячо проговорила Уланова и невольно отвела взгляд в сторону: было неудобно перед Левковым, совсем загоняла человека. Разыскивая по ее просьбе причастных к делу людей, исколесил он город вдоль и поперек. А город протянулся вдоль Волги чуть ли не на шестьдесят километров, в нем более миллиона двухсот тысяч жителей. Иной раз, пока находил нужное лицо, ноги становились чугунными. Так что будет совершенно прав, если скажет: «Дайте передохнуть хоть немножко». Но Левков ответил иначе:

— Не беспокойтесь, Светлана Васильевна. Коль очень нужна, разыщу. Сам пойду на дом.

Однако дома, деревянного, одноэтажного, не оказалось — снесли, на его месте построили другой, высотный. В подобных случаях инспектор обращался в адресное бюро. Так поступил и сейчас. Заполучив там длиннющий список с одной и той же фамилией (Смирновы уступают в Куйбышеве, пожалуй, лишь Ивановым да Кузнецовым), стал обходить здание за зданием, улицу за улицей. Все впустую, нет такой женщины. Но ведь Уланова сказала четко, ясно: она очень нужна. Значит, надо продолжить поиск.

В конце концов его усилия были вознаграждены: со Смирновой встретился. Жила она в центре города — на Молодогвардейской, отыскать же ее оказалось непросто потому, что в платежных ведомостях то ли по ошибке, то ли умышленно были перепутаны инициалы.

— Ну какая я, сынок, А. Е., ежели вот уже седьмой десяток меня кличут Евдокией Алексеевной?

— Потому-то, бабушка, — не скрывая радости, отвечал Левков, — и кружил я вокруг да около.

Старушка насторожилась.

— Кружил? Зачем? Чего тебе надобно-то?

— Поговорить, бабушка. Как вы в институте работали...

— А-а, было такое, только давно. За хворыми ухаживала, санитаркой прозывалась. Да прогневила чем-то господу, наказал он меня, сама в кровать слегла.

— Сколько же времени, бабушка, вы проработали?

— И-и, сынок, и месяца не дотянула.

— А получили денег сколько, наверное, уже и не помните?

— Это почему же не помню? — даже обиделась старушка. — Я, чай, слава богу, не какая-нибудь там миллионерша. Шестьдесят рублей мне в институте-то выдали.

60 рублей... А по документам получалось, что начислено ей 500. Может быть, старушка все-таки что-то забыла, напутала? Показали подписи. Долго к ним присматривались, по-всякому вертела перед глазами, затем смущенно призналась Улановой:

— Ничего не пойму, доченька. Роспись моя, куда денешься? А только денег таких я не получала. Нет и нет! Слыхано ли, чтобы за неполный месяц такая куча? Да... да что же это творится-то!

— Не волнуйтесь, Евдокия Алексеевна, не переживайте. Что творится — разберемся, а вас мы ни в чем не обвиняем. Живите себе, пожалуйста, на здоровье, спокойно и мирно.

Попрощавшись со старушкой, Уланова отправила ведомости, в которых значилась фамилия Смирновой, на экспертизу. Спустя некоторое время пришло заключение: подписи подделаны рукой Аязовой.

— Опять она! — вырвалось у Светланы Васильевны. — Снова и снова она!

Сняла телефонную трубку, набрала нужный номер, попросила привести из камеры предварительного заключения Аязову. Та вошла в кабинет следователя, как всегда, вразвалочку, с видом человека, ни за что ни про что угодившего под стражу, а потому, естественно, возмущенного и обиженного.

Уланова показала женщине взглядом на стул, протянула документы с подделанными подписями.

— Ваша работа?

— Кто вам такое наплел? — сразу перешла на повышенный тон Аязова. — Небось старуха? И вы поверили? Она давно из ума выжила, ей давно пора на мазарки, ей...

— Ошибаетесь, — не дала дальше кощунствовать арестованной Уланова. — Евдокия Алексеевна ни при чем. Заключение экспертизы.

— Знаем мы этих экспертов. Мастера тыкать пальцем в небо. — Гневно перегнулась через стол. — Тысячу раз говорила вам: нет моей вины. И еще тысячу раз скажу: не виновата, не виновата!

Светлана Васильевна прикусила губу. Топнуть бы сейчас ногой, грохнуть кулаком, показать на дверь: вон! Нельзя. Она следователь. Она не должна, не имеет права давать волю своим чувствам. Только трудно, ох как трудно оставаться спокойной и уравновешенной, когда человек прямо смотрит тебе в глаза и, вопреки логике и здравому смыслу, на каждом слове лжет, клеветает, черное выдает за белое. Что заставляет так поступать Аязову, чего в конечном счете добивается? Впрочем, ясно чего: пытается выкрутиться, вывернуться, уйти от правосудия. Но должна же понимать: преступление безнаказанным никогда не остается, за него обязательно расплачиваются. Должна понимать хотя бы уж потому, что не наивная девочка, для которой Уголовный кодекс — темный лес, нет, в свое время, до переезда в Куйбышев, в родном районном центре Исаклы была даже народным заседателем суда...

По-своему истолковав молчание Улановой, Аязова внезапно понизила голос:

— Неужто вы до сих пор не поймете, что...

Оглядываясь по сторонам, словно проверяя, не подслушивает ли кто, долго и жарко шептала, что к хищению государственных денег никакого отношения не имеет, а если все же они где-то просочились на сторону, то и тут не ее вина, ибо за спиной у нее большие, высокопоставленные лица и она в их руках лишь жалкое оружие.

Вот такой была Аязова. И при первом допросе. И через месяц. И полгода спустя. Короче, во все время, пока велось уголовное дело № 6305, — с февраля 1977 по февраль 1978 года. Действовала, руководствуясь варварским законом: не хочешь тонуть сама, утопи другого. И, чтобы

утопить, прилагала колоссальные усилия, однако толку — никакого. Как ни хитро плела паутину, как ни заметала изощренно свои следы, Уланова неизменно разгадывала все ее ходы. И это легко объяснить. Не волею случая, не по чужой подсказке пришла девушка в милицию — она повиновалась велению сердца. Еще будучи школьницей, мечтала о профессии, которая позволяла бы ей бороться со злом. Потому-то после окончания десяти классов оказалась в УВД, где стала работать машинисткой, и одновременно поступила во Всесоюзный юридический заочный институт. На четвертом курсе ей предложили должность следователя. Любопытно, что тогда между сослуживцами Светланы произошел примерно такой же разговор, какой позднее вели о Левкове.

— Погодить бы немножко надо, — говорили одни. — Слишком уж молода...

— Возраст не главное, — возражали другие, — главное то, что у нее есть призвание...

Умело, тактично, без нервозной спешки, но и не теряя попусту время, провела Уланова расследование одного уголовного дела, второго, третьего. Знала ли об этом Аязова, догадывалась ли, сказать трудно. Но что, сделав ставку на то, чтобы обвести следователя вокруг пальца, она потерпела полный крах, совершенно очевидно. Изучая одну платежную ведомость за другой, сопоставляя показания бесконечной череды свидетелей, — в отдельные дни проходило их до тридцати! — Уланова раскрывала все новые и новые жульничества. Она установила — разумеется, при помощи других работников оперативной группы, общее руководство которой теперь осуществлял заместитель начальника УВД полковник милиции Владимир Петрович Николич, — что в 1976 году Аязова уже похитила у государства 39 928 рублей 45 копеек. Это одна. Да еще 7 567 рублей 99 копеек совместно с Морудовой, Андреевой, Ракчеевой, Комаровой, Еремеевой. Всего, таким образом, 47 496 рублей 44 копейки.

— Можете насчитать и сто тысяч, — презрительно усмехнулась на очередном допросе Аязова, — чего вам стоит? Лишь бы угробить человека.

И вела себя вызывающе, и дерзила она умышленно, делая расчет на то, что с выведенным из равновесия следователем ей легче будет вести свою игру. Однако у этого следователя нервы на провокации оказались неподат-

ливыми. Уланова дала выговориться арестованной, а затем поинтересовалась словно мимоходом, между прочим:

— Вы купили телевизор «Каскад» гражданке Стройкиной...

— Откуда вам это известно? — вскрикнула Аязова. Тут же сообразила, что непомерной горячностью выдала себя, и потому запротестовала особенно бурно: — Никакой Стройкиной я не знаю. Никому ничего не покупала. За чужие болячки не отвечаю!

— Все? Теперь я договорю. Купили вы, повторяю, гражданке Стройкиной телевизор. Конечно, не за свой счет. Что вас побудило к этому?

— Сказала, никакой Стройкиной я не знаю, не знала и знать не хочу!

В тот же день, ближе к вечеру, Уланова встретилась с Левковым. На протяжении довольно длительного времени занятые расследованием одного и того же уголовного дела, они успели хорошо узнать друг друга, сблизиться, перешли на ты и подобно большинству людей, не столь давно перешагнувших через двадцатилетие, решительно избегая отчества, обращались по имени.

— Опять, Алеша, просьба...

— Давай!

— Надо отыскать некую Стройкину. Но, понимаешь...

— Понимаю, — засмеялся Алексей. — Адреса ее не знаешь, каких-либо иных данных тоже нет. Не ошибаюсь?

Светлана утвердительно кивнула головой. Потом улыбнулась, полусерьезно-полушутливо провела ребром ладони по горлу.

— Нужна она мне, Алеша, — вот!

— Ну, — еще громче рассмеялся Алексей, — раз дело дошло до этого, найду. Главное, фамилия известна, а остальное приложится...

Марию Васильевну Стройкину он разыскал в благоустроенной, со всеми коммунальными удобствами квартире на улице Победы, недалеко от сквера имени М. И. Калинина. Было ей за шестьдесят, но выглядела гораздо моложе. Шустрая, глаза бойкие, остра на язык. За словом в карман не лезла, на все вопросы умела дать быстрый ответ, ибо смотрела не только телепередачи, а и газеты исправно читала, радио слушала, ходила на лекции. Когда Уланова напомнила, что «Каскад» ей преподнесен на ворованные у государства деньги, возмущению Стройкиной, казалось, не будет предела.

— Богохульница! Вредительница! Обкрадывать нашу Советскую власть! Как у нее очи не повытекли! Как не отсохли руки! Сей же момент закажу в церкви все молитвы, какие знаю, чтобы всевышний покарал мерзавку! Потому как сказано в святом писании: не укради...

Гладко обкатанными фразами, не делая между ними остановок, говорила в том же духе при втором допросе, и при третьем. Рьяно «защищая» «родное народное добро», не забывала через каждую минуту упомянуть имя господа.

Отметая горы словесной шелухи и скрупулезно выискивая крупницы истины, Уланова постепенно установила, что в деле № 6305 Стройкина вовсе не простая пешка. Она являлась духовным наставником и покровителем Аязовой. Потому последняя и не поскупилась на щедрое вознаграждение — телевизор, тем более что самой он не стоил ни рубля.

Зная, что Стройкина усердно молит бога ниспослать прощение за все прегрешения, а также пользуясь полнейшей безнаказанностью — никто не схватил ее за преступную руку, не остановил, — Аязова по-прежнему исправно перекачивала деньги из государственного кармана в свой, разнообразя и совершенствуя систему подлогов. Если на первых порах в платежные ведомости она включала фамилии лишь вымышленных лиц, потом тех, кто действительно работал в институте, однако по разным причинам — ушел на пенсию, сменил место жительства, умер — давно порвал с ним связь, то со временем стала начислять заработную плату людям, которые уже получили ее по другим документам, и людям, чья заработная плата была переведена на их книжку в сберегательную кассу. Кроме того, отдельным работникам института Аязова выплачивала пособия по листкам нетрудоспособности, хотя этих листков и не было; незаконно перечисляла деньги в различные торговые организации за товары, взятые в кредит.

Вот один из множества подобных примеров. В мае 1976 года заведующий складом Поликарпов в магазине Хозмебельторга приобрел на 320 рублей мебели в кредит со сроком его погашения в течение года. Но не прошло и трех месяцев, а вся сумма уже была перечислена Аязовой в магазин из средств... института. Почему? Не за спасибо ли? Ни в коем случае! Похищенные деньги она разделила с Поликарповым, заранее вступив с ним в преступный сговор. Точно так же поступила несколько позд-

нее и с ассистентом кафедры акушерства Ракчеевой, когда та в универмаге «Самара» оформила покупку в кредит цветного телевизора «Электрон» стоимостью 625 рублей. Само собою разумеется, не оставалась она внакладе, начисляя тому или иному человеку двойную зарплату в месяц, выдавая пособия по несуществующим листкам нетрудоспособности...

Словом, в мощную хищницы деньги текли безостановочным потоком с декабря 1972 по январь 1977 года. За это время она похитила 112 069 рублей 45 копеек. Из них 88 288 рублей 98 копеек одна, остальные — совместно с вовлеченными ею же в воровство лицами. И никто при этом не замечал, чтобы ее мучили угрызения совести, чтобы она испытывала страх. Совесть — бог? Но ее прегрешения усердно замаливает Стройкина. Бояться правосудия? Но она все так тонко рассчитала, предусмотрела. Вот хотя бы вымышленные люди, за которых получала зарплату. Включала она их в платежные ведомости с легкой душой потому, что в институте не одна тысяча человек и его кафедры разбросаны по всему городу. Сколько составляется таких ведомостей? Множество. Попробуй-ка выискать в них «липу». Тем более если особого рвения к этому не проявляют ни главные бухгалтеры Ковальков и Данилина, ни утверждающий денежные документы проректор института по хозяйственной части Богатов, ни ревизоры...

Или начисление денег тем, кто давным-давно уехал из Куйбышева, кого уже нет вообще... Кому придет на ум брать их под подозрение? Но коль и придет, много ли услышишь от мертвого? А выплата соучастникам хищений двойной зарплатой, а незаконное перечисление довольно внушительных сумм на сберегательные книжки, а погашение кредитов из средств института? Не круглые же они идиоты, чтобы пойти в соответствующие органы с доносом: Аязова, мол, воровка и мошенница, арестуйте ее. Не пойдут, ибо у самих рыльце в пуху. Что касается подложных подписей, так недаром же сутками тренировала руку. Никакая почерковедческая экспертиза не уличит.

Вот так: ни колебаний, ни сомнений, ни опасений. Не странно ли, не легкомысленно? Но такова уж логика афериста, причем афериста любого пошиба: он потому и идет на разного рода преступления, что себя считает всегда умнее других, хитрее, дальновиднее. И непременно

просчитывается. Разница лишь в том, что один за решетку попадает раньше, другой — позднее.

Азязовой с того момента, когда она впервые запустила руку в чужой карман, удалось продержаться на воле более четырех лет. Кроме изложенных выше причин, этому во многом способствовало и то, что она оказалась неплохим психологом, безошибочно угадывала, кого и как можно затянуть в свои сети.

Однажды у дочери лаборанта кафедры оперативной хирургии Комаровой в трамвае украли кошелек с деньгами.

— Ах, несчастье-то какое, — сокрушалась Азязова. — Ну ничего, Анна Ивановна, не оставлю я вас в беде.

Она тут же незаконным путем начислила Комаровой заработную плату, придвинула ведомость:

— Распишись, Анна Ивановна.

Комарова расписалась и, не имея мужества выйти из-под влияния хищницы, стала с тех пор ее соучастницей.

Точно так же, оказав «материнскую помощь», вовлекла Азязова в свою преступную шайку и старшего бухгалтера материальной группы Морудову, дочь которой выходила замуж.

— Расходы-то, Нина Петровна, с этой свадьбой, расходы... Я вот тут начислила, распишись.

Говорят, земля слухом полнится. Не могли остаться в неизвестности и «благодетель» Азязовой. По институту пошли разговоры: такая добрая, отзывчивая, уважительная. Восхищались и ее трудолюбием: такая работающая, неугомонная, отдыха не знает. Тут имелось в виду то, что несколько лет подряд Азязова отказывалась от очередного отпуска, в бухгалтерию приходила первой, уходила последней. Все это ради создания видимости исключительной занятости. Лишь ее соучастницы догадывались, что остается она после работы для того, чтобы изыскать новые варианты хищения денег.

Короче, это уже потом, когда Азязову привлекли к ответственности, на нее была дана резко отрицательная характеристика: груба, высокомерна, ленива. А прежде неизменно подчеркивалось ее ревностное отношение к работе, ее «большой и заслуженный авторитет у сотрудников института». Что ж, на протяжении многих лет слыша такое, Азязова и сама, возможно, поверила в этот самый свой «авторитет», в свою «непогрешимость». Вероятно, отчасти этим и были продиктованы ее раз и навсегда за-

твержденные на допросах показания: отрицать все и вся.

— Не виновата я. Ни на грамм не виновата!

В результате расследование дела подвигалось вперед гораздо медленнее, чем того хотелось бы руководству следственного отдела. И все-таки оно продвигалось! Да, начисляя деньги, скажем, умершим, Аязова правильно рассуждала, что те-де не заговорят. Однако на свою беду забыла о том, что жили-то они среди живых. Просчиталась Аязова и в отношении лиц, разъехавшихся с берегов Волги по разным уголкам страны. При современных средствах связи и околосвуковых скоростях передвижения тысячекилометровые расстояния покрываются в считанные часы. Один за другим дали свидетельские показания, помимо, разумеется, куйбышевцев, Пименова-Шевцова О. К. из Сызрани, Девятков И. А. из Ульяновска, Орлов В. Н. из Набережных Челнов, Рыжкова В. Н. из Балашова, Харькова З. П. из Липецка, Мелибаев А. М. из Ленинабада... Да, говорили они, действительно, в мединституте мы работали, но деньги, которые нам начислялись после нашего отъезда, мы не получали и расписывался за нас кто-то другой.

Видела Уланова, люди говорят правду. И Левков, и другие участники оперативной группы тоже видели. Аязова же, намертво закусив удила, продолжала гнуть свое:

— Нет моей вины, нет!

Лишь в тех случаях, когда решительно все — и очная ставка, и заключения экспертизы, и доводы следователя — неумолимо свидетельствовало, что подлог совершен ею, признавалась в хищении определенной суммы. Но уже на следующий день отказывалась от своих слов, мотивируя это чаще всего тем, что ее, мол, просто-напросто запутали.

— Голова пошла кругом, потому наплела на себя напраслину.

И бросала быстрый, острый, как бритва, взгляд на Уланову. Вдруг, думала, та в конце концов не выдержит, нашумит, накричит, а возможно — не каменная же, есть же, черт подери, у нее нервы — и оскорбит. Вот была бы удача! Тогда Аязова потребовала бы другого следователя, который, быть может, на ее счастье оказался бы не таким дотошным и въедливым. Однако Аязову, как всегда в подобных случаях, ждало полнейшее разочарование. Уланова оставалась ровной, сдержанной, корректной, не позволяла себе не то что закричать, но и повы-

сильный голос. Досталось ей не рядовое дело — досталось дело большой государственной важности, и давать волю своим чувствам противопоказано категорически.

Трудно было Улановой. И от нервного напряжения, и от физической усталости. Раньше девяти вечера домой не возвращалась. И нередко за весь день во рту не было, по пословице, и маковой росинки, ибо, чтобы сбегать в буфет, выкроить время не удавалось. Иным от такой жизни и белый свет стал бы не мил. Уланова к числу подобных людей не принадлежала. Никто и никогда не слышал от нее ни единой жалобы. Наоборот, неизменно видели ее в бодром, приподнятом настроении. Над ней даже подшучивали:

— Уж не выиграла ли ты, Света, по лотерее «Жигули»?

— Выиграла. Только не машину, а нечто большее...

То была ответная шутка. Но давно подмечено, что в каждой шутке есть доля правды. Была она и в словах Светланы Васильевны. Ее выигрыш не поддавался никакой оценке. А заключался он в том, что к концу следствия Уланова восстановила доброе, честное имя сотен и сотен людей, оклеветанных матерой хищницей, изнурительный поединок с которой продолжался целый год!

И еще полтора месяца Уланова писала обвинительное заключение. Оно составило объемистый том более чем в четыреста страниц. За один раз прочесть его на суде оказалось невозможно — потребовалось два дня. И все время, пока продолжалось чтение, кто-нибудь не выдерживал, сдавленно шептал:

— Надо же!..

Зато когда голос судьи смолк, наступила гнетущая тишина. Людям было не по себе. Им стало совершенно ясно, что подсудимая преступила все грани дозволенного, что за свое преступление — хищение денег в особо крупных размерах — она может поплатиться высшей мерой наказания: расстрелом. Поняла это и Аязова. На помилование не надеялась. А раз так, решила: уж если помиловать, то с музыкой. И пошла честить сотрудников института налево и направо с утроенным рвением. Не пощадила никого. Всех, кого знала — а кого она не знала за многие годы работы в стенах этого старейшего в городе высшего учебного заведения? — постаралась облить помоями, вывалить в грязи, перевернуть их постельное белье.

Это было омерзительно и отвратительно. Как почти в каждом многочисленном коллективе, в Куйбышевском медицинском имеются, конечно же, свои недостатки, свои упущения. Но в целом-то трудятся здесь люди одаренные, высококвалифицированные, а главное, беззаветно преданные своему делу. Будь то рядовой врач или профессор, кандидат или доктор наук, все они являются зоркими и надежными часовыми здоровья советских людей, все они во имя поддержания, а очень часто и спасения жизни этих людей отдают частицу своего сердца. И у человека нормального неизменно вызывают чувство глубочайшей признательности и благодарности.

Аязовой такое чувство оказалось недоступно. Она испытывала другое — лютую ненависть. Снедаемая ею, лила и лила потоки желчи, испытывая при этом мстительное удовлетворение. Все-таки не бесследно уйдет в небытие, многим кровушку испортит, а кого-нибудь, может быть, и до инфаркта доведет. Верно, крови ни в чем не повинным людям испортила немало, но в общем просчиталась и тут. Исходя из соображений человеколюбия, суд нашел возможным полагающуюся ей за содеянное преступление высшую меру наказания заменить тюремным заключением. Правда, срок заключения вполне достаточен для того, чтобы Аязова смогла заново пересмотреть всю свою жизнь. Есть над чем подумать и Морудовой, Андреевой, Ракчеевой, Комаровой, Поликарпову.

Таково вкратце уголовное дело № 6305. Дело весьма поучительное.

— Оно лишний раз подтверждает старую истину: хочешь быть богатым и счастливым — живи честно, — говорит Светлана Васильевна.

Кстати, теперь она не Уланова, а Левкова. Но об этом уже другой рассказ.

●

*Истина, и ничего,
кроме истины*

С чего начинается биография? Наверное, все-таки с выбора профессии. Когда девочки и мальчики заканчивают школу и перед ними встает вопрос «делать жизнь с кого», то многие мечтают о профессиях романтических: актера, летчика, криминалиста. Мечтают... Но мало кто на деле знает, что за адова работа того же, скажем, актера или криминалиста.

Именно из-за этого незнания некоторые юноши и девушки выбирали следовательскую стезю, видя себя лишь продолжателями дела Шерлока Холмса, Эркюля Пуаро, Мегрэ, а в последнее время и Пал Палыча Знаменского. А работа оказалась не захватывающим детективом, в ней будни с утомительной писаниной, нередко с бесплодными, изматывающими нервы допросами, порой с отчаянием от частых встреч с вероломством, подлостью, жестокостью. И, не сумев себя преодолеть, сколько несостоявшихся детективов протислось с мечтами юноши.

Неля Яковлевна Семьянова счастливо сумела сделать эти мечты своей сегодняшней жизнью. Она майор милиции, начальник следственного отделения Ленинского райотдела внутренних дел. Работу знает до тонкостей, и делает ее так хорошо, что Указом Президиума Верховного Совета Российской Федерации от 19 января 1979 года ей первой в Куйбышевской милиции присвоено почетное звание заслуженного юриста РСФСР.

А начиналось, как и у всех, с выбора профессии. Может, только повезло в том, что она твердо знала: «делать жизнь» будет с родной тети, следователя прокуратуры. Тетя была мудрой наставницей. Она часами рассказывала девушке о перипетиях борьбы с преступностью, профессионально точно и последовательно подчеркивая, что преступной опытности, хитрости и изворотливости противопоставляется прежде всего труд.

Труд тяжелый, кропотливый, методичный. Он и соединяет слагаемые победы — ум, знания, человеческую страстность, спаянную с естественным ощущением правоты своего дела. И Неля видела, в каком высоком состоянии духа держит тетю ее работа. Да, на такой не соскучишься. Со всем азартом юности она была готова включиться в поединок Закона и преступления. С увлечением занималась в Саратовском юридическом институте, а после его окончания пришла в Ленинский райотдел. Это было в 1961 году. С тех пор так много связано с этим скромным домом в переулке Белинского! В стремительные годы уложились многочисленные разоблачения преступников, научившие ее отточенно улавливать нюансы душевного состояния людей, движений характера, манеры поведения. И не утратились, не исчезли из ее личных человеческих качеств три великие «СО» — сочувствие, сопереживание, сострадание.

...В кабинет майора милиции Семьяновой входит пожилая женщина. Она по вызову. Ее внук жестоко избил незнакомого мальчишку. Когда его задержали и везли в отдел, он на гневный вопрос патрульного: «Как ты мог?!» — хладнокровно ответил:

— У меня не хватало на кино двадцати копеек, а у него были, я знал. Просто так он не отдал, пришлось поучить.

Теперь против него возбуждено уголовное дело. Но ведь он где-то научился «учить» других подобным образом. Обязательно существуют истоки жестокосердия.

И слушает Неля Яковлевна длинную горькую исповедь о несостоявшейся семейной судьбе своей посетительницы. Пьяница зять в бегах с той поры, когда внучку Юрочке исполнился всего годик. Дочь по вербовке работает на Камчатке, пишет редко. Сама она с Юркой сейчас замаялась. Как-никак 67 лет, и не всегда выгадывает ему на кино. А он трясет у нее деньги, грубит, учится кое-как. Кто виноват, что он такой? Что с ним теперь будет?..

Бабушка плачет. Неля Яковлевна наливает воду в два стакана, капает в них валерьянку. Выпив лекарство, женщины молчат, а потом опять говорят о непутевом Юрке, о его будущем...

Мальчишка не выходит у Семьяновой из головы и дома. Она хлопочет на кухне и ищет для него проникновенные слова, чтобы на допросе заставить Юрия посмот-

реть на себя словно бы со стороны, попробовать разбудить в нем способность к самооценке.

Хотя теперь, как начальник, Неля Яковлевна только контролирует ведение дел своими подчиненными, в этом допросе она будет участвовать обязательно. Она знает: будет потом суд, и другие юристы, приняв дело от следствия, займутся изучением мотивов, обстоятельств преступления Юрия. И тоже будут стремиться к глубокому, истинному его исправлению. Их общая забота, чтобы он прошел через следствие и суд поистине как через чистилище, чтобы раскрылся весь, до конца, признав свою вину и раскаявшись. Если же они где-то недоработают и он ускользнет от них, «выкрутится», значит, он унесет с собой тяжкий камень прошлого, который может потянуть его вниз...

Что с ним будет? Заинтересовавшие ее судьбы она стремится проследивать как можно дольше. Это, разумеется, не входит в ее служебные обязанности. Но как часто у нее возникают заботы, которые призывают занять больше нравственные, чем юридические позиции. Когда в дежурную часть отдела обращаются люди не с конкретными заявлениями о правонарушениях, а просто за советом, их, как правило, направляют к Семьяновой.

Коллегам хорошо известны ее терпение и доброжелательность. Так было, когда пришла к ней элегантная, образованная женщина, доцент одного из институтов и, разрыдавшись горько, отчаянно, сказала, что не может и не хочет больше жить. Ее муж, руководитель солидного строительного управления, превратился по существу в тирана. Часто возвращается домой навеселе, хамит, даже распускает руки. Недавно, подняв ее за полночь, велел спуститься во двор и отпустить шофера машины, на которой приехал. Лифт в то время не работал, а живут они на одиннадцатом этаже. Все это видят дети, младшему всего семь лет.

Пообещав женщине помочь чем сможет, Семьянова побеседовала с ее соседями, навела справки о строительном управлении, возглавляемом ее мужем. Дела там шли неплохо, конфликтов с законом не усматривалось, но микроклимат в коллективе был неважный. В окружении руководителя подобрались льстивые, угодничающие люди, а уж известно, сколько вреда могут принести такие подпевалы.

Начальник мало-помалу разучился просить, стал только приказывать, потом покрикивать. Эгоистические черты развились и спрессовались настолько, что заглушили многое человеческое. Покуражиться над людьми, почувствовать свою власть стало просто потребностью. И вот Неля Яковлевна вызвала его по телефону, предупредив, что разговор важный и долгий, поэтому просит его по приезде отпустить шофера. Ее собеседник запротестовал, но начальник следственного отделения проявила здесь настойчивость. Он согласился и, когда приехал, заинтересованно посмотрел на красивую женщину с погонами майора.

— У меня есть сведения о том, что вы часто нарушаете общественный порядок, — сказала Семьянова. — Я кое-что выяснила и считаю важным вести наш разговор начистоту. По своей профессиональной привычке я буду приводить факты из вашей жизни, и давайте вместе оценивать их с позиции коммунистической морали. Вас удивляет этот высокий слог? А меня, честно говоря, удивляет, как это вы находитесь на таком посту, совершенно не соответствуя современным требованиям к руководителю как воспитателю...

Уже несколько лет подряд коммунисты Ленинского райотдела выбирают Нелю Яковлевну секретарем партийного бюро. Уважают ее страстную непримиримость к отступлениям от совести, ее умение активно и тактично воевать с подобными отступлениями. Только она сама знает, чего стоят ей эти «битвы в пути». Но что поделаешь, такой уж характер, такое у нее чувство общности с людьми.

Наверное, это чувство и подтолкнуло ее к тяжелой и нервной борьбе за совесть ответственного руководителя. Трудно было предугадать, как все сложится дальше, но, во всяком случае, слушал он ее внимательно, с чем-то соглашался, с чем-то спорил, то есть, самое главное, сумел подавить начальную спесивость и не был равнодушным к разговору.

Через следственное отделение проходит уйма всевозможных дел, и его начальник, как первая линия наступления, принимает все на себя. Ее труд не выразишь цифрами. Она не создает материальных ценностей, которые можно обозначить в процентах или сосчитать поштучно, как, к примеру, рекордный урожай картофеля или сверхплановые пары обуви. Ее труд нельзя оценить даже ко-

личеством дел, которые она вела сама и которые сейчас проходят через ее службу, хотя, конечно, такой подсчет ведется. Значение ее труда заключено в ее великой способности одаривать людей своей душевностью, исполнять свой долг по справедливости и необходимой строгости, чтоб преступники отвечали полной мерой, а невинные не страдали. В умении открывать перед молодыми сотруdnиками, у которых только начинается профессиональная биография, завораживающую силу романтики их дела, о котором в свое время видный юрист профессор Ратинов сказал так: «Перед следователем проходят и разворачиваются все стороны человеческой природы. Общественная польза, благородство профессии, острота борьбы, исследовательский поиск, торжество справедливости, творчество, искусство — трудно даже приблизительно очертить все привлекательные стороны следственной работы. Каждая из них, даже взятая в отдельности, стоит того, чтобы посвятить себя всего этому делу».

От своей работы, которой она посвятила жизнь, Неля Яковлевна не отделяет много других радостей — семью, общение с хорошими людьми, книги, театр, зимний лес, летнюю Волгу. Это и дает ей тот запас оптимизма, который помогает находить в человеке доброе, хорошее, если оно и спрятано за семью замками. Ради нравственного здоровья общества, ради истины.

Выстрел в лесу

Просто ли оплошность?

Ее рабочий день начинался с получения оружия. И потом до самого ухода домой пистолет был у нее под рукой, вселяя уверенность, что вверенные ей ценности в чужие руки не попадут.

В конце рабочего дня, как того требовала инструкция, она сдавала пистолет в хранилище. На крайний случай — это допускалось правилами, но именно как крайний случай — запирала оружие в сейфе, который стальной глыбой громоздился в углу комнаты.

Только один раз она нарушила эти строгие правила. По крайней мере, она так сказала следователю: «В первый раз — и такое...»

Забыла? Не придавала значения? Так или иначе, в тот вечер, после ее ухода с работы, пистолет остался лежать в открытом ящике письменного стола.

Уже дома, поздно вечером, ей стало тревожно. «Как бы чего не случилось» — эта мысль долго не давала заснуть. И всю ночь спала плохо. Просыпаясь, тяжело вздыхала: «Скорей бы утро».

В таких случаях полагается сообщить обо всем в милицию. Она боялась: упреков, наказания. Может, все обойдется?

Когда утром пришла на работу, пистолета с восемью боевыми патронами в ящике стола не было.

На опушке

К месту происшествия выехали на нескольких автомашинах. Народу набралось столько, что с трудом разместились в двух «Жигулях» и дежурном «уазике»: эксперт-криминалист, кинолог (по-старому — проводник

служебно-розыскной собаки), судебно-медицинский эксперт, следователи, и три сотрудника уголовного розыска, и несколько участковых инспекторов.

Корольков не любил такого многолюдия, хотя и понимал его неизбежность. В конце концов, каждый из отправившихся в лес был нужен для быстрого раскрытия опасного преступления.

За время работы в уголовном розыске Корольков твердо усвоил, что успех раскрытия преступления в немалой степени зависит от самых первых шагов. Прежде всего — от качества осмотра места происшествия. Поэтому он не терпел суеты и спешки, требовал от своих помощников, чтобы они действовали основательно и не торопясь.

А то, что вместе с ним ехал в лес и прокурор района Николай Максимович Куценко, хорошо! Пусть Куценко горяч, порой нетерпелив, но зато это человек, целиком и полностью преданный своему делу. Для него дороже всего истина, а не чья-то оценка его работы. Королькову нравилось, что Куценко всегда старается сам во все вникнуть, лично разобраться, составить собственное мнение. И для этого не жалеет себя, не считается со временем.

Вот и сегодня прокурор приехал в райотдел значительно раньше дежурного следователя, хотя того о случившемся известили первого.

— Евгений Петрович, — спросил он у Королькова, поздоровавшись, — а может, это не преступление?

— Было бы неплохо, — ответил Корольков и покачал головой. — Но вряд ли.

Почему-то, выслушав прибежавших за полчаса до этого мальчишек, он сразу почувствовал: дело серьезное. Видимо, сработала интуиция. А она его редко подводила.

Конечно, лучше бы на этот раз он ошибся в своих предположениях. Корольков никогда не сердился, если — за десяток лет работы в тревожной должности бывало всякое — поднимут его среди ночи, а тревога окажется напрасной. Больше того, даже радовался, когда выяснялось, что сигнал был ложный. Лучше лишний раз недоспать, чем потом мучиться, сожалея, что взялся раскрывать опасное преступление позже, чем надо бы.

Только однажды бесполезный ночной вызов вывел его из себя. Было это в самом начале его самостоятельной

работы в Новокуйбышевске. Тогда далеко за полночь дежурный сообщил ему домой, что внутри одного магазина сторож через окно заметил двух мужчин и теперь держит их под прицелом ружья. Но когда оперативная группа добралась до магазина, то оказалось, что сторож задержал не жуликов, а пьяных приятелей директора, которых тот сам, забыв про них, закрыл в магазине.

Нет, то, что ждало их сегодня в лесу, никак не предвещало благополучного финала. По словам пацанов, там под деревом лежал труп человека. Умершего или убитого? Происшествие или преступление? Это и был тот главный вопрос, который прежде всего волновал тех, кто ехал сейчас в составе группы. И его, Королькова, больше всех.

В Новокуйбышевске он был рядовым инспектором уголовного розыска. Потом работал и старшим, и начальником отделения. Отличился — его направили на должность заместителя начальника крупнейшего в области Автозаводского райотдела в Тольятти.

Начальник отдела выехал в отпуск, Корольков исполнял его обязанности. И словно нарочно, словно для испытания, судьба подбрасывала ему одно за другим загадочные преступления. Всего две ночи назад — кража пистолета, теперь — труп на опушке леса.

...Человек лежал, свернувшись калачиком, у белого ствола березы. Бегавшие по прогретым солнцем лесным тропинкам мальчишки вначале подумали: пьяный. Очень похоже: небрежно распахнутая ватная фуфайка, слетевшая с головы шапка. И только разглядев смертельную бледность лица и жуткую остекленелость глаз, мальчишки поняли, кто перед ними, и испуганной стайкой помчались в милицию.

Теперь Королькову надо было так расставить прибывших и так организовать их, чтобы получить от действий каждого как можно больше пользы. Расставить, организовать — и все. А растолковывать, указывать не требовалось. Ему на помощников всегда везло. И в Новокуйбышевске, и здесь, в Тольятти. В его подчинении были исключительно добросовестные сотрудники, причем каждый по своей части — дока.

Иногда Корольков думал: может, в уголовном розыске все такие? Тут ведь нагрузка не для хлюпиков и задачки не для дилетантов.

Отказавшись от предложенной дежурным автомашины, Корольков не спеша шагал по пустынным улицам. Шел первый час ночи. После шумного дня хотелось побыть одному и еще раз мысленно подвести итоги проделанной работы.

Три часа назад закончилось оперативное совещание в райотделе. Но там он вместе с Куценко спрашивал с других, теперь в этот поздний час по дороге домой задавал вопросы себе.

С момента обнаружения трупа прошло немногим больше двенадцати часов. За это время проделано вроде и немало. Осмотрели место происшествия. Судмедэксперт вскрыл труп и установил причину смерти: огнестрельное ранение. В фотолаборатории отпечатали сотни три фотоснимков погибшего. Участковые инспектора обошли множество домов. Следователи допросили не один десяток людей. Было проверено наличие табельного оружия на всех предприятиях и в организациях, где разрешалось его иметь. Начали проверку и лиц, имеющих оружие в личном пользовании.

И вся эта работа для того, чтобы прежде всего получить ответ на извечно стоящий перед следствием самый первый вопрос: почему совершено преступление? Когда известны мотивы, легче строить предположения, кто виновник.

Однако пока что вся огромная работа десятков сотрудников не дала никаких результатов. Не имелось даже данных о погибшем. Кто он? Когда, зачем и с кем пошел в лес? Кого там встретил и что между ними произошло? И произошло ли? Не роковая ли то была случайность? Ведь пуля могла прилететь и издалека: кто-то, балуясь, где-то выстрелил — и вот погиб человек, а стрелявший, может, даже не ведает, что он убийца. Да, вполне возможно и такое: во время осмотра было точно установлено, что выстрел произведен с большого расстояния.

И еще: вдруг «заговорил» тот самый пистолет, который два дня назад украли из конторы? Даже если человек, в чьи руки он попал, видит в оружии лишь пикантную игрушку, уже опасно. А если это злые руки? Тогда вероятность того, что парень в лесу — лишь первая жертва, но не последняя, во сто крат больше.

Вопросов тьма, но ни на один из них Корольков пока ответить не мог. Нужно было время.

Его мысли прервал раздавшийся рядом визг тормозов.

— Евгений Петрович, нашли! — выскакивая из автомашины, закричал милиционер.

— Кого? — вздрогнув от неожиданности, спросил Корольков.

— Да погибшего. Адрес его установили, — поправился милиционер.

Корольков сел в машину и поехал не домой, а в отдел и долго там сидел, разрабатывая новые задания, которые предстояло выполнить сотрудникам завтра.

Собственно, уже сегодня. Домой он пришел, когда на улице было совсем светло. До нового рабочего дня оставались считанные часы.

Березовый сок

Удача! Первая, но такая важная. Недаром доволен был Корольков, что расследование дела ему придется вести под руководством такого «зубра», как Куценко. Первая улика добыта именно благодаря прокурору.

Это он дал указание, чтобы провели повторный осмотр места происшествия. Надеялся ли сам Куценко, что это даст какой-то результат, сказать трудно. Ведь первый осмотр проводился при нем, и особых огрехов в действиях сотрудников он не заметил. Но ему не давала покоя мысль: все-таки слишком уж малый участок леса был тогда осмотрен.

Куценко рассуждал так: при исследовании тела погибшего судебно-медицинский эксперт пули не нашел. Ранение сквозное, пуля прошла навылет. Конечно, она могла упасть в траву, поди сыщи ее тогда. Но могла и застрять в дереве. А может, был сделан и не один выстрел...

Решили осмотреть каждое дерево в радиусе тридцати метров. Для упорядочения поиска всю эту территорию прочесывали концентрическими кругами, центром которых было место, где обнаружили труп.

И вот — удача! В третьем круге увидели березу, по белому стволу которой тонкой струйкой бежал прозрачный сок. Когда ножом расковыряли круглое, покрытое

темным нагаром отверстие, увидели застрявшую в стволе дерева пулю. Даже при первом взгляде на нее было ясно, что она от пистолета.

Прокурор довольно потирал руки. На его круглом лице появилась лукавая улыбка.

— Вот так-то, морфлот, — не утерпев, толкнул он Королькова локтем. — Это тебе не шваброй по палубе махать.

Он намекал на те далекие годы, когда Евгений Петрович служил старшиной на подводной лодке и не думал не гадал, что станет сотрудником милиции.

Шутка прокурора царапнула по и без того задетому самолюбию Королькова. Но он промолчал. Что поделаешь, если накануне действительно прошляпили.

Конечно, не найди они сейчас пулю, расследование бы не приостановилось. Так же, как и раньше, допрашивались бы свидетели, проводились экспертизы, осмотры, очные ставки, словом, делалось бы все для того, чтобы раскрыть тайну случившегося в лесу.

Но теперь, что и говорить, розыск приобретал более определенное направление. Чтобы найти стрелявшего, надо было разыскать того, кто украл пистолет. И наоборот, чтобы найти вора, следовало разыскать убийцу. Безусловно, это не единственно возможный вариант, но наиболее вероятный. Корольков понимал: могло быть, что стреляли из другого пистолета. И лишь после экспертизы можно будет со всей определенностью сказать, из какого оружия совершено убийство. Но все же пока наиболее перспективной была, конечно, первая версия. И, значит, все усилия надо сосредоточить на ней.

В тот же день, по настоянию Королькова, уголовные дела, возбужденные по двум этим преступлениям, были даны в руки одному следователю.

Шаг за шагом

В насквозь прокуренном кабинете стало душно. Разболелась голова, хотелось хотя бы на несколько минут выйти на улицу и глотнуть свежего воздуха. Но и минут свободных для этого не было.

Впрочем, времени для отдыха у Евгения Петровича бывало не так-то много и прежде. Такая работа. За всю прошедшую зиму ни разу не пришлось встать на лыжи, а уж тянуло-то на лыжню! Знатоки говорили, что, если

бы тренировался регулярно, он мог бы многим утереть нос на соревнованиях. Ну, что тут поделаешь: служба...

И сегодняшний день сплошь был отдан напряженной работе, а получалось, все мало. В отдел один за другим приходили, чтобы получить от Королькова или Куценко новые задания, инспектора уголовного розыска, участковые, работники инспекций по делам несовершеннолетних. Они сделали за день сотни проверок, встречались и беседовали с десятками людей, однако ясности в деле по-прежнему не было.

И это тревожило.

О случившемся в лесу стало известно многим жителям города. Каждый толковал происшествие на свой лад, любители сенсаций не скупились на выдумки. И уже пополз слух, конечно, со ссылками на «осведомленных» людей, что парня убила в лесу невесть откуда появившаяся банда.

Когда обо всем этом спрашивали знакомые, Корольков, как мог, старался опровергнуть нелепые домыслы, но понимал: словами ничего не докажешь. Нужно было найти того, кто застрелил парня.

Этого ждали от Евгения Петровича все. В течение дня ему то и дело звонили из областного и городского управлений внутренних дел. Интересовались ходом поиска и руководители других организаций. И каждый, кто бы ни звонил, выражал недовольство темпами розыска и требовал их ускорить.

Легко сказать: «Надо найти». А как найдешь, если до сих пор ни одной зацепки!

Корольков нервничал, но не показывал вида. И мало кто знал, чего ему стоило это кажущееся спокойствие.

Когда установили личность убитого, обрадовались, думали, что это облегчит розыск. Но сразу же столкнулись с кучей новых загадок. Как было выявлено, до полудня тот парень находился в райвоенкомате. А дальше — туман. Никто не мог сказать, зачем и с кем пошел он в лес. Хотя нашли всех, кто в тот день вместе с ним проходил медицинскую комиссию, но ни один из этих сорока девяти призывников в лесу не был.

Телефонные звонки раздражали Королькова. Он отлично понимал, что так просто и скоро убийцу не найдешь. И что только самое тщательное выполнение каждым сотрудником своего задания может привести в конечном счете к успеху.

— Лучше чуть медленнее, зато потом не надо будет начинать все сначала, — неустанно твердил он.

Это его указание выполнялось всеми неукоснительно. В райотделе знали: Евгений Петрович хотя с виду вроде и прост, и демократичен, но если что сказал, то надо все делать только так, а не иначе. Тем более что понимали: не о своей репутации печется Корольков — о деле. И каждый отработывал порученную ему версию не за страх, а за совесть. Каждый шел на задание с надеждой: а может, именно ему выпадет напасть на верный след.

Многие из них приходили к Королькову со своими идеями, версиями. Он был рад видеть инициативу подчиненных (значит, люди думающие, работают не «от сих до сих»), с удовольствием выслушивал даже самые отчаянные планы, которые рождались в молодых головах. Даже если видел, что идея неплодотворна...

Так и сейчас: не успел выйти из кабинета сотрудник уголовного розыска, доложивший результаты проверок чердаков и подвалов, как вошли двое курсантов милицеской школы. Они прибыли в отдел на стажировку, и их тоже, ввиду нехватки людей, привлекли к розыску. Вошли, и по возбужденному виду ребят Корольков сразу определил: предполагают, что нить, ведущая к разгадке тайны, в их руках.

Они уже успели отличиться: нашли четырех парнишек, которые ездили в тот день на лошадях по лесу и из чего-то там стреляли. Отыскать их было непросто, как, впрочем, непросто было узнать вообще про то, что кто-то еще, кроме убитого, в тот день находился в лесу. Курсантам повезло: им поручили опросить жителей села, расположенного неподалеку от леса, и вначале они нашли людей, которые видели баловство этих ребят, а затем их самих доставили в милицию. Выяснилось, что тогда в совхозе пропала лошадь и бригадир попросил парнишек поехать по лесу, найти беглянку.

Но на допросе они упорно отрицали стрельбу. И вот теперь курсанты пришли к Королькову, твердо уверенные, что все дело в том, чтобы сломать упрямство мальчишек и заставить их развязать языки.

— Посидят в камере, по-другому заговорят.

— Нет, — возразил Корольков, — так не годится.

Он прикрыл ладонью воспаленные глаза, задумался. Ишь как все просто! «Посидят... Заговорят...» Он видел в коридоре тех ребят, когда час назад проходил в свой

кабинет. Они испуганно толпились перед дверью, за которую их поочередно вызывали будущие инспектора. Мельком взглянув на парнишек, Корольков определил, что ни один из них к убийству не причастен.

— Нельзя так, — твердо повторил Евгений Петрович и сердито добавил: — К людям доброжелательным надо быть.

Он приказал привести задержанных ребят к нему и, ничего не тая, рассказал, что произошло в том месте леса, где они баловались оружием. Парнишки слушали его с расширенными от ужаса глазами. И произошло то, на что и рассчитывал Евгений Петрович: они поняли, что своим запирательством можно только навредить себе, и признались во всем. Да, действительно, в тот день они, разъезжая на лошадях по лесу, несколько раз выстрелили из пистолета, но... стартового. Нашли его недалеко от стадиона, где проходили спортивные соревнования. Может, его утерял тренер, он в тот день был пьян...

— Но это же только их слова, — упорствовали практиканты, когда парнишек увели. — Зачем торопиться? Несколько дней посидят, а мы за это время все досконально выясним.

Корольков понимал состояние курсантов. Не так-то просто им было найти мальчишек. Ведь вначале всего-то и известно было, что в день убийства какие-то люди ездили на лошадях по лесу. А кто они, откуда взялись — попробуй узнай. И вот, когда после стольких стараний их нашли...

— Поймите, ребята, — объяснял Корольков, — вы большое дело сделали. Да, любое расследование должно быть полным. Но совершенно не обязательно, чтобы каждая версия к преступнику вела. Уж слишком бы легкая у нас с вами тогда была работа.

Евгений Петрович вышел из-за стола, положил руки курсантам на плечи:

— И еще запомните, ребята. Мы все делаем для людей. Даже когда наказываем, и то с надеждой, что человек одумается, исправится, не будет больше отравлять жизнь другим и себе. А наше ничем не оправданное, необоснованное обвинение, во-первых, унижает человека, во-вторых, настраивает его против нас, стражей законности... — Усаживаясь в кресло, сказал: — Трудная у нас работа, порой неприятная, верно. Но делать ее нужно так, чтобы потом не было стыдно. — И, увидев, что кур-

санты все-таки обескуражены малостью результата своих поисков, закончил, улыбаясь: — А расстраиваетесь вы зря. Вы же нашу задачу очень намного облегчили. Еще одна версия отсечена, значит, кольцо вокруг истинного преступника сузилось. И это благодаря вам. Радоваться надо, а не огорчаться!..

Проводив курсантов, Евгений Петрович засел за последние собранные материалы. Их накопилось много.

Только что закончили проверку большой группы подростков, среди которых были двое, бежавшие из спецшколы. Они, как явствовало из материалов, верховодили всей группой. Под их влиянием тринадцать школьников перестали бывать на уроках, а если и показывались около школы, то лишь затем, чтобы из карманов первоклашек вытряхнуть пятаки и гривенники, а из школьных сумок — бутерброды. Всю добычу они тащили на чердак многоэтажного дома, где устраивали «пиршество». Их похождения оставались незамеченными и в семьях, и в школе. Чувствуя безнаказанность, подзуживаемые своими вожаками, подростки все больше и больше наглели. Начали лазить по погребам, школьным мастерским, детским клубам, забирая все, что попадалось под руки. И неизвестно, куда бы все эти «художества» привели подростков, если бы на них не вышли работники милиции. Вышли-то случайно, в результате расспросов, которые вел участковый в связи с делом о краже пистолета и убийстве. Но зато не случайно, не зря возились с малолетними преступниками: все-таки остановили их путь по скользкой дорожке.

То же самое случилось, когда работали и по другим версиям. Раскрыли несколько различных преступлений, о которых раньше в милицию никто и не заявлял.

А кража пистолета все никак не поддавалась, и очередная надежда лопалась, как мыльный пузырь.

И все же, контролируя и направляя своих подчиненных, Корольков чувствовал, что их усилия вот-вот приведут к развязке. Круг сужался. Сужался круг!

Апельсиновая корка

Все началось с жалобы участковому. Эта еще не старая женщина просила защитить ее от хулиганов: почти каждый вечер собираются в подъезде, хохочут, поют, шумят, в общем, мешают отдыхать. Не выдержав, она вы-

ходила к ним и выгоняла на улицу. А через день-другой все повторялось снова.

Чашу ее терпения переполнил вчерашний случай. Она раньше обычного легла спать: мучила гипертония. Знакомый гогот в подъезде раздражал ее сейчас особенно, но было невозможно оторвать голову от подушки. Малейшее движение причиняло боль. Вдруг с лестничной клетки послышался крик. Женщина различила голос соседской девочки. Было похоже, что та от кого-то отбивается, а на помощь ей никто из других квартир не выходит.

С трудом поднявшись с постели, женщина вышла на площадку и тут же чуть не упала, поскользнувшись на апельсиновой корке. Вся лестница была усыпана этими оранжевыми очистками. А на межэтажной площадке, у окна, стояли трое парней, и каждый держал в руках по апельсину. Они, ухмыляясь, протягивали их девушке, которую окружили.

— А ну отпустите ее! — закричала женщина.

— Заткнись! — презрительно ответил один из парней и запустил в женщину апельсином. Яркий оранжевый шар пролетел мимо ее головы и шмякнулся в косяк двери.

Парни все-таки ушли, оставив заплаканную девушку. У женщины тоже навернулись слезы на глаза. Такой наглости у этих юнцов она еще не видела. И еще задело: апельсинами швыряются, будто они у них на даче растут.

Негодующая женщина пришла в общественный пункт охраны порядка и обо всем рассказала участковому. Тот сначала отнесся к жалобе как к еще одному случаю «рядового» хулиганства. Но реагировать надо было, и участковый отправился опрашивать девушку, к которой приставали парни. Одного из них она несколько раз до этого видела в кинотеатре «Сатурн», знала квартал, в котором жил.

Когда участковый нашел парня, тот явно струсил. Узнав, что ему грозит, он сразу назвал участковому двух других, кто с ним был. И тут же заявил, что к девчонке приставали как раз они. А сам он только стоял там...

— Значит, ты себя ни в чем виноватым не считаешь? — переспросил участковый.

— Ну почему... — Парень изобразил раскаяние. — Сорил в подъезде корками апельсиновыми. Не я один, но и я тоже.

— Апельсинами-то этими ты угощал? — поинтересовался участковый.

— Не-е!

— А кто?

Парень замялся, но все же ответил:

— Зубатик.

— А у него откуда столько?

— Спер он их, — выдавил парень и сник.

— Когда, где, знаешь?

Ответ ошеломил участкового. Он, конечно, так и думал, что апельсины парни добыли где-то нечестным путем. Но даже и предполагать не мог, что они украдены из того места, откуда был похищен пистолет, и в то же самое время.

Участковый отправил парня на допрос к следователю, а сам помчался к Королькову.

«Интересно, — выслушав его сообщение, подумал Евгений Петрович. — До этого об апельсинах и речи не было. Как же так? Не ошибка ли?»

Ошибки не было. Когда по указанию Королькова оперативные работники вновь опросили работников конторы, то одна из женщин подтвердила: да, в ночь кражи пистолета у нее стащили пять килограммов апельсинов, привезенных ей из Москвы. Она оставила их на работе, потому что, не заходя домой, пошла отсюда на именины к подружке. Наутро про апельсины просто забыла. Спохватилась уже после ухода сотрудников милиции. Но заявлять о пропаже постеснялась. Тут такое ЧП, а она пойдет с какой-то жалобой. Да бог с ними, с апельсинами.

«Вот теперь все становится на место, — с облегчением думал Корольков. — Не Зубатик взял пистолет, так кто-то из его сообщников, больше некому».

Он вызвал двух инспекторов и приказал найти и задержать Зубатика. Но это оказалось не так-то просто. Его не было ни дома, ни в селе у деда, к которому он, по словам матери, поехал. Не появлялся Зубатик и в ГПТУ, где учился.

Прошло четверо суток с начала розыска, но Зубатик как в воду канул. Выяснили лишь, что вместе с ним исчез и его сосед, пятнадцатилетний Вовка.

Корольков все больше и больше мрачнел. Ведь если пистолет у такого, как Зубатик, может произойти новая беда. А сотрудники все никак не нападут на след этого «апельсинового вора» и, может быть, убийцы.

На очередном оперативном совещании Евгений Петрович стал опрашивать участковых, и оказалось, что большинство из них Зубатика вообще не знают. А тот, на чьем участке он проживает, назвал лишь двух ребят, с которыми Зубатик иногда встречался.

— У кого из них он может скрываться? — поинтересовался Корольков.

— У них вряд ли, — подумав, ответил участковый. — Эти ребята вроде не такие.

— Как вы думаете действовать?

— Понаблюдаю за ними, узнаю, кто еще в их компании.

— Долго и ненадежно. Время не терпит. Надо комсомольцев подключить.

В тот же день Евгений Петрович сам пошел в заводской комитет комсомола.

К вечеру Евгений Петрович уже разговаривал с выделенными комсомольцами, объясняя им, что и как они должны делать.

Расчет Королькова оказался верным. Заводские ребята не только определили весь круг друзей Зубатика, но и нашли того, у кого он скрывался.

Остальное было, как говорится, делом техники. Оперативные работники взяли Зубатика без особого труда.

Казалось, дело сделано. Еще один шаг — и...

Однако Зубатик на допросах признался лишь в том, что в контору действительно лазил и, найдя сетку с апельсинами, взял ее. А пистолет и не видел! И так непритворно удивился, а потом испугался, что «пришьют» ему чужую вину. Неужели все это сыграно? Тогда ему актеры позавидовать могут. Нет, такого таланта за ним не замечалось.

Но и верить Зубатику нельзя было. Все факты против него. Пистолет пропал в ту же ночь, там же...

А потом нашли и Вовку, того паренька, который лазил в контору с Зубатиком. На допросе он в точности повторил рассказ своего друга-сообщника. Ему задавали перекрестные вопросы, пытаясь найти какие-то несовпадения в показаниях, и наконец отступились. Стало ясно, что пистолета они не только не брали, но и не видели.

Значит, в контору проник кто-то еще. Кто же?

Надо продолжать поиск. Теперь это будет уже труднее. Неудача с Зубатиком на сотрудников здорово подействовала. Думали — все. И ошиблись.

Его величество случай

В ночной тиши трель звонка звучала резко, требовательно. Еще не сбросив сна, Корольков схватил трубку стоящего рядом с кроватью телефона и выдавил:

— Слушаю.

Оказалось, телефон ни при чем — звонок в прихожей. Кто-то нетерпеливо жал и жал на кнопку...

Открыв дверь, Евгений Петрович увидел инспектора уголовного розыска и двух участковых. Не ожидая приглашения, ввалились в комнату.

— Порядок, Евгений Петрович! Пистолет у нас.

Новость была настолько неожиданной, что Корольков боялся поверить в нее. Столько было осечек за это время! Но инспектор уже протягивал ему завернутый в белую тряпицу угловатый тяжелый предмет. Да, это был тот самый, украденный пистолет. Больше эта опасная игрушка никому не принесет беды и горя.

Корольков внимательно осмотрел пистолет и пересчитал патроны. Их было пять. Значит, после кражи сделано три выстрела, из которых один — в человека.

— Куда же полетели другие пули? — посмотрев на инспектора, спросил Корольков.

— Про одну знаю. В шифоньер. Благодаря ему и пистолет нашел.

— Ну-ка, рассказывай, — потребовал Евгений Петрович. — Только подробнее.

Инспектор, усевшись поудобнее, с явным удовольствием, не торопясь, стал рассказывать.

Днем, возвращаясь с обеда в отдел, он в одном дворе увидел сидевшего возле детской песочницы мальчонку лет пяти. Старательно сопя, он длинным кухонным ножом что-то вырезал из чурки. До того забавный был вид у него, что инспектор не утерпел и присел на корточки рядом.

— И что это ты мастеришь?

— Пистолет.

— Разве пистолет так делают? Давай помогу.

— А ты умеешь такой, чтобы стрелял? — с надеждой в голосе спросил мальчуган.

— Чтобы стрелял — это из железа надо, — объяснил инспектор. — Но деревянный — тоже хорошо. Будет как настоящий.

— Да-а, — разочарованно протянул мальчонка. — Значит, тот железный.

— Какой «тот»? — не понял инспектор.

— А у одного в нашем доме. Стреляет!

«Вот новость! — взволнованно подумал инспектор. — Не наш ли пистолет вырисовывается?»

— Откуда мальчик узнал про пистолет? — не вытерпел Корольков.

— А он, оказалось, в соседней квартире живет и слышал выстрел за стеной, — ответил инспектор. — Известное дело, я сразу туда. И про соседей кое-что узнал.

— Ну?

— Семья порядочная. Отец—начальник смены, мать—продавец. Один сын, учится в десятом классе. За ним ничего компрометирующего не замечено. А вот друг у него не из хороших. И семья там неблагополучная. Мать — пьяница, последние полтора года вообще стала пропадать из дому. А отец — безвольный человек: никакого влияния на нее оказать не может. Сын, понятно, предоставлен самому себе...

Корольков понял, что инспектор не зря так подробно характеризует обоих парней, и стал слушать еще внимательнее.

За вечер тот проделал огромную работу, проявив при этом похвальную смекалку и находчивость. Услышав про выстрел, он долго раздумывал, как поступить дальше. Наконец сообразил: если в квартире стреляли, значит, и след остался. Решил побывать на квартире и лично все осмотреть.

На его стук дверь открыла полная женщина. Окинув инспектора изучающим взглядом, удивленно спросила:

— Вы к кому?

— Я из милиции, — сразу же предъявил удостоверение инспектор.

— А что случилось? — с тревогой в голосе спросила хозяйка.

— Не волнуйтесь. Нужна небольшая справка. Ваш муж дома?

— Он на работе. Скоро придет.

— Так я его подожду.

Женщина с явной неохотой впустила неожиданного гостя в квартиру.

«Три комнаты на троих — неплохо!» — вспоминая свою тесную однокомнатную, подумал инспектор. А вслух спросил:

— У сына, значит, своя комната?

— Да, — кивнула женщина. И снова встревожилась: — Что вы сыном интересуетесь? Натворил чего?

— Можно посмотреть, как он живет? — не отвечая, спросил инспектор. Женщина открыла дверь одной из комнат. Инспектор увидел расстеленный на полу толстый, пушистый ковер, полированную мебель, свисающую с потолка модную люстру. Не комната, а номер-люкс. И только простенький шифоньер, стоящий у самой двери, как белая заплатка на новых брюках, выделялся на богатом фоне.

Но именно этот шкаф больше всего и заинтересовал инспектора. Он сразу же заметил на его боковой стенке отверстие от пули.

...В прихожей раздался звонок. Через минуту в комнату вместе с хозяйкой вошел грузный мужчина. Это был ее муж. Солидно поздоровавшись, он вопросительно взглянул на инспектора.

— У вашего сына есть огнестрельное оружие, — пояснил инспектор. — Я пришел, чтобы его изъять.

Женщина ахнула, всплеснула руками и заголосила.

— Подожди! — сурово одернул ее муж и, обратившись к инспектору, спросил: — С чего вы взяли?

— А вот, смотрите сами. Он и дома из него стрелял.

Взглянув на боковую стенку шифоньера, хозяин быстро открыл дверцы шкафа и осмотрел висевшую там одежду. Пальто и три платья были прострелены.

Выходное отверстие от пули они нашли уже вместе — на задней стенке.

— Ясно, — мрачно констатировал хозяин и, захлопнув дверцу, спросил: — Что он еще натворил?

Ответить инспектор не успел. Неожиданно в комнату вошел сын. Взглянув на плачущую мать, отца и инспектора, он, видимо, сразу понял, в чем дело, и побледнел. А когда инспектор потребовал сдать оружие, молча полез под диван и, вытащив спортивную сумку, достал из нее завернутый в белую тряпку пистолет.

— Леня, — ужаснулась мать, — откуда у тебя это?

— Санька дал, — нехотя ответил сын и опустил голову.

— Санька?! Я же говорила! Я же тебе всегда говорила: не водись ты с этим...

Больше говорить она не смогла — разрыдалась.

Кое-как успокоив женщину, инспектор и отец парня потребовали от Ленки рассказать без утайки все, как было.

А было так. Пистолет из конторы стащил Санька. Вообще-то он наткнулся на него случайно. Шел ночью по

улице, увидел приоткрытую дверь конторы. А Санька не из тех, кто пройдет мимо такого шанса. Пробрался в помещение и стал обшаривать столы. В одном из них и нашел пистолет.

Через два дня они вчетвером пошли в лес его испытывать. Первым выстрелил Санька в сидящую на голом кусте ворону, но не попал. Передал пистолет ему, Леньке, чтобы он испытал свою меткость. И надо же: как раз в это время к ним подошел незнакомый парень, потребовал отдать оружие.

— Мы, конечно, не отдали, повернулись и сразу пошли, а тот парень за нами. Санька кричит: «Пальни в него, сразу отстанет». Ну, я и пальнул...

После он пытался вернуть пистолет Саньке, однако тот не взял.

— Сказал, гад: «Ты стрелял — ты и отвечай».

Они тогда порешили держать язык за зубами: никому ни-ни! Ленька сначала хотел выбросить пистолет, но потом передумал и решил спрятать его в своей комнате. Когда дома стал рассматривать неожиданное приобретение, случайно нажал на спусковой крючок.

Конечно, когда они шли в лес, у него и в мыслях не было, что возвращаться он будет убийцей...

— Ну вот и все, Евгений Петрович, — закончил свой рассказ инспектор.

— Все? — задумчиво переспросил Корольков и, встав, нервно заходил по комнате. — Все, значит? Да, розыск закончен. Вроде мы свое дело сделали. Но ведь подумать только: взрослый парень, не дитя, просто так, ни за что, не дрогнув, стреляет в человека. Сказали ему «пальни», он и пальнул. Не хотел убивать? А хотя бы подумал, что может убить? Это же какую толстую кожу надо иметь, какую пустую душу! Нет, плохо еще мы все работаем, если вот такой тихий парень из благополучной семьи может вдруг стать преступником. Эх, да что говорить!..

Инспектор удивленно смотрел на Королькова. Таким расстроенным он своего начальника еще не видел.

— Ладно! — Евгений Петрович стукнул кулаком по столу. — Пока что надо прокурора известить.

Он снял телефонную трубку и стал набирать номер Куценко...

Проводив ночных гостей, Евгений Петрович еще долго сидел на кухне, выкуривая одну сигарету за другой. Чувство облегчения почему-то не приходило...

●

Невидимые нити

Город собирался на работу, когда его потрясло известие о том, что на улице Некрасова, в собственной квартире, убита выстрелом из ружья 50-летняя женщина.

Все свершилось до ужаса быстро и просто. В девятом часу вечера в квартиру кто-то позвонил. Хозяйка вышла на веранду. Мужской голос спросил ее с улицы:

— Где живут Паршины?

Женщина приоткрыла шторы на окне и показала рукой.

— Вон там.

Незнакомец в черной меховой шапке выстрелил в упор. На грохот выстрела выбежал из комнаты муж женщины. Она еще успела сказать, о чем спрашивал парень и как он был одет.

В больнице раненую прооперировали. Но проникающее ранение брюшной полости было настолько тяжким, что в четыре утра 10 ноября женщина скончалась.

Еще был поздний вечер 9 ноября, когда из Куйбышева в Чапаевск, на место происшествия, выехала оперативная группа во главе с тогдашним заместителем начальника управления уголовного розыска УВД Куйбышевского облисполкома Иваном Павловичем Перекрестовым. И началась трудная, кропотливая работа по розыску убийцы — работа, которая всегда заключается в методическом и постепенном отбрасывании всего лишнего, что скрывает фигуру истинного преступника.

Слово — заместителю начальника управления внутренних дел Куйбышевского облисполкома полковнику милиции Александру Михайловичу Липатову.

— Начну с того, что нынешний угрозыск чрезвычайно хорошо оснащен технически. Это способствует быстрейшему розыску преступников, помогает установить объективную истину и обеспечить неотвратимость наказания преступника.

Однако хочу подчеркнуть, что все это именно помогает раскрыть, обеспечить и так далее. Главное же всегда заключается в таланте, опыте, знаниях и тактических находках оперативного работника. Не зря ведь уже в самом начале действий по раскрытию преступления мы имеем разделение труда. Вещественными доказательствами, сбором следов, например, занимается, как правило, эксперт. А инспектор уголовного розыска прежде всего начинает размышлять, искать невидимые связи явлений — и это будет его основным занятием на протяжении всего розыска.

Во-первых, выдвигаются версии. Замечу: несколько версий, в том числе и кажущиеся, на первый взгляд, невероятными. Это делается для того, чтобы не вести следственную работу однобоко, чтобы не обвинить одного-единственного, хотя бы он и оставил «неопровержимые» улики. Обычно инспектор перебирает в уме похожие преступления. Известно, что преступники имеют свой почерк: скажем, у карманника может быть излюбленным приемом разрезание кармана бритвой, а какой-нибудь «специалист» по магазинным кражам предпочитает проламывать стену склада.

Но в преступлении, совершенном 9 ноября 1977 года в Чапаевске, ничей почерк не угадывался.

Итак, было выдвинуто несколько версий. Первая: хулиганство. Допустим, некий удалец напился, схватил обрез и пошел «пугать». Вторая: что убийцей является психически ненормальный человек (бывает, к несчастью, и такое). Третье: месть. Кто-то, скажем, вернулся из мест лишения свободы, решил отомстить недругу и перепутал дома. Кстати, преступник ведь назвал Паршиных...

Или пытались отомстить самой Тамаре Алексеевне Б.? Тогда за что?

Первые две версии были отработаны довольно быстро. Оставалась третья. Проверили, что представляет собой семья Тамары Алексеевны, — со всех сторон самые хорошие отзывы. Сама она была уже на пенсии, на работе и среди соседей врагов у нее не обнаружилось. Кто-то, правда, вспомнил о разладе убитой с ее невесткой Людмилой Максютовой. Версия о том, что молодая женщина способна на убийство матери своего мужа, относилась как раз к разряду невероятных. Но одна из оперативных групп

отработала и эту версию и категорически отвергла ее.

Да... Но вот Ивану Павловичу Перекрестову эта версия «нравилась» все больше. Несмотря на невероятность. Он рассуждал: Тамара Алексеевна в свое время возражала против романа своего сына с Людмилой, за два месяца до беды увезла Александра на турбазу, и потом он решился на развод. Максютлова вполне могла додуматься до того, что это мать за время отдыха убедила его окончательно, что они с женой не пара...

И Перекрестов, работник с двадцатилетним стажем, терпеливо продолжал поиски в этом направлении. И вот первая сколько-нибудь серьезная зацепка. С какой бы стороны он ни смотрел, отовсюду видна была фигура пятнадцатилетней Елены Л. Муж Тамары Алексеевны на первом же допросе заявил, что за несколько минут до рокового звонка к ним приходила Лена, спрашивала, дома ли их сын Саша. И соседи сообщили, что видели Лену в тот вечер у дома, где совершилось преступление. Девочку и ее мать допрашивали одними из первых, но они отрицали какую бы то ни было причастность Лены к преступлению. Да, с Максютовой знакома, 9 ноября была у нее, но ушла, когда стало смеркаться.

Иван Павлович со своими коллегами тем временем изучал круг близких знакомых Людмилы Максютовой. Студенты пединститута, где она училась, друзья, приобретенные за годы совместной жизни с мужем. И... стоп, опять девятиклассница Елена, которой Людмила помогала по русскому языку.

Такое совпадение не могло не насторожить. Но что общего, кроме совместных занятий, могло быть между двадцатипятилетней женщиной и пятнадцатилетней девчонкой? Если допустить самое неправдоподобное: что именно они соучастницы преступления, то что двигало ими?

Слово — полковнику милиции А. М. Липатову.

— Мотивы преступления мы называем невидимыми следами. По мотивам как раз и выдвигаются версии. С оперативной точки зрения даже предполагаемый мотив служит средством раскрытия преступления. А в процессуальном смысле слова (то есть если иметь в виду поиск истины) мотив — предмет доказывания. Поэтому мы просто обязаны выявить истинные причины, побудившие подследственного совершить преступление.

Любовь, ненависть, семья, быт, суеверия, страсть приобретательства — все сплелось в этом уголовном деле. Шаг за шагом продвигались наши работники к цели. Обходили дом за домом, скрупулезно выясняли отношения убитой со своими домочадцами, не отмахивались и от слухов — а они все упорнее вились вокруг личности Людмилы Максютовой... Что это был за человек? Впоследствии я ее допрашивал. Дерзкая, умная, грамотная — говорю это не для того, чтобы положительно о ней отозваться; хотел бы просто обратить внимание на то, что допрос всегда бывает серьезным психологическим поединком оперативного работника или следователя с подозреваемым в преступлении. Так случилось и на этот раз.

Людмила Максютова была задержана. Она горевала по поводу гибели свекрови, приходила попрощаться с покойной и выразить свое соболезнование мужу и свекру. А теперь очень правдоподобно возмущалась тем, что ее в «чем-то таком» заподозрили.

— Мне надо в институт, — твердила, — зачеты на носу, экзамены.

Никакой видимой тревоги.

К тому времени работники милиции немало знали о Максютовой.

Уголовное «дело» о гибели женщины из Чапаевска занимает четыре толстых тома. Те места в многочисленных протоколах допросов, где речь идет о личности Максютовой, сверкают золотым и хрустальным блеском. Любила она красивые, «престижные» вещи, «красивую» жизнь, окружала себя, по словам одного свидетеля, «директорами магазинов, работниками торговли» (мать ее юной подруги Елены тоже, кстати, была заведующей магазином гортюрга).

Естественный вопрос: а деньги откуда брала на все эти излишества? Муж, Саша, хоть и учился, вынужден был подрабатывать. Помогали ее родители. И каждый месяц давали пятьдесят рублей молодой семье отец и мать Саши. А иногда Тамара Алексеевна втайне от мужа подбрасывала Людмиле лишние полсотни: только питайтесь получше, уже не тратьте деньги на тряпки...

Вот так разлад!..

Однако не будем торопиться. Неприязнь между невесткой и родителями мужа все же была. Она началась еще

семь лет назад, когда Саша, будучи девятиклассником, вдруг подружился со старшей пионервожатой своей школы Людмилой Григорьевной, стал поздно возвращаться домой. Согласимся, что вряд ли какой матери это понравится. Не нравилось и Тамаре Алексеевне. Людмила к тому же как-то даже вызвала ее в школу и слегка пожурила (на правах педагога) за то, что мать не совсем верно воспитывает сына.

А Саша все больше любил свою избранницу. Он окончил школу, отметил совершеннолетие. Людмила стала приходить к нему домой, сумела расположить к себе родителей. В 1974 году, когда Александру было 19, а Людмиле 22, они поженились.

Максютова вообще обладала способностью вызывать к себе симпатию. Мать Елены Л., Мария Егоровна, впоследствии рассказывала:

— Людмила внушала мне доверие, мне нравилась эта молодая современная семья, а моя дочка была просто влюблена в Людмилу, в ее семью, всегда восхищалась ею, говорила о том, что такую любовь, как у Людмилы с Сашей, она видела только в кино.

Но Саша уже начинал осознавать, что Людмила не совсем тот человек, за кого себя выдает. Однажды он назвал ее рабой вещей. Она обиделась: а сам? И подумала, что своим умом он до такого определения не дошел бы, это все влияние свекрови. Людмила, конечно, знала, что родителям мужа, труженикам, совсем не нравилось ее стремление к жизни не по средствам, на широкую ногу. Она считала их несовременными.

Мало книг — и много дорогих и, в общем-то, ненужных вещей, любовь к хрустали и вечеринкам — и равнодушие к духовной пище... Не так-то просто проводятся нравственные параллели между невежеством, мещанством и способностью к преступлению или, напротив, между эрудицией и добропорядочностью. Но из бездуховности нетрудно вывести формулу бездушия. А от бездушия, душевной тупости до жестокости всего полшага.

Кстати, однажды Людмила уже пошла на преступление, правда, значительно менее тяжкое. В педагогический институт, вернее, на подготовительное отделение института она поступила с помощью поддельной трудовой книжки. Сфабриковать ее помог Людмиле ее муж Александр и... опять-таки его родные, которые, похоже, заботились о невесткином будущем едва ли не больше, чем она сама

(к сожалению, используя негодные средства). До этого Людмила несколько раз пыталась поступить в пединститут самостоятельно, да «успехи» в науках не позволяли.

Ни о какой своей нравственной ущербности Людмила, разумеется, не размышляла, сидя в следственном изоляторе. Досада, что «не обошлось» — вот что владело ею.

На вторые сутки после задержания она проходила медицинское освидетельствование. И тут, в кабинете врача, у нее обнаружили и изъяли записку (потом этот крошечный прямоугольник белой бумаги был подшит к «делу» наравне с мелко исписанными протоколами допросов):

«Мама, сходи к Марии Егоровне, пусть она скажет Лене, чтобы она ни к одному из парней не подходила и, тем более, не приходила домой. Ни в коем случае, привяжутся к девочке, глупая она еще».

Находка была весьма ценной. На очередном допросе Людмилу попросили пояснить смысл написанного.

— А что удивительного? Я имела в виду, чтобы она не подходила к каким-либо парням на улице, даже в своем классе, потому что парни стали плохие в своем поведении. Другого я ничего не имела в виду.

Увы, у этих парней из записки были вполне конкретные, хорошо известные как Людмиле, так и Лене имена и фамилии.

— Мне всегда казалось, что Людмила думает одно, а поступает наоборот, — говорила на следствии одна свидетельница, и следователь все больше убеждался в правоте этих слов.

Оперативная группа пришла к выводу, что необходимо еще раз допросить Елену Л. В милицию пошли ходатаи: заволновались, вознегодовали родственники и знакомые Людмилы и Елены. Еще бы — такое подозрение!

Елену допрашивал сам Липатов. Участие в процессе несовершеннолетнего требует от работников милиции, суда и прокуратуры особой внимательности и осторожности, определенного опыта, педагогического такта: нельзя ранить душу подростка необоснованным подозрением или просто укором. Александр Михайлович вел серьезный, искренний разговор о чистой, возвышенной любви, дружбе, чувстве гражданского долга.

—... Я не могу больше врать. — Эта фраза далась Елене с великим трудом. Душа девочки, понял Липатов, прошла за эти десять дней — от совершения преступления до

признания в нем — тяжелый, тернистый путь. И это было началом ее новой жизни.

— Да, — сказала Елена. — Это Людмила подговорила одного человека убить свекровь. А с этим парнем ее познакомил я. Я видела, что она страдает, и хотела облегчить ее страдания. Она ведь была моим идеалом, я во всем старалась походить на нее... Теперь — нет... После убийства той женщины я виделась с Людмилой, она злорадовалась, называла меня «паникершей», и я поняла, что Людмила — хорошая актриса, что все ее человеколюбие, которое мне когда-то в ней так нравилось, показное...

Вскоре в другом кабинете созналась и сама Людмила:

— Я подговорила. Только не арестовывайте меня, пожалуйста.

Обе назвали одну и ту же фамилию: Виктор Сараев, убил он.

Перекрестов со своими сотрудниками сел в машину, захватив с собой парней, хорошо знавших Сараева. Не доезжая до дома Виктора, увидели его самого с двумя приятелями. Посадили в машину, привезли в горотдел милиции. Там ждал прокурор. Запираться не было смысла. Под тяжестью неопровержимых доказательств Сараев признался в преступлении сразу же. А затем на чердаке своего дома показал спрятанное под слоем керамзита ружье.

Слово — полковнику милиции А. М. Липатову.

— Кульминационный момент в нашей работе — когда человек подозреваемый впервые говорит правду. До этого он прятался, скрывал в себе мучительную тайну; страдал от голоса собственной совести или заглушал его разгулом; или, не слыша никакого голоса, просто-напросто трусил. В общем, каждый по-разному. И вот — первое, раскрепощающее слово правды...

Интересно, что и у нас, оперативных работников, меняется отношение к подсудственному, когда он заговорит искренне. Куда-то уходят злость, отвращение к нему; мы понимаем, что с этого момента начинается у человека путь к раскаянию.

Меня иногда спрашивают, что представляет собой современный преступник. Ну, если речь идет, например, о замаскированном хищении или взыточничестве, мы наверняка имеем дело с человеком, который обладает определенным запасом знаний. Но убежден, что в любом случае преступни-

ком становится нравственно испорченный, невоспитанный человек. Именно в том состоит ущербность, опасность его личности, что в нужный момент не срабатывает какой-то внутренний нравственный предохранитель, защищающий от недоброго, тем более кровавого деяния. А здесь мы имеем дело не с нечаянным даже (в драке, например), а с умышленным убийством!

Наверное, кто-то захочет понять и Людмилу. Жизнь у нее сложилась не лучшим образом. Муж ушел от нее (как решила Людмила, «исключительно под влиянием матери»), подав затем на развод. И Людмила, любившая мужа, решила отомстить свекрови. Сначала думала сделать это сама. Потом с помощью Елены нашла непосредственного исполнителя своей злой воли. Кстати, это редчайшее в наши дни преступление — наем убийцы. Людмиле почти удалось уговорить принять участие в преступлении своего знакомого студента из одной среднеазиатской республики — тому она объяснила, что должна свершиться кровная месть в отношении «одного человека», который якобы повинен в недавней смерти ее отца. Знал о преступлении и еще один знакомый Людмилы.

Готовилось злодеяние так. Примерно за месяц до того страшного вечера Людмила позвонила по телефону своей ученице и попросила срочно приехать. Лена приехала, поинтересовалась, что случилось. Тогда Люда, улыбнувшись, спросила девочку, в свою очередь, не знает ли она «шпану» и не может ли достать обрез. И пояснила, что от нее ушел муж, так как свекровь его чем-то «опоила» и увела от нее. Елена поняла, что затевается убийство, и попыталась, правда, как-то слабенько, отговорить приятельницу: человек ведь это, дескать, зачем же убивать-то. Но Люда строго сказала ей, что свекровь всю жизнь пьет из нее кровь и что если ее не станет, то Саша, возможно, вернется к ней, к жене своей, и они заживут по-прежнему счастливо.

Тем же вечером Лена встретилась с приятелем своей давней подруги Кати Виктором Сараевым и его другом и попросила у парней обрез. Те отказали, посмеялись, но согласились прийти к Люд-

миле познакомиться и попытаться ей после чем-то помочь. Потом Елена еще не раз устраивала им встречи. Людмила стала уговаривать Виктора убить ее свекровь. «Помогу материально, — говорила она ему. — Поженитесь с Катей, уедете из города». Деньги у нее были: продала свое пальто и еще кое-что из вещей.

Виктор не сразу согласился пролить кровь совершенно незнакомого ему человека. Все надеялся, что на курок его ружья нажмет чужая рука, а он останется только сообщником. Видимо, в решимости Сараева сыграла свою роль водка, которую он выпил по пути на Некрасовскую улицу. Кстати, Людмила оказалась на редкость предусмотрительной особой: она прихватила с собой на «дело» стакан, дала деньги на водку.

...Нет, по-моему, понять ее нельзя, все это противостоит.

Заметим: Максюткова и Сараев были психологически готовы к совершению задуманного. Людмила долго вынашивала в себе план действий, обговаривала его в деталях с Сараевым. Виктор в свои неполные девятнадцать лет уже имел судимость, и в его внутреннем мире тоже не существовало никаких преград к тому, чтобы убить. Девочка Лена? У Лены было, видимо, доброе сердце, и, когда старшая подруга стала ей рассказывать о «злой, ненавистной свекрови, которая отняла у нее любовь и счастье», это сердце дрогнуло... Взрослые преступники, между прочим, нередко используют неустойчивость психики несовершеннолетних, их чувствительность, ранимость используют во зло.

...После выстрела Сараев спрятал стреляную гильзу в карман и помчался, перепрыгивая через заборы, к поджидавшей его Людмиле. Она спросила коротко:

— Застрелил?

И вновь пообещала, услышав утвердительный ответ, что в долгу не останется.

Все, что было потом, мы уже знаем. Финал наступил в апреле 1978 года. Судебная коллегия по уголовным делам Куйбышевского областного суда приговорила В. Сараева к исключительной мере наказания — расстрелу, Л. Максюткову — к пятнадцати годам лишения свободы.

Осуждена и Елена Л. Получили по заслугам и те двое знакомых Людмилы, что знали об убийстве и промолчали.

Не могу не сказать еще и о том, что были осуждены не только преступники, но и само явление; открытое судебное заседание дало нравственную оценку случившемуся. Было прослежено моральное падение организатора убийства, Людмилы Максютовой, от вроде бы невинного убеждения, что «все можно достать за деньги» до немыслимого в глазах нормального человека решения «помочь деньгами» за гнусную услугу — убийство матери любимого человека.

Приговор был вынесен и оглашен в одном из самых вместительных залов города Чапаевска при огромном стечении народа.

Так закончилась эта трагическая и необычная история, всколыхнувшая неприветливым ноябрьским утром весь Чапаевск.

●

Третий вариант

Весть о трагическом происшествии на Московском шоссе мигом облетела Красную Глинку, а после и весь город. Она обрастала слухами и домыслами, порой нелепыми и вздорными. Гибель капитана милиции Абрамкина люди объясняли по-всякому. Одни считали, что был он просто неосторожен, другие были убеждены, что задремал, третьи — что хотел было проскочить, да немного не успел. И еще нашлись толкователи-злопыхатели, которым казалось само собой разумеющимся, что в то утро был капитан Абрамкин нетрезв. «Иначе чего бы он сунулся?» — пожимали плечами они. Всяк, в общем, мерил на свой аршин. Почему же так произошло? Видимо, потому, что слишком уж необычным, из ряда вон выходящим было его поведение, чтобы легко и удобно могло уложиться оно в сознании людей. Еще бы: ведь нестандартные поступки здравый смысл наш принимает с трудом, порой даже отказываясь признавать очевидные факты. Так было и здесь. Не скрою, что я сам с великой осторожностью, за которую мне сегодня даже неловко, подошел к оценке происшествия на Московском шоссе. Что же касается руководства ГАИ, то у него эта осторожность была в сто крат больше моей. Как ни нелепы и даже оскорбительны были слухи, однако пресловутое «а вдруг?» заставляло медлить с выводами, уточнять и перепроверять многократно всякое обстоятельство. Однако закончилось, наконец, следствие, и только тогда, на основании заключения многочисленных экспертиз и анализа малейших деталей, я понял, что вправе говорить о подвиге капитана милиции Абрамкина В. И., совершенного им при исполнении служебных обязанностей на Московском шоссе.

Утром 16 октября, сразу же после оперативки в райотделе милиции, старший госавтоинспектор Красноглинского района Виктор Иванович Абрамкин решил отправиться в поселок Мехзавод. Зачем? Надобно было ему догово-

риться насчет послезавтрашней проверки на местном автотранспортном предприятии. Дело это привычное: такие проверки входили в круг обязанностей Виктора Ивановича, поскольку он отвечал за техническое состояние автотранспорта во всем своем районе. Впрочем, круг его обязанностей этим не ограничивался: госавтоинспектору положено делать еще и многое другое. Скажем, выяснить причины дорожно-транспортных происшествий, случившихся в пределах района, и не только выяснять, но и обобщать эти печальные факты, делая выводы. В обязанности Абрамкина входила и пропаганда правил уличного движения, причем в любой аудитории — от заводского цеха до детского садика. Служебный долг госавтоинспектора — воспитывать лихих и небрежных водителей и вообще делать все, что способствует снижению числа транспортных ЧП.

— Извини, браток, на дороге я отвечаю за все и за всех, — говаривал, бывало, Виктор Иванович своим оппонентам, которых, как известно, у работников ГАИ бывает немало.

Сегодняшний день ему предстояло начать с обыденных забот. После оперативки он потолкался еще несколько минут в райотделе, перекинулся шуткой с приятелем и отправился к машине. Всклипнул пружинами «газик», приняв могучее тело Абрамкина. В 11.20 Виктор Иванович выехал из гаража, что был построен на пересечении двух шоссе...

Что же, выходит, он отвечал и за шофера Михаила Сергеева, который как раз в это время вел тяжелый автобус из центра города на Красную Глинку? Выходит, что так. Однако опасно отвечать за такого человека. Ненадежный он. В свои 22 года уже дважды был судим. Считал себя парнем удалым, лихим — оттого он, видимо, и вел свой мощный «ЛИАЗ» на предельной скорости, какую только удавалось ему набрать на отрезках между остановками.

Сергеев почти час был в дороге: маршрут номер один из городских самый долгий, и за три месяца работы он никак не мог привыкнуть к нудному однообразию этих поездок. Сейчас, когда до конечной остановки было уже недалеко, он не снимал ноги с акселератора. Пассажиры неодобрительно морщились и кричали, когда он брал с места или с ходу проскакивал выбоины.

Впереди показался дугообразный поворот. Дальше дорога пойдет прямо — мимо Управленческого городка. А там, глядишь, и конец маршрута.

Подумав об этом, Сергеев еще сильнее нажал на акселератор. Автобус тряхнуло...

Потом, когда следователь будет вычерчивать план местности, где случилось ЧП, на одном из участков дороги он поставит крестик. К этому-то крестику, а вернее, к месту, им обозначенному, и приближались две машины. Впрочем, автобус приближался куда быстрее, потому что Виктор Иванович Абрамкин к тому времени еще не успел набрать скорость. «Газик» не «Жигули», его не сразу раскочегаришь, да и в возрасте уже была машина. Однако Виктор Иванович ее берег и любил. Как берег и любил он свою милицескую форму, и свое охотничье ружье, и спортивный костюм, в котором играл на динамовских соревнованиях в городки. Основательность капитана вызывала у молодых офицеров улыбку, но не уважать ее они не могли.

...Вот он, поворотик-поворот! Сергеев, не снижая скорости, начал входить в вираж. Задние колеса подпрыгнули, автобус тряхнуло, еще и еще. Большая неуклюжая машина запрыгала на ребристом, как стиральная доска, покрытии дороги. Водитель яростно крутил баранку, но «ЛИАЗ», не слушаясь, прыгал, как на кочках, его выносило на левую сторону шоссе. А там — крутой склон, а на обочине — деревья, строения, столбы...

Показания свидетеля А. Кондрашова, шофера, бывшего пассажира «ЛИАЗА»:

— На этом участке поворота дорога совсем плохая, всегда здесь бережешься. А он на скорости, нарушил... Я сразу почувствовал, как стало меня кидать.

...Едва на повороте показался подпрыгивающий автобус, Виктор Иванович тотчас прижал «газик» к обочине: неровен час, еще заденет — выкатил-то «ЛИАЗ» уже на середину. Немного в Куйбышеве людей, которые так искусно владели бы машиной, как капитан милиции Абрамкин. Стаж за рулем он мерял десятилетиями и потому понимал автомобиль с полувзгляда. Сложившуюся ситуацию он оценил в одно мгновение: автобус с пассажирами несло на деревья. А это означало, что водитель потерял над машиною власть. Авария была неминуемой...

Мы не знаем, что он подумал тогда. И никогда уже не узнаем. Все решилось в одну секунду, а потом — в доли секунды. Эксперты-трассологи говорят, что в тот миг у Абрамкина было два варианта решения: первый — круто свернуть на обочину, пусть даже с риском перевернуться;

и второй — резко остановиться, благо скорость была минимальной, пропустить автобус перед собой.

Виктор Иванович выбрал третий вариант. Он нажал на акселератор и вынырнул перед автобусом, подставляя свой старенький «газик» под удар.

Показания свидетельницы Л. Милехиной, киоскера Союзпечати, пассажирки «ЛИАЗа»:

— Я так тогда и не поняла, что произошло. Сначала нас сильно трясло, потом вдруг — удар. Я стояла, так меня бросило через весь салон. Потом еще немного проехали и остановились. Гляжу — забор...

Расчет Абрамкина был мгновенен, но точен: удар о «газик» не только погасил скорость автобуса, но, что всего важнее, изменил траекторию его движения. Подобно отскочившему мячу, «ЛИАЗ» под тупым углом опять свернул на дорогу, пересек ее, выскочил на правую обочину и, медленно прокатившись сколько-то метров, остановился, упершись в забор гаража. «Газик» же остался на колесах, хотя его и отбросило в сторону. Машина почти не пострадала. Не пострадал также ни один из 25 пассажиров автобуса.

На лице Виктора Ивановича было всего лишь несколько царапин от разбившегося стекла. Но удар был страшен. Не приходя в сознание, он умер на пороге больницы...

Награда, которая вручается поголовно всем, перестает быть наградой — символом отличия. Мне кажется, что слово «подвиг» употребляется в наши мирные дни слишком часто. Чуть ли не всякое хорошее дело готовы мы назвать подвигом, хотя вполне достаточным было бы сказать, например, «добросовестность». Как-то забываем мы, что в самом понятии подвига заключена неременная самоотверженность, самоотреченность. Оттого бывает подвиг, как вспышка, — словно молнией озаряет жизнь, изумляя людей и заставляя их преклоняться перед героем. И хотя вспышку эту рождает, как правило, мгновение, это не значит, что подвиг рождается «вдруг», что он зависел лишь от случайного сочетания обстоятельств.

Да, верно, условия, в каких совершается подвиг, почти всегда бывают необычны, и сочетание их нередко случайное. Но вот внутренний импульс, этот мощный порыв, побудивший человека к подвигу, никогда не бывает случайным. Если человек пошел на самопожертвование, значит, он уже был подготовлен к этой вспышке всей своей жиз-

нью, значит, он уже был наэлектризован чувством, идеей, долгом. Горячая любовь к Родине и ненависть к врагу толкали в годы войны героев на амбразуры дотов. А летчика, ценою гибели уведшего поврежденный самолет от города, на подвиг вела убежденность, что не смеет он рисковать чужими жизнями. А он пожертвовал своей. А вот теперь — капитан милиции Абрамкин...

В письмах, пришедших после газетной публикации о подвиге Абрамкина, было много слов восхищения и благодарности. Но в одном из них прозвучал и скептический вопрос: «Откуда автору было знать, какой вариант выбрал Абрамкин и что он в это время думал?».

Да ведь и в самом деле, некогда было думать тогда Виктору Ивановичу. Какие уж там размышления, свой поступок он совершил рефлекторно, автоматически. А еще можно сказать — инстинктивно. Обычный для живого существа инстинкт — это страх, стремление спастись. А здесь — спасти! Даже ценою жизни, но спасти. Трудно поверить, что человеку может быть не жалко своей единственной жизни. Оттого-то испокон веков и преклоняются люди перед теми, кто смертью своей попирает смерть, кто способен на подвиг самопожертвования.

Вот в этот-то «третий вариант» и не поверили люди. Не будем осуждать их: в самоотверженность, цена которой — жизнь, и впрямь поверить нелегко, ибо каждый примеривает ее на себя: а мог бы и я?..

Виктор Иванович совершил подвиг, но сам бы он так свой поступок не назвал. За 22 года работы в милиции сформировалось и окрепло в нем убеждение, что мир держится на людях, которые честно и в полной мере выполняют свой долг. Порядочность. Чувство справедливости. Великая добросовестность. Так вот определили главные качества характера Абрамкина его сослуживцы, а медали «За безупречную службу в милиции» всех трех степеней и другие награды, украшавшие по праздникам его широченную грудь, были доказательством того, что свои убеждения Виктор Иванович воплощал в поведении и в работе.

— Да, он был безупречен в полном смысле слова, и никто не упрекнет меня в преувеличении, — сказал заместитель начальника Красноглинского РОВД Владимир Сергеевич Дементьев. — Не случайно же Абрамкин был у нас председателем офицерского суда чести. Принципиальный и человечный, спокойный и несуетливый, Виктор

Иванович был непререкаемым авторитетом для всех работников ГАИ. Известие о его трагической смерти потрясло всех нас. Но никто из тех, кто знал его много лет, не удивился случившемуся. Мы поняли: Виктор Иванович и в последний свой миг остался верен себе.

Происшествие на Московском шоссе я попросил прокомментировать полковника милиции К. Кременского.

— Кто такой есть работник ГАИ, если взглянуть на работу его с позиций принципиальных? — спросил у меня Константин Иванович, но сам же и ответил: — Это представитель Советской власти на дорогах. Полномочный и за все ответственный человек. Абрамкин знал, что от его умения, бдительности, подготовки, принципиальности зависит нередко жизнь десятков людей. Так что думал он тогда, конечно же, только об одном: спасти пассажиров, предотвратить катастрофу. Любой ценой! И скажу я вам, — Кременсков говорил все горячее, — что подвиг Абрамкина для нашей милиции — явление далеко не исключительное. Чтобы обезвредить пьяного негодяя за рулем, пожертвовал своей жизнью автоинспектор Роберт Закиров. Именем молодого милиционера Анатолия Силаева, вступившего в неравную схватку с вооруженными преступниками, названа в Куйбышеве одна из улиц. Героически погиб при задержании опасных бандитов замечательный наш инспектор старший лейтенант милиции Иван Шумник... Такова специфика милицейской службы, которая требует, чтобы интересы людей ставились выше своих.

...Я смотрю на фотографию Абрамкина: типичное русское лицо, спокойные, чуть усмехающиеся светлые глаза, седеющие виски. Не довелось мне познакомиться с Виктором Ивановичем, и узнал я о нем лишь с чужих слов, от людей. Но как их все-таки много, этих людей, что знали, уважали и любили капитана Абрамкина! Тысячи жителей Красноглинского района провожали его в последний путь, вся улица была запружена венками, здешние старожилы говорили, что не помнят столь торжественных и волнующих похорон.

Так провожают люди своих героев.

●

Главное дело жизни

В этой светлой комнате, все убранство которой составляют два мощных аппарата связи, звонка телефона ожидают с напряженным вниманием. Иной раз именно с него начинается борьба за судьбу человека или его жизнь, и именно отсюда, из дежурной части управления внутренних дел облисполкома, протягиваются незримые нити помощи людям, попавшим в беду.

...Сигнал телефонистки был краток.

— Валентин Петрович, в районе ресторана «Парус» замечен человек с огнестрельным оружием.

Пистолет на мирной вечерней улице — всегда ожидаемая опасность. В каких руках он оказался? Чего добивался незнакомец, грозя оружием, за ношение которого строго наказывает закон? Валентин Петрович Сарычев, оперативный дежурный УВД, нажал кнопку на пульте. Загорелись лампочки на огромной карте-схеме города, занимающей целую стену в дежурной части. Сейчас эти лампочки показывали местонахождение машин передвижных милицеских групп. Двум из них, ближайшим к району ресторана, Сарычев отдал приказ: срочно найти и задержать нарушителя. И тут же — дежурному шоферу:

— Машину к подъезду!.. Поеду сам, — коротко бросил своему заместителю.

Тот понимающе кивнул. Даже в милицеской практике не часто сейчас встречаются случаи, когда вооруженный пистолетом человек открыто ходит по оживленным центральным улицам.

Машина рванула, с места набрав скорость, мигалка вырывала из темноты листву деревьев, тревожно оглядывались люди, заслышав звуки сирены. А Сарычев молил судьбу про себя — только бы не выстрелил тот пистолет, только бы не пришла чья-то смерть на заполненную отдыхающим народом улицу.

У «Паруса» уже стояли две милицеские машины, у

одной из которых в окружении милиционеров понуро сутулился подвыпивший парень. Сарычев облегченно вздохнул.

— Порядок, товарищ майор, — отковырял старшина. — Задержали сразу же, все патроны целы, не было выстрелов.

Нарушителя отправили в райотдел, а Сарычев вернулся к своему пульту, в дежурную часть...

Уже двадцать лет, считай, всю сознательную жизнь, Валентин Петрович носит милицейскую форму. Надел он ее, эту форму, приехав после службы на границе в Куйбышев, к родственникам. Пришел за пропиской в Самарский РОВД, а там сразу заметили стройного высокого парня с военной выправкой. Узнав, что на работу Сарычев еще не устроился, заинтересовались: не пойдет ли служить в милицию?

Так молодой коммунист и бывший пограничник стал милиционером, потом после окончания вечерней школы работал участковым инспектором, сотрудником уголовного розыска. В 1969 году Валентину Петровичу предложили перейти в областное управление внутренних дел, тоже в уголовный розыск, где он занимался профилактикой преступлений среди несовершеннолетних.

Все эти годы были заполнены напряженной учебой. Один из самых прилежных студентов Всесоюзного заочного юридического института, Сарычев не просто впитывал в себя огромную информацию по криминалистике, уголовному и гражданскому праву, но и старался все свои новые знания воплотить в практику.

Предложение работать в дежурной части Валентин Петрович принял без колебаний. Хоть и приходилось начинать «с нуля», это не страшило. Он давно с любопытством приглядывался к оперативным дежурным. Теперь функции его укладывались в жесткие рамки: «организация, управление силами и средствами, участвующими в охране общественного порядка, предупреждение правонарушений». А работать в рамках этой формулы было очень нелегко и непросто — с какими только житейскими ситуациями не приходилось ему встречаться.

...Очередной звонок. Женщина тревожилась о пропавшей дочери — студентке, к которой приехала издалека. Валентин Петрович успокоил:

— Не волнуйтесь, она же не знала о вашем приезде, сама могла с друзьями куда-нибудь отправиться.

Но через несколько часов его пригласили в вестибюль. Со скамейки поднялась моложавая женщина, рядом с которой сидела испуганная девушка, и уже знакомым — по телефону — голосом поздоровалась.

— Это снова я. Моя дочь, как сообщила вот ее подруга, — она указала на испуганную девушку, — уехала в Волгоград с парнем. Замуж, видите ли, собралась. — Голос посетительницы креп, в нем появились визгливые нотки, и Сарычев про себя пожалел ту незнакомую студентку, осмелившуюся не сообщить матери о своей любви.

— Я этого так не оставлю, — бушевала женщина. — Он совратитель, я к ректору пойду и его исключат из вуза!

— Ну зачем же так сразу? — пробовал остановить ее Сарычев, — ничего страшного не случилось. Дочь ваша уже взрослая, сама может решать.

— Без родителей? — гневно обрезала женщина. — Ну, нет...

Она решительно взяла за руку подругу дочери, выдавшую тайну, и быстро пошла к двери.

Но этим визитом дело не кончилось. Ближе к вечеру позвонила подруга и, всхлипывая, стала просить Валентина Петровича хоть чем-нибудь помочь. Оказывается, Марина с женихом должны были вернуться в город завтра, а мать уже ходила в институт и подняла там целую бучу. Кто знает, что может грозить парню и девушке.

Сменившись с дежурства, усталый Сарычев поспешил в институт. Зашел в партком, где уже были наслышаны об «обольстителе и хулигане», на поверку оказавшемся хорошим парнем. А потом в течение нескольких часов бесполезно ждал его в проходной, чтобы предупредить о происшедшем.

Поздно вечером, уже сонного, его поднял с постели звонок подруги Марины.

— Они приехали, Валентин Петрович, мы успели их предупредить. Вы знаете, Марина плачет и говорит, что мать никогда ей не разрешит быть с Володей.

— А где они сейчас?

— Мы спрятали их в общежитии.

Сарычев улыбнулся:

— Но матери-то все равно надо сказать, она же волнуется. — Помолчал, добавил: — Передайте от меня «совет да любовь» молодым. Верю, все уладится.

Жена Сарычева, уже давно привыкшая к самым неожиданным звонкам, поинтересовалась:

— Кого это ты, отец, женишь?

— Хороших ребят, любят друг друга они. А любви иногда и милиция должна помогать.

Если бы только в таких ситуациях люди звали на помощь Сарычева, он был бы, пожалуй, счастлив. Но сколько иных забот у оперативного дежурного. Буянил домашний дебошир — и Сарычев направлял по нужному адресу дежурную группу из ближайшего отделения. Сообщали о драке на улице — и стремительно мчалась к месту происшествия ПМГ. Приходилось разыскивать пропавших мужей и детей, вызывать «скорую помощь» роженицам, давать подробные консультации по вопросам, весьма далеким от милицейских.

Работа есть работа. В ней привыкаешь к любым неожиданностям. И все-таки каждый звонок, сообщающий о уже совершенном преступлении, для оперативного дежурного новое серьезное испытание.

...Этот сигнал поступил в дежурную часть после «часа пик», глубокой ночью.

— Вышел покурить на балкон, — рассказывал по телефону мужчина, — смотрю, четверо парней у киоска возятся, железом гремят...

Сарычев поблагодарил за сообщение и глянул на карту. Передвижных милицейских групп поблизости, как назло, не было.

— Оперативную на выезд! — скомандовал он по сектору и торопливо пошел к выходу.

Через считанные минуты машина спускалась по Некрасовской к Волге, к киоску. Дверь у него болталась на одной петле, а из темноты доносились тихие голоса, что-то хрустело под ногами.

— Выходи по одному! — громко скомандовал Сарычев. Вскоре все четверо преступников сидели уже в машине.

И все-таки подобные выезды на место происшествия — не главное в работе оперативного дежурного. Да и случаются они довольно редко. Гораздо чаще Сарычев руководит действиями по раскрытию преступления прямо из дежурной части, по каналу связи. Порядок этих действий выверен опытом: звонок в райотдел — обеспечить охрану места преступления, сигнал оперативникам — попасть туда как можно раньше. Потом ожидание доклада оперативной группы о приметах преступника... Часто бывает и так,

что к оперативному дежурному обращается за помощью сам следователь группы — что-то выяснить, проверить. И Сарычев, не теряя ни минуты, должен найти эти сведения, а иногда и выход из затруднительной ситуации. Здесь не обойтись без четко налаженной связи со многими службами милиции, в частности с экспертами.

Так было и на этот раз. Уже перед концом дежурства телефонистка сообщила: в квартире на Ленинской, 102, обнаружен труп семидесятилетней женщины. По всем признакам, убийство произошло дня два назад, когда соседка слышала за стеной шум. Оперативная группа, побывавшая на месте преступления, свидетелей не обнаружила, нашла лишь пустая бутылка из-под портвейна с отпечатками пальцев.

Вместе с экспертом оперативной группы Сарычев прошел к криминалистам. Заместитель начальника оперативно-технического отдела Альберт Вениаминович Давыдов, разглядывая на свет бутылку, удовлетворенно хмыкнул:

— Следы хорошие, четкие. Тот самый случай, когда грязные руки пользу приносят.

Полковник милиции Давыдов горячо влюблен в дело, которым занимается уже 27 лет, — в криминалистику. На его глазах в милицию пришла новая сложнейшая техника, о которой каких-нибудь 15 лет назад можно было только мечтать.

— Доказательства, которые дает наш отдел, — рассказывает Альберт Вениаминович, — всегда объективные. Экспертиза может и обвинить, и реабилитировать, так как имеет дело с материальными следами преступника. В этом наша сила. А еще и в том, что с помощью современной науки можно обнаружить самые, казалось бы, невидимые следы преступления, «почерк» злоумышленника.

Альберт Вениаминович вспоминает случай, происшедший с ним в самом начале работы экспертом.

Был знойный летний вечер. Давыдов с женой собирались в театр, а тут оперативная машина. В Новодевичье совершено убийство, надо ехать.

— Начальник райотдела Павлов и следователь Шуватов, с нетерпением нас поджидавшие, сразу повезли к селу Подвалье, где был обнаружен труп. После осмотра появилась первая рабочая версия: убийство с целью ограбления. На это указывали вывернутые карманы погибшего, пустая авоська рядом... Но судмедэксперт возразил: характер раны больше указывает на дорожно-транспорт-

ное происшествие. Эта версия показалась мне более вероятной. Стал прикидывать: какой машиной и какой ее частью можно сделать такой удар? Решил: если к переднему левому углу кузова «ЗИЛа» приставить человека, то на виске его при ударе отпечатается точно такой же уголок, как у убитого. Начали осматривать машины в ближайших колхозах. У одной из них уголок кузова был тщательно вымыт. Вызвали водителя. Тот признался сразу. Оказалось, что потерпевший попытался зацепиться за кабину проходящего мимо самосвала. Когда шофер притормозил, было уже поздно. Испугавшись, он перенес убитого с дороги в поле...

Криминалисты давно установили, что совершить преступление, не оставив следов, нельзя. Каким бы хитрым и опытным ни был преступник, как бы он ни изощрялся, заматаывая следы, они непременно остаются. Особенно часто при осмотре мест происшествия следователи и эксперты обнаруживают следы пальцев рук, как было и в случае убийства на улице Ленинской.

— Там все было несложно. Преступника с помощью наших данных задержали на следующий же день после звонка в дежурную часть... А это значит, с помощью оперативного дежурного.

Два солдата незримого фронта. Двое из многих, кто днем и ночью охраняет нашу жизнь, покой, строго стоит на страже социалистической собственности. При всей несхожести их внешности, характеров, Сарычева и Давыдова объединяет одно замечательное качество — чувство ответственности за судьбу людей. Оно рождает и любовь к своему нелегкому труду, и стремление к знаниям, и творчество. Да, творчество! Потому что оперативный дежурный и криминалист прежде всего имеют дело с человеком. Помочь ему найти правильную дорогу в жизни или защитить его от посягательств, строго наказать или переубедить, перевоспитать, — что может быть благороднее, но и труднее, сложнее! Однако Валентин Петрович и Альберт Вениаминович с честью справляются со своими нелегкими обязанностями, считая их главным делом жизни.

●

Знак на стекле

1

Когда в окне замелькали пролеты моста через Волгу, Вадим почувствовал, как под ложечкой кольнуло... нет, даже не кольнуло, а остро защемило. Будто голод проснулся, да только есть Вадим не хотел, всего час как из ресторана. Ему не хотелось признаваться себе, но он знал, что щемящее, такое неприятное ощущение — не что иное, как поднимающийся из глубин подсознания страх. Вместе с соседями по купе он стоял у окна, что-то поддакивал мальчишке, считавшему пролеты, цокал языком — какая, мол, широкая она, наша Волга, — но все это проделывал не он, не Вадим Сорокин, а автомат в его обличье. Настоящий Сорокин кожей чувствовал каждый десяток метров, на который уменьшался путь до Куйбышева, и корчился от страха.

Но вот мост отгрохотал, соседи отвалились от окна, и с ними Вадим.

— Завидую вам, такую большую воду под боком имеете, — со вздохом, но весело, словно радуясь за Вадима, сказал Усман, собирая вокруг глаз пучочки морщинок. — Твой Куйбышев тоже на Волге стоит, да?

— Чего? — встрепенулся Вадим. — Ну да, на Волге...

Чтобы не разговаривать — сейчас это было непереносимо, — он вышел из купе и, заметив, что смуглолицый сосед тоже поднимается с места, направился через весь вагон в дальний тамбур. Дернул ворот, медные кнопки податливо распахнули батник почти до пояса. По груди, застревая в курчавой поросли, сбегали капли пота.

Никогда он не считал себя трусом. Никогда. Конечно, страшновато бывало не раз. Мало ли, вон и Герои Советского Союза на встречах признаются, как страшно бывало в бою. Но то — в бою! Почему же он не боялся — вернее, почти не боялся, — когда ночь напролет мчался

в тумане на машине, превышая скорость, хотя знал, какой это риск — попасться автоинспектору или влипнуть пусть даже в ничтожную дорожную неприятность. За рулем он чувствовал себя лихим и бесстрашным, в общем, удалцом, каких мало, а сейчас, стоило проехать знакомый мост — и он раскис и чуть ли не готов идти с повинной. Странное существо человек, думал Вадим. Дикого зверя выручает инстинкт, оберегая от опасности, он ему и компас, и карта, и локатор. А чего стоит наше предчувствие? Тысячи раз мы внутренне сжимаемся, потому что ощущаем неясно приближение беды, но лишь в одном случае из ста предчувствие оправдывается, и именно эти исключения мы помним, о них с благоговением рассказываем знакомым. Наши повседневные мелкие страхи: не опоздать бы на автобус, не забыть бы документы, не наболтать бы по пьяному делу лишнее и прочие, и прочие — все они, как правило, едва возникнув, гаснут, не оправдываются, пора бы и привыкнуть. Не получается... То ли дело Курок — тот фаталист, он уверен, что ему не суждено помереть своей смертью, а коли так — чего ж трястись? У Курка не бывает ни предчувствий, ни суеверий, ни предубеждений. Опасность он осознает лишь когда она есть налицо.

Вадим курил сигарету за сигаретой. Тянулись они плохо, табак отсырел, да и вообще ростовская «Наша марка» не нравилась ему, но других не было. Он простоял в тамбуре больше часа, пока проводница не обругала его за окурки и пепел и не прогнала в вагон. «Надо собираться», — подумал он.

Соседи смотрели в окно, а когда он вошел, с благожелательным интересом оглядели: долго не был, не из ресторана ли?

— Сдам-ка постель пока, — сказал Вадим. — Скоро я дома.

— Хорошо, — закивала Фатма, — Мама ждет, да?

— Ждет, — кивнул Вадим. — Все жданки поела.

Собираться, собственно, было просто: сдать постель, бросить в «дипломат» журнал да электробритву. Непроизвольно он растягивал процедуру: аккуратно сворачивал наволочки, простыни... Вадим сам не знал, чего больше хочет: чтобы время скорей пролетело или чтоб вокзал Куйбышева не показывался как можно дольше.

Отнеся постель и взяв у проводницы билет, он все-таки снова выскочил в тамбур и выкурил две сигареты. После

Новокуйбышевскá прошел в купе и распрощался с соседями.

— Успеха тебе в работе, — пожелал Усман, обеими ладонями пожимая руку Вадиму. — Чтобы люди всегда тебе спасибо говорили...

«Мне они скажут», — усмехнулся про себя Вадим.

— Папа, смотри, опять Волга! — крикнул мальчик.

— Это не Волга, это речка Самара, — сказал Вадим. — Ну, еще раз: счастливо вам доехать!

Лица Фатьмы и Усмана расплылись, глаза стали щелками. Сейчас Вадиму даже жаль было расставаться с добродушными и бесхитростными попутчиками. С ними было легко, в поезде он отдыхал. До самого моста.

— Береги нервишки, мамаша, — кинул он на прощанье проводнице. — Пригодятся еще... На других курык...

И сразу вспомнился Курок, и опять защемило под ложечкой. На перрон Сорокин сошел, едва сдерживаясь, чтобы не озиаться. Этого ему не хватало! Он старался взять себя в руки, однако ощущение, что его на вокзале ждут, не проходило. Да ведь не могут ждать! Чушь!

Вадим вышел через туннель на привокзальную площадь. На стоянке такси изогнулся хвост: видно, московский опоздал на несколько часов и пришел только что. Дело шло к пяти, жара спала. Но тащиться троллейбусом в микрорайон не хотелось. Конечно, можно было бы пешком дойти до своего дома, умыться, переодеться и потом уже отправиться к Шефу. Взять такси или левака на Самарской — пара пустяков. Но инструкция была жесткой: посылку отвезить немедленно. Нарушать ее было нельзя: о тебе забудут. Или того хуже: не забудут. А иметь дело с Курком, помнящим о тебе, не приведи бог.

Вадим сунул в рот сигарету, вытащил из кармана тугих джинсов зажигалку, закурил. Нет, решил он, на привокзальной площади такси не возьмешь. Надо идти к автовокзалу...

Стараясь не слишком размахивать «дипломатом», где лежала посылка, он пошел в сторону универмага «Самара». Вскоре ему перестало чудиться, что за ним следят, и вагонные страхи уже казались смешными. Чем дальше он уходил от вокзала, тем легче становилось на душе. Он сумел-таки отогнать мысли, связанные с Курком, Шефом, поездкой в Ростов, и с удовольствием думал о том, как сегодня вечером заглянет к Валентине. И пусть она

хмурится, пусть говорит, чтоб позлить, о своем замухрыстом солдате... Все равно никуда Валюхе от судьбы не деться — Вадим Сорокин не из тех, кто останавливается на полпути. Он ее любит — это и важно. А что она... Ничего, полюбит и она...

Такси он поймал, не дойдя квартала до автовокзала. Плюхнувшись на заднее сиденье, сказал адрес и откинулся на продавленную спинку. Полузакрыв глаза, Вадим не шевельнулся почти до самого места. Когда машина свернула на Стара-Загору, он повернул голову, присматриваясь к телефонным будкам: знал, что из десяти автоматов в городе работают от силы три-четыре. Заметил двух девушек в кабине.

— Здесь!

Щедро расплатился — таксист даже присвистнул, однако не поблагодарил: видать, пассажир показался ему дешевым пижоном.

— Девочки, ваши две копейки кончились! — Вадим постучал монеткой по будке. Оттуда послышалось хихиканье, фырканье, и через несколько секунд, смерив красивого загорелого парня взглядом, девицы прощелкали каблучками мимо него. Он вошел в будку, набрал номер. Длинные гудки — необычно громкие — доносились из трубки. Он терпеливо ждал. И не зря: в трубке послышался шорох и затем голос:

— Слушаю.

— Шеф? Это я, Вадим. Приехал. Все олл райт.

— Хорошо. Где ты сейчас? У «Шипки»?

— Кварталом дальше. К вам можно?

— Жду. Ты прямо с поезда? Или домой заходил?

— Что вы, Шеф! Я договор помню.

— Прекрасно. Жду.

Вадим повесил трубку, подхватил «дипломат». Слава богу, через полчаса он сбросит с себя этот груз. Удачно, что Шеф оказался дома.

...Через десять минут он уже входил в подъезд двенадцатизатжки. Лифт поднял его на пятый этаж. Вадим был доволен: ни в подъезде, ни в лифте никто его не видел. Ни души не было и на площадке.

Мелодично отозвался дверной звонок — словно кто-то взял аккорд на пианино. За дверью слышались шаги.

— Проходи, Вадим.

Шеф был в махровом голубом халате, темные волосы блестели то ли от бриолина, то ли просто после ванны.

На смуглом лице — следы крема. Вадим Сорокин вразвешенно прошел в комнату и, не ожидая приглашения, опустился в зашпигованное под ним кожаное кресло. Он знал, что Шеф не любит здороваться и не терпит излишней болтовни и сантиментов.

— Рассказывай, — лаконично сказал он, усаживаясь напротив Вадима в такое же пухлое кресло, будто сшитое из желтых боксерских перчаток. Шикарная обстановка этой квартирки всякий раз подавляла Вадима. Черт его знает, где он добывает такое? За простые деньги не купишь, а за границу Шеф сроду не ездил. Сам говорил.

— А что рассказывать? — Сорокин устало скривил губы. — Никаких ЧП, все как по нотам. Один раз только... Хлебнуть есть у вас чего? — Он поискал глазами. — Во рту сохнет.

— Что «один раз»? — резко переспросил Шеф, не обратив никакого внимания на просьбу. — Договаривай!

— На выезде из Воронежа «крючок» остановил. Доверенность нюхал-нюхал, я уж подумал, что сыпанулись с документиком.

— Нет, все чисто, студент. — Шеф встал, подошел к бару, открыл. Разноцветные лампочки осветили батарею бутылок. — Коньячку?

— Ага. И минеральной, если есть.

— Для тебя все есть. Занимайся, я сейчас.

Проводив взглядом Шефа, вышедшего в соседнюю комнату, Сорокин налил полфужера КВВК, отхлебнул прямо из бутылки «боржоми». Хорошо! Помог бы Шеф раздобыть к свадьбе такую стенку. Арабская, кажется... Спросить?

Нет, как ни развязно он вел себя сейчас, ни задавать вопросы Шефу, ни просить его о чем-либо не стоит. Обойдемся и без арабских стенок. И без ковров. И без диковинных статуэток.

Бесшумно отворилась дверь. В руках у Шефа, мускулистых и тонких, был узкий целлофановый пакет. Вадим положил на колени «дипломат», щелкнул замками. Достал из-под белишшка точно такой же пакет, но более толстый и плотно перевязанный тесьмой.

— Проверять, надеюсь, не надо? — негромко спросил Шеф, беря со стола «посылку».

Вадим пожал плечами: как угодно, он-то не вскрывал. Шеф оглядел узлы и протянул свой пакет Сорокину.

— Ты можешь тоже не трудиться считать. Здесь, как всегда.

— Тысяча?

— Я сказал: как всегда.

Они помолчали.

— Тебе придется еще неделю подежурить.

— Почему же мне? А Курок? — сердито вздернул подбородок Вадим.

— Ну, значит, надо тебе. Пей, сегодня ты свободен.

— Хоть за сегодня спасибо, — буркнул Вадим, наливая еще полфужера. И уже мирно: — Подежурю, раз надо. Устал я маленько.

— Да, поработал ты изрядно, — Шеф кивнул и изобразил нечто вроде улыбки. Она очень не шла к его узкому лицу, особенно к глазам, запавшим, внимательным, всегда сосредоточенным.

— Значит, все тихо, — сказал Вадим, чтобы хоть что-то еще сказать. В присутствии Шефа он чувствовал себя стесненно, потому что не представлял, о чем с ним можно говорить. Кроме дела, конечно. Но дело было уже позади.

— Нервничаешь?

— Было, — признался Вадим неожиданно для себя. — Но прошло. Так я пойду, пожалуй. — Он открыл «дипломат» и бросил в него пакет.

— Иди. Погуляй. Предупреждать тебя ни о чем не буду, сам все знаешь. Впрочем, ты у нас не загульный, тем и дорог.

Вадим поднялся, бросил взгляд на коньяк, но больше пить не стал: в голове начинало шуметь, а расклеиваться не хотелось.

— Ну, бывайте, Шеф.

— Будь здоров, студент.

Войдя в лифт и нажав кнопку, Сорокин почувствовал, что усталость вдруг удесятирилась — придавила к стене, подгибала ноги. «Все равно зайду к Валентине», — решил он.

...Через полчаса, купив в «Гастрономе» бутылку коньяку, к сожалению, трехзвездочного азербайджанского — другого не было — он входил во двор недавно покрашенного, а потому красивого с фасада, но совсем ветхого изнутри каменного дома на Некрасовской улице. Поднявшись на второй этаж по лестнице, пропахшей кошками, щами и лежалым тряпьем, Вадим позвонил в квартиру номер четыре. От волнения он нажал на кнопку три раза,

хоть против фамилии Валентины было ясно написано: «2 зв.». Теперь выйдет соседка. Но перезванивать было поздно, пес с ней!

Щелкнул замок, приоткрылась дверь — на длину цепочки.

— Кто там?

Вот это да! Валентина! Наверное, была в коридоре.

— Валюша, это Дима. Открой!

— Пьяный? — сурово спросила девушка, приглядываясь через щель.

— Ей-ей, самую капельку... Сухого. Я, понимаешь...

— Уходи!

— Да я на минутку, честное слово.

— Убирайся к черту! — со злостью, хоть и тихо, произнесла Валя и потянула дверь. Но Вадим не пускал.

— Я тебе одну штуку хочу подарить...

— Уходи, говорю! Иначе никогда на порог...

— Валечка, вы с кем это? Кажется, ко мне? — послышался из глубины коридора гундосый голос пенсионерки Софьи Михайловны, с которой у Вадима были давние счеты.

— Да нет, ошиблись квартирой, — отозвалась Валя и захлопнула дверь.

— Валя!!! — крикнул в отчаянии.

Он услышал, как она отошла от двери, и протянул было руку, чтобы звонить снова и снова, но внизу хлопнула дверь. Вадим сразу отрезвел.

«Со мной деньги, — сказал он себе. — Только без шума, брат».

Со злостью плюнув на дверь, он скатился с лестницы мимо боязливо прижавшейся к перилам женщины и выскочил на улицу. Начинало смеркаться. Домой идти не хотелось, но и шляться с тысячей по городу было неосторожно. А бутылка коньяка в «дипломате»? Ее надо было непременно выпить. С кем?!

«Вот она, жизнь моя проклятая, разнесчастная, — подумал он с горечью. — И выпить стало не с кем, и открыться некому».

А Витька?

Конечно, к Витьке, к кому еще! Он уже пришел с завода, только бы куда не умелся.

Вадим довольно скоро поймал левака, сунул трояк:

— В десятый микрорайон!

Еще не выйдя из машины, увидел свет в квартире

Витьки, и отлегло. Легко и быстро зашагал Вадим Сорокин к знакомому подъезду. Из дома-близнеца напротив неслась музыка. На балконе шестого этажа выкомаривали два паренька, колонка магнитофона была тоже вынесена наружу: слушайте все. «Вот кому я нужен с бутылкой-то», — усмехнулся Вадим.

2

Он ошибался: и не нужен он был вовсе в компании на шестом этаже, ни он сам не нужен, ни его коньяк. Бутылок с водкой и портвейном на столе было, как выразился хозяин квартиры Леша Гусев, навалом. И народ был здесь сугубо свой — не старше восемнадцати, не моложе пятнадцати. Закадычные друзья детства по поселку Кузнецова, где жил Лешка, пока их квартал не снесли, и новые приятели из микрорайона. Из ГПТУ, где он учился, на свой банкет он пригласил только двух девчонок, Таню и Вику, живших тоже неподалеку. Их он позвал для компании, чтоб друзьям было приятно. И все же девиц было меньше — только пять, а парней семь. Поскольку же Надька из соседнего дома считалась «его» девочкой — ради нее он, собственно, и устроил пир, — то дефицит подруг мог разжечь соперничество и вызвать обострения, то есть драку. Этого Леша опасался, потому что уже был однажды свидетелем такого конфликта. Правда, дело тогда было за Волгой.

Общество собралось однородное, хотя изо всей дюжины двое уже работали, а остальные учились — кто в школе, кто в ГПТУ. Согласно моде, ребята были в цветных рубашках с подвернутыми манжетами и в обтягивающих зад штанах — клеш начинался от бедра. Кое у кого под распахнутым воротом проглядывали цепочки, а у Серого — он второй год работал на подшивниковом — сверкал выточенный на станке крестик. Девушки тоже нарядились как надо: на них были пронзительных расцветок кофточки, платформы... Все как одна были крашеные: три — в соломенных блондинок, две — в рыжий цвет. И маникюр был у всех, правда, не слишком старательный, кое-где облупившийся, но зато яркий.

Лешка никак не объяснил приятелям, по какому поводу устроил нынче веселье. Парням говорил просто: «Приходи, чувихи клевые будут, понял? И пару пузырьков раздадим, побалдеем. Короче, будет все путем». А о подроб-

ностях его никто и не расспрашивал. Он купил шесть бутылок водки и четыре красного, а закусить принес из соседней столовой, где работала Клавдиванна, материна приятельница. В кастрюлю Леша взял рубленых бифштеков с пюре, а в другую — винегрет. Помидорчики, лук, хлеб были дома, а чего еще желать? Не пожрать, а чтобы веселиться собирал Лешка Гусев к себе народ.

Веселье получилось сумбурное: слишком быстро напились, закуска не успела нейтрализовать спиртное, да и мало закусывали Лешкины гости. Сразу же включили музыку, и «Бони М» заставили содрогнуться стены двухкомнатной стандартной квартиры. И, разумеется, соседних квартир. Но до двадцати трех ноль-ноль Лешка «имел право», пусть только сунутся...

Гусев за столом вел себя по-хозяйски: покрикивал, чтоб наливали, подсовывал Надьке винегрет, то и дело бегал к магнитофону, убавлял и прибавлял звук. Однако когда все вылезли из-за стола и стали танцевать, он уже не в силах был овладеть ситуацией. На него просто перестали обращать внимание, к чему, в общем-то, ему было не привыкать. Сегодняшнее пренебрежение задевало его. В конце-то концов, «бухали» на его деньги. А главное — Надька. Она гордилась своей новой юбкой — по моде удлиненной и узкой, в которой, если б не разрез спереди, не то что танцевать, но ступить было бы трудно. И была польщена вниманием, какое ей оказывал Серый, самый старший в этой компании. Она вертелась вокруг него, будто пристегнутая, а тот показывал класс: присев и откинув тело назад, раскачивался под музыку в такт и не в такт. Его длинное лицо было серьезным, словно делал Серый какую-то трудную работу, из-под короткой челки на лоб стекали струйки пота, волосы, слипшиеся в сосульки, били по щекам и шее.

Лешка танцевал скверно — почему-то локти его двигались беспорядочно, вне связи с ногами, и даже водка не придавала ему уверенности. Он сунулся было в гущу прыгающих и раскачивающихся друзей, но почти тотчас был отторгнут и оказался прижатым к столу. Тогда он взял чей-то стакан, налил на три четверти водки и, содрогаясь, выпил. Хотел всю, но получилось глотка три, потому что закашлялся.

— Ну, Лешка, молоток, — крикнул Серый, продолжая вихляться.

— Пошел ты в натуре... — выдавил Лешка и сел на

стул возле Вики из ГПТУ. То ли устала она, то ли обидело ее что-то, но девушка сидела боком, упершись подбородком в спинку стула, и исподлобья смотрела на танцующих. Они с Таней были подружки не разлей вода, одевались всегда одинаково и выкрасились в один цвет, такой розоватый. Но до чего же были они не похожи одна на другую! Гибкая, шустрая, плоская, как доска, похохатывающая Танька и плотная губастенькая Вика, тугодумка, но старательная, почти всегда спокойная, но при случае способная так отшить, что потом обходить ее будешь за квартал.

Никогда раньше Леша не симпатизировал этой девчонке, а сейчас вдруг — обида и водка, что ли, ударили — показалась она ему вполне стоящей подругой. «Деловая такая, — думал он, стараясь держать голову прямо, — чухиха что надо... Ну ее, Надьку...» Довольно долго они в упор смотрели на танцующих.

— А ты чего? — спросил наконец Леша.

— Чего?

— Иди, танцуй, — мотнул головой Леша, и ему вдруг стало ужасно горько, что она вот возьмет и пойдет.

— А ну их...

Она так решительно вскинула подбородок, что маленькое лезвие на цепочке легло поперек шеи.

— Смотри обрежешься, — показал на него Леша.

— Не... Не настоящее, — отмахнулась девушка.

— Мани... мани... мани... — тоненько тянула Танька вместе с «АББой». Витька Иленкин, подражая Серому, тоже попробовал покачаться в танце с присядом, но упал под хохот и визг на ноги Надьке.

— Ты, козел! — крикнул Серый. — Нос оторву!

— Сам он козел, — сказала сердито Вика. — И Надька твоя козлиха.

— Точно, — с готовностью подхватил Лешка и хотел было ударить кулаком по спинке стула, но промахнулся, чуть не свалился сам. — Хочешь, с тобой ходить буду?

— В училище-то? — захохотала Вика.

— Н-нет... — Лешка засопел. — В кино... На танцы... Везде...

— Давай, — просто сказала Вика. — Зря ты гулянку-то устроил. Ишь, денег сколько гробанул. На мороженое небось не осталось.

— Не бойсь, — пьяно ухмыльнулся Леша. — Я пере-

вод, поняла, получил. Хочешь, я тебе подарю чегой-то? Получше твоей бритвочки.

— Покажи! — В маленьких зрачках зажегся огонек.

Он с трудом встал, выпрямился во весь свой незавидный рост. Веснушчатое круглое его лицо очень хотело казаться важным, может, даже надменным, но ничего такого не выходило. Губы расползались, глаза были сонными, мутными.

— Пойдем! — Он взял ее за руку, упругую — не ущипнешь. — Там, в материнной комнате. Мамаша на дежурстве... Она в больнице...

— Сдурел! — рассердилась Вика. — Материны вещи даришь?

— Мои! В натуре мои! — Лешка ударил себя кулаком в грудь. — Идем!

Они встали из-за стола и, держась за руки, у стенок обошли танцующих. Комнаты были не смежными, надо было идти через коридор. А там стояли двое — Колян и Славик. Касаясь друг друга головами, что-то горячо выясняли. Когда Леша толкнул дверь в комнату, они синхронно засмеялись.

— Во дает Леха! — крикнул Колян. — Поволок!..

Славик тоже бормотнул что-то неразборчивое, но, видно, остроумное, потому что снова захохотал. Но Леша с Викой уже зашли в заботливо прибранную комнату, где на окнах и кровати было много тюля и блестели разноцветные стаканы в серванте. Леша бухнулся на колени и достал из нижнего ящика серванта картонный ящичек с надписью «Смена». Там был фотоаппарат, под ним картонка, а под ней... Вика охнула: на дне ящичка сверкало несколько перстней с оргстекляшкой вместо камня, но зато внутри были выпуклые разноцветные узоры — чудо! Вика видела такие перстни в магазине, стояли они никак не меньше шести рублей каждый.

— Выбирай, — Лешка гордо потрянул коробкой. — Хоть два.

— Вот эти, — быстро сказала Вика... — Нет, этот и этот...

Пока она натягивала перстеньки на коротенькие, с пурпурными ноготками пальцы, Леша обнял ее за плечи и попытался поцеловать.

— Спрячь коробку-то! — прикрикнула Вика. — Идем лучше танцевать!

И, взяв безвольного, вяло сопротивляющегося Лешку

за талию, она потащила его туда, где оглушительно выкрикивала про три свои желания Алла Пугачева и где, не обращая внимания на музыку, беззвучно пел под гитару жалостливую песню Серый. Только Надька, видать, понимала ее слова: она сидела рядом и смотрела, как он поет. Должно быть, читала по губам.

...Уходя на банкет к Лешке Гусеву, Вика второпях забыла ключи, и теперь пришлось трезвонить на всю квартиру — мать спала крепко. Вику подташнивало, голова кружилась, от сигарет, которые она сегодня попробовала впервые в жизни, во рту было гадостно. Когда за дверью раздалось шлепанье, Вика хотела было спрятать перстни — совсем забыла о них, — но самолюбие вдруг ворохнулось в девушке. Она насупилась и закусила губу: нечего трусить, подумаешь, пусть только попробует...

Что именно «попробует» мать и как она, Вика, на это будет реагировать, додумать времени не хватило. Щелкнул замок, дверь распахнулась. На пороге в незастегнутом халатике, который был куда короче, чем ночная рубашка, стояла мать Вики, заспанная и злая как черт. Вика знала: если мать поджала губы, значит, собралась скандалить. Сейчас рта видно не было вовсе — так, ниточка.

— Явилась не запылилась, — сказала она ядовито. — Проходи, проходи, мерзавка.

— Ладно тебе, — буркнула Вика и сразу же пожалела об этом. Надо было, конечно, смолчать и виновато потупиться. Мать бы и отошла.

— Ты у меня поладнаешь, — многозначительно сказала мать. — Иди!

Следом за дочерью она прошла в комнату. Они жили в ней вдвоем — своего отца Вика знала только по горьким репликам матери.

— Рассказывай! — строго приказала мать, и вдруг ее тонкий нос наморщился. — Ты это что... пьяная?

Она быстро наклонилась к лицу девушки, еще раз принюхалась.

— Ах ты... — Ей слов не хватало, чтоб выразить негодование, и она больно стиснула Викины плечи. — Господи, дожила я... Пьяная дочь по ночам шляется... Господи!..

— На дне рождения... У девочки одной, — забормотала Вика, напуганная иступленным видом матери. — Шампанского немножко... Из училища нашего...

— А это откуда?!

Эх, надо было Вике спрятать перстни!

— Это так... — смешалась Вика. — Мальчик один знакомый... У него их много, вот он и... Ну чего ты возникаешь, не украла же я!..

— Мальчик?! — пронзительно закричала мать и без замаха влепила дочери сочную пощечину. — Взял и подарил? За так?!

Зинаида Ивановна давно уже пальцем не трогала дочь: понимала, что нельзя, взрослая. Сейчас не сдержалась и, мучаясь неправотой, распаляла себя.

— Гулящая девка! — кричала она, хватаясь то за голову, то за грудь. — Признавайся во всем, мерзавка! Выгоню!

Вика молча плакала. Такой был замечательный вечер — и вот, пожалуйста... Слова матери не оскорбляли ее — мало ли что она выдает, когда разозлится. Всякое слышала Вика. Но пощечина горела на щеке... Бить ее, Вику?! Она еле сдерживалась, чтоб не зарыдать во весь голос.

— Чтой-то вы, Зинаида Ивановна? Успокойтесь, — раздался неожиданно голос соседки. Нонна Константиновна в халате до полу, в бигуди, с блестящими от крема щеками просунулась в дверь.

— Смотрите, Нонна Константиновна, любуйтесь! — истерично воскликнула Зинаида Ивановна. — По ночам водку пьет... С мужиками... Подарки от них получает, мерзавка! Охо-хо-о-о...

Она зарыдала, схватила себя за горло и, попятясь, упала на диван-кровать. Вика сквозь слезы с ненавистью смотрела на нее.

— Водички, водички скорей, — всплеснула руками соседка, но, видя, что девушка не шелохнулась, сама бросилась на кухню. Дав Викиной матери воды, она с осуждением покачала головой.

— От мужчин подарки... В вашем возрасте... Знаете...

— Да какие мужчины?! — грубо оборвала Вика. — Мальчик наш, Леша, из училища... У него день рождения был, вот!..

Глупо она соврала, однако.

— Так это именинникам дарят. — Морщинки хитровато лучились у глаз соседки. — Странно как-то у вас...

— Ему не нужны они... Эти колечки, — буркнула Вика, глотая слезы. — Он и другим девочкам дарил... Не только мне, — опять соврала зачем-то Вика.

— Он что, сам их делает? — сощурилась Нонна Константиновна.

Всего год назад ушла она на пенсию, проработав секретарем судебного заседания без малого тридцать лет. Бдительности у Нонны Константиновны было больше чем достаточно. Энергии тоже.

— Отстаньте вы от меня, не знаю я ничего! — не выдержала-таки Вика, заревела. Бросилась рядом с матерью на диван-кровать, забилась в плаче.

— Дети, дети.. — вздохнула Нонна Константиновна и покачала головой. Но, видя, что мать обняла дочь и что теперь они плачут вместе, еще раз вздохнула и вышла, плотно прикрыв дверь. Она не придавала особого значения материнской драме: подумаешь, дочь вернулась поздно с вечеринки!.. Она даже посочувствовала Вике. Однако это не помешало ей наутро сообщить участковому инспектору, старшему лейтенанту милиции Жиганову, о загадочных перстнях, которые раздаривает подружкам какой-то гэпэтэушник Леша.

3

— Привет близнецам!

Оба дружно оглянулись: это майор Красилов окликнул их, проходя с подносом мимо стола. Покивал, осклабился.

— Остряк, — сказал Саша неодобрительно.

— Очинно хочет им стать, — уточнил Володя.

Они опять уткнулись в тарелки. Редкий случай, когда Зуенков и Бибишев обедают вместе. Друзья-то они давнишние, да вот служба у них такая, что вместе побыть почти не удастся, хотя их столы в одном кабинете. Говорят, что инспектора угрозыска ноги кормят. Грубовато, конечно, но точно.

— Володь, ты в галантерейных делах смыслишь? — вдруг спросил Зуенков, отодвигая пустую тарелку.

— В галантерейном обхождении, что ли?

— В этом ты смыслишь, я знаю, — хмыкнул Саша. — Я имею в виду бижутерию и прочее.

— А что?

— Какие-то выпуклые перстни. Стекло с объемными цветами. Пытаюсь представить — и не могу.

Володя сдвинул смоляные брови, тронул ус, подумал.

— Наверное, что-то вроде рукояток переключателя

скоростей у «Жигулей». Знаешь, пижоны любят такое... Оргстекло изнутри выжигают. Наде хочешь подарить?

Саша засмеялся, покрутил головой.

— Ну, ты даешь... Наде.. Из Советского райотдела сигнал. Выплыли какие-то перстни у парня из ГПТУ.

— Ага, значит, лед тронулся?

Зуенков пожал плечами. Подцепил на вилку кусок котлеты, задумчиво поглядел на нее, вздохнул и только тогда ответил:

— Шут его знает. В описи по последнему ларьку, на Стара-Загоре, какие-то стеклянные перстни, кажется, есть. Еще не сверялся. Вполне возможно, что эти как раз оттуда. Вечерком поеду в Советский...

— А за конспектами когда? Договорились же.

— Давай завтра. Время у нас есть.

Оба они учились заочно. Разумеется, на юристов. Володя — на курс впереди, хотя и был шестью годами моложе друга и на погонах имел звездочкой меньше. Саше недавно стукнуло тридцать, он давно уже был папой. У Володи семья была пока в перспективе.

— Что-то аппетит у меня сегодня не тот, — сказал Саша.

— Поразительно, — с сочувствием отозвался Бибишев. — Я, кстати, тоже в Советский район собираюсь. Только завтра.

— Ты Жиганова, участкового, знаешь?

— Толковый мужик. Ты к нему сегодня? Я этот микрорайон помню. В прошлом году...

— Как-нибудь расскажешь. — Зуенков встал. — Поеду с продавщицами поговорю. Есть вроде бы еще след.

— Счастливо, — кивнул Володя. — Привет супруге.

— И твоей будущей — взаимно.

Володя проводил его взглядом. Он считал и не скрывал этого, что ему крупно повезло в жизни, поскольку выпало работать рядом с Александром Зуенковым, старшим инспектором уголовного розыска по особо важным делам. Умный, внимательный к мелочам, цепкий, решительный — и еще множеством эпитетов мог бы украсить Бибишев характеристику своего друга, если бы, конечно, кто-нибудь ее у него попросил. Пока, правда, не просили: несмотря на несколько серьезных дел, раскрытых старшим лейтенантом Бибишевым, он ходил в управлении хотя и не в «зеленых», но еще в «молодых». Впрочем, сама

внешность подчеркивала молодость Володи: по-юношески стройная фигура, всегда румяное лицо, «по-песнярски» спущенные вниз и мягкие, словно не успевшие заматереть, усы. Рядом с рослым, широкоплечим и широколицым Зуенковым он и вправду выглядел юношей.

Неспешно дообедав, Бибишев отнес поднос с посудой на мойку, перекинулся парой фраз с Галиной Павловной из отдела политико-воспитательной работы и поднялся к себе на четвертый этаж. Зуенкова в кабинете не было: уже уехал. Володя протянул руку к телефону, но снять трубку не успел. Открылась дверь, и в кабинет заглянула блондинистая девушка.

— Бибишев, вы разве здесь? А я звоню-звоню. Вас к начальнику, срочно.

— Иду.

4

Битых два часа выпрашивал Александр Зуенков у продавщиц «Гастронома» и магазина «Овощи—фрукты» приметы человека, предлагавшего им по дешевке транзисторные приемнички, капроновые косынки и разную бижутерию. Все пять продавщиц запомнили, в чем он был одет: темно-серые, в матрацную полоску штаны, сиреневая тенниска с темной каемкой по вороту. В руке большой портфель, черный, пузатый, расширяющийся книзу. И вещицы, которые он приносил, запомнились. А вот со словесным портретом было худо. Одним он показался высоким и лет эдак под тридцать, другие же утверждали, что человек с портфелем совсем молодой, среднего роста. Расхождения были и в другом — цвете волос и глаз, овале лица, форме губ и носа. Впору было подумать, что в магазинах были разные люди с портфелем, но слишком диким было бы предположение, что их одежда могла совпасть до мелочей.

Впрочем, Саше не впервой было разбираться с подобной путаницей при составлении словесного портрета. В криминалистике существует строгая система описания анатомических данных внешности человека. Скажем, при описании носа принимается в расчет множество параметров. Учитываются его общий размер и ширина между крыльями, глубина переносицы и контур спинки, контур выреза ноздрей, ширина кончика и его форма, другие особенности... А что о носе могли сказать продавщицы? «Вроде бы курносенький» или «нормальный такой, не-

большой». Глаза никто толком не рассмотрел: видно, внимание было поглощено тем, что он выкладывал из портфеля. Так что обличье преступника, в течение последних полутора месяцев грабившего галантерейные ларьки, представлялось капитану милиции Зуенкову весьма приблизительно. Конечно, мог бы помочь фоторобот, но его Саша решил отложить на потом. Время было слишком дорого. Он был уверен, что грабитель вот-вот заглянет в один из магазинов, где уже побывал и где продавщицы обещали «подумать». К тому же Саша надеялся на паренька, о котором ему сообщили сегодня — того, что раздаивал перстни. Вполне возможно, это и есть неуловимый грабитель, чем черт не шутит. Или его сообщник, что еще вероятней.

Обговорив со следователем и инспектором уголовного розыска из Советского райотдела дальнейшие розыскные мероприятия, Зуенков нашел участкового Жиганова и вместе с ним отправился на квартиру, где проживала с матерью Вика Зимовец.

Дверь отворила Зинаида Ивановна. Видимо, она сама только что пришла — в прихожей стояла хозяйственная сумка, из которой выглядывали зеленые хвосты лука.

— Вам кого? — неприветливо спросила она, но, увидев за спиной могучего молодого человека в белой рубашке и джинсах участкового в форме, смешалась. — Ой, извиняюсь, проходите... проходите...

Они двинулись за ней в комнату. Сумка с луком так и осталась у порога — Зинаиде Ивановне было не до нее. Вика в линялой футболке и закатанных до колена спортивных штанах протирала полы. Когда на пороге появился участковый, она бросила тряпку и встала. Ее размякшееся лицо на глазах бледнело.

— Присаживайтесь, — дрогнувшим голосом сказала Зинаида Ивановна и метнула на дочь испуганный взгляд. «Боже ты мой, — говорил он, — неужели тебя втянули в историю?»

— Мы на минуточку, — солидно и строго сказал Жиганов, — уточнить надо у вашей дочери. Обстоятельства кой-какие.

«Однако торопыга ты, Жиганов», — подумал Саша и решительно перехватил инициативу.

— Вы не беспокойтесь, — сказал он доброжелательно и засмеялся. — Ничего ваша дочь не натворила, не волнуйтесь.

— Я и не волнуюсь, — ответила Зинаида Ивановна, тяжело дыша. — Я знаю, что она не позволит... Я сейчас...

Она подхватила ведро и тряпку и ринулась в коридор. Вика стояла, не шелохнувшись и не поднимая глаз. Упрямая складочка легла поперек крутого лба. «Девочка с характером», — решил Саша, усаживаясь на стул. Сел и участковый. Через секунду появилась и мать.

— Вы не возражаете, я задам дочке несколько вопросов? — вежливо, но уже более официально обратился к ней Саша.

Та даже руками замахала.

— Задавайте, ради бога, сколько хотите!.. Все говори, всю правду! — прикрикнула она на дочь.

— Не возникай! — негромко отпарировала Вика. Она уже несколько опомнилась от испуга первых минут и стояла свободнее. И глаза уже не прятала.

— Ты сядь. Вот хотя бы на диван, — подал голос Жиганов.

— Я постою.

— Сядь, говорю! — заволновалась Зинаида Ивановна, но Саша жестом остановил ее: пускай стоит, не все ли равно?

— Скажи, Вика, ты где была вчера вечером?

Она взглянула прямо в зрачки Зуенкову.

— А что?

— Ничего. — Саша усмехнулся. — Так где?

— На дне рождения была, у мальчика из ихнего училища, у Леши, — зачастила мать, и снова Зуенков остановил ее:

— Пусть дочка отвечает, договорились?

Женщина вздохнула и отвернулась.

— Значит, была ты у Леши. А фамилия?

— Гусев, — еле слышно сказала Вика.

— Живет далеко?

— Через два дома.

— И много вас собралось? Взрослые были?

— Двенадцать... Или, может, одиннадцать, я точно не помню.

Похоже, ей труднее всего было сказать первое слово. Теперь же Вика отвечала все раскованнее.

— Так были взрослые или нет?

— Не было. Мать его дежурила. Она по суткам, санитаркой...

— Что же ты подарила ему на день рождения? — спросил будто бы с живым интересом Зуенков.

Вика молчала. Щеки ее порозовели.

— Ничего... — буркнула она наконец.

— А он тебе? — быстро произнес Саша, не отводя взгляда от лица девушки.

— Так я и знала! — всхлипнула Зинаида Ивановна. — Допрыгалась.

— Да замолчи ты! — огрызнулась Вика. — Ну и что? Два колечка подарил со стекляшками, ну и что?! Не имеет права, да? И никакой не день рождения, а просто так... Вечер отдыха взял да устроил дома, что плохого-то?

— А кто сказал — плохое? — удивился Зуенков. — Отчего не повеселиться, если компания хорошая.

— Только вот напиваться в ваши годы стыдно! — не выдержал долгого молчания Жиганов. — Ишь, вечер отдыха! Пьянка была... с нарушениями общественного порядка. Они ведь из квартиры когда вышли...

Зуенков с досадой дослушал его, покивал и мягко попросил Вика:

— Покажи перстеньки, пожалуйста.

— У нее, — мотнула головой Вика.

— Вот они, вот!

Зинаида Ивановна, видно, только и ждала этого: завернутые в бумагу перстни были у нее в кулаке.

Зуенков и Жиганов взяли по перстню. «Безвкусица какая, — подумал Саша. — Должно быть, с Кавказа, поделки шустрой артели...»

— А что, красивая вещь, — задумчиво сказал Жиганов. — И верно, дорогая...

— Шесть рублей штука, — выпалила не без ехидства Вика.

— И много таких колечек ты видела у Леши? — спросил Зуенков.

— Восемь, — неохотно ответила девушка.

— Он еще кому-нибудь дарил?

— Нет. Даже не показывал.

— Ты уверена в этом, Вика?

— Да-а... — Она даже удивилась. — Он по секрету их мне подарил.

— А где взял, не спросила?

Она покачала головой.

— А зачем ему столько? Неужели не поинтересовалась?

Вика сердито мотнула подбородком, а Саша усмехнулся.

— Какая ты нелюбопытная. На редкость. Неужели не показалось тебе странным, что парнишка купил чуть не десяток перстней? Да к тому же одинаковых.

— Не показалось, — упрямо прикусив губу, сказала Вика.

— Вы как, скидывались на эту вечеринку? — чуть изменил Саша тему. — По трешнице? По пятерке?

— Лешка все покупал.

— Ишь, миллионер! Где он деньги-то брал? У родителей?

— Нет, нет, — быстро ответила Вика. — Он перевод получил. Материны Лешка не берет...

— От кого же перевод? Отец у него где?

Вика молчала, глядя в сторону.

— Гусев в местах заключения, — пояснил Жиганов, — второй год.

— Это он тебе так сказал — перевод? — настаивал инспектор.

— Да.

— А еще какие-нибудь вещицы у него были? Ну, га-лантерея, косынки?

— Нет.

В глазах у Вики блеснули слезы. Зуенков понял, что еще один вопрос, и девчонка заплачет.

— Ладно, кончим на этом.

Он встал. Поднялся и Жиганов.

— Вы о нашем разговоре не рассказывайте. Ни Леше, ни кому другому, договорились?

Вика, глотая слезы, кивнула.

— Тогда мы пойдем. Вы уж извините нас.

— Да чего там — извините! — обрадовалась Зинаида Ивановна. Она до смерти рада была, что дочь не замешана ни в чем дурном. — Я ей говорила уже, говорила: не смей брать подарки от кого попадя... Глупая она еще, сами видите...

— Перестаны! — крикнула Вика и разревелась. Прижав ладони к глазам, она выбежала из комнаты.

Зуенков вынул блокнот и принялся молча писать расписку на изъятые перстни.

Когда они уходили, Зинаида Ивановна, озираясь на кухню, откуда слышались сдавленные рыдания и всхлипывания, жалобно попросила:

— Вы уж, пожалуйста, не тревожьте девчонку. Возраст у нее такой, пятнадцать лет... Я и сама ей...

— Ни в чем она не виновата, успокойтесь, — добродушно сказал Саша. — Больше не придем.

— А подобные вечеринки надо пресекать! — со строгостью добавил Жиганов.

— За порог теперь не пущу! — с готовностью подхватила Зинаида Ивановна. — Она у меня теперь повеселится.

— Счастливо! — сказал ей Зуенков, закрывая дверь.

— Сейчас, как я понимаю, к Гусеву? — озабоченно спросил Жиганов, когда они вошли в лифт.

— Правильно понимаете, товарищ старший лейтенант! — весело отозвался Саша.

Но тон его голоса не соответствовал настроению инспектора. В сущности, визит к Вике ничего не дал. Или почти ничего.

5

Лешки Гусева дома не оказалось. Его мать, пухлая женщина с нездоровым, изжелта-серым цветом лица, предположила, что сын в соседнем подъезде, в 19-й квартире, где живут его приятели-близнецы Севка и Алик. Пока Жиганов ходил за Лешей, Александр Зуенков, не перебивая, слушал излияния Веры Петровны. От не слегка пахло спиртным, голос был с хрипотцой и звучал монотонно.

— Сами понимаете, безотцовщина есть безотцовщина, — говорила она, щуря и без того еле видные оплывшие глазки на инспектора. — А отец был на воле — еще хуже. Ну, пил он — это ладно, кто умеет пить, тот человеком будет и выпимши. А мой — чисто скорпиен становился, ей-ей, скандалист — ничем не угодишь. Только бы придраться — и в кулаки. Лешка, в пятом был он тогда, сбегал из дому, в Налейке с поезда сняли. И сбежишь! Бабье дело — терпеть, а парнишки, они сами гордые, не хотят сносить безобразия... Если вам рассказать, сколько я лично от него приняла...

Хриловатый говорок, как ни скорбны были слова, убаюкивал. Саша решил повернуть беседу в нужную ему сторону. Спросил:

— Не рано ли сынок ваш стал выпивать?

— Да разве он пьет? — протянула Вера Петровна. —

Его с полстакана мутит. Уж не знаю, как это он вчера... Товарищи его портют, а он им подражает, тоже, мол, большой... А сам ребенок еще.

— А деньги у ребенка откуда?

— Должно, заработал. Вроде чегой-то он мастерит... С электрой... электрики...

— Электроника? — подсказал Саша.

— Ага, вот-вот, электроника... Он так говорил. Наушники делает из поломанных телефонов. Ребята его просят, а он мастер, все умеет.

«М-да, электроника... — подумал Саша. — Недаром в городе столько исковерканных автоматов. А мамаша и рада — при деле, мастер...»

Резко тренькнул звонок. Вера Петровна засеменила в прихожую.

— А мы тебя здесь ждем! — раздалась ее хрипотца. — С товарищем... Ну, хоть застали тебя — и то ладно.

В дверях стоял паренек лет шестнадцати, худенький, но в маму круглолицый, с усыпанными веснушками щеками и длинными неухоженными волосами. Глаза его смотрели сонно, будто его не волновало присутствие в их квартире работников милиции.

— Здравствуй, Алеша, — сказал Зуенков, видя, что тот не собирается здороваться первым. — Дело к тебе есть, садись.

Леша так и не поздоровался. Сел на край стула.

— Поначалу уточним вот что... — Саша решил спрашивать напрямик, чтоб паренек не успел подготовиться. — Припомни, где ты был в прошедший вторник? Вечером и ночью?

Он заметил, как напрягся Леша и как почти сразу расслабился, словно бы с облегчением.

— Вторник, — повторил инспектор. — То есть три дня назад.

— А я помню? — буркнул Леша. — Дома, наверно.

— Припомни точно, это очень важно. И кто был с тобой?

Юноша задумался, и его глаза спрятались в щелках. Сейчас он был очень похож на мать.

— Думай, Лешка, — грозно сказала Вера Петровна. — Да во вторник я дома была! Ну! Валька же с заграницы...

— Ага, — оживился Леша, — у соседей мы гуляли, ихний сын приехал из Монголии... У них и были, я уснул еще...

— Спьянился, так и захрапел на диванчике, — радостно засмеялась мать. — Он у нас не пьет, я ж говорила вам.

— А потом?

— Еле уволокла. Да тут рядом, на нашей площадке соседи-то...

Жиганов многозначительно посмотрел на Зуенкова: проверим-де.

— Значит, всю ночь он провел дома, никуда не выходил? Так?

— Куда ему выходить было, — живо подхватила Вера Петровна. — Мутило, все стонал...

Леша безучастно молчал, но когда Зуенков достал из кармана бумажку с завернутыми в нее перстеньками, опять подобрался.

— Откуда у тебя это? — Саша развернул бумажку. Вера Петровна заморгала испуганно: вот те на!

— Купил... — нехотя выдавил Леша, глядя в пол.

— В магазине? В каком?

— Да на кой тебе это, Алексей? — изумилась мать.

— Не в магазине, — тихо ответил наконец Леша.

— У кого же?

— Не знаю. Мужик какой-то. Возле «Шипки».

— Никогда его не видел раньше?

Он покачал головой:

— Никогда.

— И много купил?

— Восемь штук.

— Вот дурины! — возмутилась Вера Петровна и хотела что-то добавить, но Жиганов строго сказал:

— Вы, мамаша, не мешайте. Помолчите маленько.

— Молчу, молчу...

«Хорошо, что парень, кажется, не врет», — подумал Саша.

— И что ты еще у него купил? Или, может, видел в руках?

— Только эти колечки. — Леша поднял глаза на инспектора. — По три рубля... А они в магазине по шесть. Я и купил.

— Перепродать хотел?

— Да вы что! — Леша мотнул головой. — Просто так... На пояс можно приделать... И вообще...

— У тебя что, деньги лишние?

— А я в спортлото выиграл, — быстро проговорил Леша. — Угадал четыре цифры на той неделе. Сто тридцать семь рублей. Че, нельзя?

— И матери не сказал! — ахнула Вера Петровна. — Ах ты, паршивец! Тут бьешься, бьешься, копейки считаешь.. — Она хотела еще много чего сказать, но под взглядом Зуенкова осеклась.

— Какой розыгрыш?

— Субботний... То есть, нет — двойной, который по шестьдесят копеек.

«Что-то бойко заговорил», — подумал Саша.

— А как же перевод? — спросил он как бы между прочим.

И снова Лешка внутренне сжался — даже Жиганов заметил.

— Какой еще перевод? — грубовато ответил он. — Не знаю ничего.

— Да откуда переводам-то... — фыркнула Вера Петровна и смолкла.

— Ты же ребятам говорил. Во время банкета своего.

— Пьяный был.

— Значит, треп?

— Не помню я. Пьяный был сильно.

— Хорошо, спортлото так спортлото. Теперь слушай внимательно и мотай на ус. Эти перстни... — Саша сделал многозначительную паузу. — Эти перстни украдены из магазина. Возможно, их украл тот самый мужчина, который тебе их продал по дешевке. Мы его, конечно, поймаем, это будь уверен. Но ты, Леша, поможешь нам сделать это побыстрее. Тебе же нет резона его от нас защищать, так ведь?

— На кой он мне... — буркнул Леша.

— Покрывать преступника может только его сообщник. Или дружок. Не думаю, чтоб ты ему помогал, хотя покупать краденое тоже нельзя, карается законом.

— Я не знал.

— Верю, что не знал. Давай-ка теперь вспоминать все об этом мужике. Какой он с виду, во что одет, кому еще продавал или предлагал.

Они побыли у Гусевых еще около сорока минут. Память у Лешки была более цепкой, чем у продавщиц, и он почти с удовольствием живописал торговца перстнями. Нашлась и особая примета — на левой руке не было большого пальца. Но, пожалуй, самым важным было сообще-

ние, что Леша видел «мужика» не только у кинотеатра «Шипка», но и на Революционной, у «Вымпела». И видел не далее как позавчера.

6

Владимир Бибишев провел в кабинете начальника управления уголовного розыска всего четверть часа, но задание, которое он получил, было далеко не простым. Сколько времени потребуется на его выполнение, трудно было предсказать даже приблизительно: угон автомобиля — преступление, которое, как правило, не оставляет следов. И если саму машину — опять же как правило — находят быстро, то угонщика отыскать — дело не простое. Даже если он оставил отпечатки пальцев. Статистика угрозыска говорит, что на один случай угона машины рецидивистом приходится десятки совершаемых из озорства, по пьянке, из глупого молодечества. Покатавшись час, два, от силы весь вечер, угонщик оставляет автомобиль где-нибудь в перелеске, на обочине — иногда нетронутым, иногда «раскуроченным»: без приемника, зеркала, стеклоочистителя. Почти всегда делали это молодые парни, иногда, впрочем, и подростки.

Однако на этот раз целая серия краж «Жигулей», происшедшая за последние полтора месяца в Октябрьском и Советском районах города, настораживала особенностью: ни одна машина не была брошена преступниками. Все исчезали бесследно. Предполагать можно было всякое: например, автомобиль могли утопить в реке, загнать в чащобу, спрятать в сарае. Но наиболее вероятной была версия о существовании одного или группы преступников, угонявших «Жигули» для продажи за пределами области. К этой мысли пришел Володя Бибишев, когда познакомился с материалами уголовных дел. В ее пользу говорил, правда, только факт бесследного исчезновения машин, потому что ни «почерк» преступника, ни сходные обстоятельства в делах обнаружить не удалось. Два автомобиля были украдены из гаражей, причем один замок был перепилен ножовкой, а ко второму был подобран ключ. Четыре машины были похищены из дворов — владельцы построить или купить гаражи еще не успели. И, наконец, одни «Жигули» пропали среди бела дня: их хозяин был на работе, а машина стояла под окнами его конторы. Сто-

яла, естественно, до поры до времени: возвращаться домой ее хозяину пришлось на троллейбусе.

Работники угрозыска и ГАИ Октябрьского и Советского райотделов искали украденные «Жигули» пока что без успеха. Но вот сегодня утром начальнику управления уголовного розыска УВД поступило донесение об угоне «Жигулей» в Ленинском районе. Тогда-то и решено было подключить к поискам Бибишева, который должен был обобщить материалы теперь уже многочисленных дел по угону автомобилей, скоординировать розыскную работу райотделов и руководить ею.

Побывав в Советском и Октябрьском райотделах милиции и получив приблизительное представление об обстоятельствах, при которых были украдены «Жигули», Бибишев отправился в Ленинский район. Он решил пойти по горячему следу и самолично подключиться к розыску машины, украденной нынешней ночью. Вместе с инспектором угрозыска из Ленинского райотдела Виктором Саврасовым, молоденьким лейтенантом, выпускником школы милиции, и участковым инспектором Иваном Ивановичем Шашеловым, пожилым капитаном, уже помышляющим о пенсии, Бибишев поехал на место последней кражи. По дороге разговаривали о пустяках — Володе не хотелось показаться торопыгой. На месте будет видней, чем интересоваться и о чем спрашивать. Но в груди у него пробуждался — аж щекотало — азарт преследователя: так всегда бывало, когда предстояло интересное дело.

Девятиэтажный кирпичный дом в начале улицы Мичурина Бибишеву был хорошо знаком. Заселился он лет пять назад, а строили его, пожалуй, все десятилетие. Тем и был знаменит. Множество организаций становились в разное время пайщиками в его строительстве, но ненадолго. Стройка замирала, но затем отпавших пайщиков заменяли новые, и на стенах опять копошились каменщики. Естественно, дом был сдан с бесчисленными огрехами, и жильцы до сих пор расхлебывали былые оргнеувязки. О многострадальной судьбе дома Бибишев знал от знакомого офицера из следственного управления, получившего тут квартиру. Володя как-то был у него в гостях.

Отпустив канареечный «уазик», Володя осмотрелся. Здание, построенное буквой «Г», коротким плечом выходило на сквер, замыкая узкий двор, стиснутый с одной стороны длинным фасадом, а с другой — примыкающей к забору шеренгой металлических гаражей под общей кры-

шей. Двор был как двор: детская площадка, лавочки, газон... Два выезда — на улицу Мичурина и к скверу. Рядом не было никаких жилых строений. Напротив, через улицу, — фабричный корпус, за спиной дома — детсад, справа — какая-то административная контора, слева — сквер.

— Вот здесь, — сказал Шашелов, указывая рукой на асфальтовый пяточок, на котором был прочерчен мелом контур автомашины. — Хозяева не успели гаражом обзавестись. Всего месяц назад купили.

— Инсценировка кражи не исключена? — на всякий случай спросил Володя.

— Абсолютно исключается, — участковый даже головой затряс. — Владелец «Жигулей» — доцент, жена — врач, тут же и работает...

Первый этаж здания был занят детской поликлиникой.

— Когда продолжим поквартальный обход? — спросил Саврасов.

Володя взглянул на часы: было без четверти шесть.

— Давайте в семь. Как раз с работы придут. Нам бы еще человечка три, чтоб за сегодня управиться.

Саврасов кивнул.

— Я сейчас позвоню в райотдел.

Он шустро зашагал к поликлинике. Бибишев спросил у Шашелова:

— Жильцов-то вы знаете, Иван Иванович?

— Да так... — Участковый сделал неопределенный жест. — Приблизительно. Дом-то в общем благополучный. Считалось в свое время престижным здесь квартиру отхватить.

— Меня покуда пенсионеры интересуют. — Володя задумчиво потрогал ус. — Которых бессонница мучит. Много таких в доме?

Шашелов рассмеялся, показав желтоватые зубы.

— С бессонницей — не скажу, а пенсионеров... Десятка три есть, наверное. Списки жильцов вот они! — Он хлопнул по своему ученическому портфелю с эмблемой ВАЗа. — Будете смотреть?

— Давайте... Но только тех, чьи окна на гаражи. С остальными потом.

Шашелов извлек из портфельчика голубую тетрадь.

— Я с утра занимался, — сказал он буднично. — Тут у меня пенсионеры и молодежь. И те, которые допоздна на работе...

«Хорошо, когда человек дело знает, — с великой приязнью к милиционеру ветерану подумал Бибишев. — Ай да Иван Иванович!»

Он заглянул в списки. Высокий Шашелов, глядя из-за плеча инспектора, ткнул длинным, как у пианиста, пальцем в одну из фамилий.

— Это пожилые. Старушка болеет. Может, и не спала. И окна как раз сюда.

Бибишев отчеркнул строчку ногтем.

— Вот еще пенсионер. Общественник, между прочим, заноза... — продолжал Шашелов.

Они не обратили внимания, что к ним почти вплотную подошел одутловатый старик. Шевеля пышными усами, он прислушивался к скороговорке участкового.

— Вам чего, товарищ? — обернулся к нему Володя.

— А я, юноша, не к вам, — сердито фыркнул усач. — Я вот не понимаю, почему товарища капитана интересуют наши старики? Догадываюсь, что вы машину ищете, да? Так вы спросите у нас, у жильцов, кто мог украсть? А вы на уважаемых людей тень бросаете...

— Откуда вы это взяли? Какую такую тень? — строго прикрикнул участковый. — Погодите-ка, вы Лисицкий, кажись?

— Лисицкий, Федор Васильевич. — Старик внушительно откашлялся, хотя и несколько стушевался. — Из сорок шестой квартиры.

Бибишев тотчас заглянул в список: жаль, но окна сорок шестой выходят на улицу.

— Нам, дорогой Федор Васильевич, как раз и нужны люди вроде вас. Которые плохо спят ночью. И которые людей в доме знают, — смягчил тон Шашелов.

— Сплю я, положим, хорошо. А что касается жильцов... — Старик помедлил, многозначительно покосился на дом. — У нас чересчур много подростков по парадным ошиваются. Да какие подростки — парни! Курят, талдычат...

— И все из вашего дома? Или посторонние тоже?

— Да всякие. Больше из нашего. Тут не то что машину — гараж уведут. Как в кино: кран подгонят, и все.

— Еле дозвонился! — крикнул с порога поликлиники Саврасов. — В семь ноль-ноль будут. Но только двое.

— Мы, пожалуй, и впятером управимся, — полувопросительно-полуутвердительно сказал Шашелов.

— Управимся, — кивнул Бибишев. — Только давайте

сейчас и начнем. С тех, кто отмечен. Виктор, ты возьми два первых подъезда, я — следующие два... Номера отмеченных квартир запиши...

— Я тоже два возьму, но сначала мы с Федором Васильевичем кое-что выясняем, — отозвался участковый.

Направляясь к дому. Володя расслышал, как, понизив голос, усатый старик говорил:

— Теперь, значит, слушайте, я их буду характеризовать...

Такие досужие старцы бывают иногда находкой для работника розыска. Но Володя знал и другое: порой они только путают, выдавая свои домыслы и догадки за факты.

.....Без пяти семь Бибишев опять спустился во двор. Там его уже ждали Шашелов и Саврасов.

В пяти квартирах, где побывал Володя, ни один из опрошенных жильцов не смог припомнить, чтобы прошлой ночью во дворе происходило что-либо подозрительное. Правда, в первой же квартире, куда он зашел, больная тромбофлебитом пенсионерка с готовностью сообщила, что отчетливо слышала вскоре после полуночи звук заводимого мотора и что она даже посетовала на неугомонного владельца машины, мешающего людям отдыхать. И еще подумала, что надо было бы горсовету запретить заводить машины после одиннадцати вблизи домов. Однако на балкон она так и не вышла: ей не до того, нога опухла...

Саврасову повезло чуть больше: одному из жильцов со второго этажа почудилось, что среди ночи мимо его окон по двору промчалась машина. Если это было действительно так, тогда следовало заключить, что «Жигули» покинули двор через выезд, который ведет к скверу. А коли так, то машину вполне могли увидеть люди, шедшие домой через сквер или вдоль него от трамвайной остановки. Или же от троллейбуса — все едино.

Наконец Шашелов принес такое сообщение: в шестом подъезде допоздна торчала какая-то юная компания. Когда пенсионерка Ольга Евгеньевна Дембинская, выйдя на лестничную площадку, попыталась усовестить ребят, один из них отозвался, крикнув в ответ что-то вроде: «Кончай, бабуля, не шуми! Время детское!». Дембинской показалось, что парнишка при этом чуть заикался. Шашелов уже успел сходить домой к Лисицкому и проконсультироваться насчет заикающегося парнишки. Старик без ма-

лейшего колебания назвал его имя: Славик из третьего подъезда, фамилию он, правда, не знал. Сверившись со списком, Иван Иванович тотчас установил, что в третьем подъезде живет шестнадцатилетний Вячеслав Кузьменко, который нынче перешел в десятый класс, сын старшего инженера проектной конторы.

Вскоре подошли еще два сотрудника Ленинского районного отдела милиции. Бибишев вкратце объяснил им задачу. Пора было приступать к поквартирному обходу: во дворе становилось все оживленнее. Люди возвращались с работы, с любопытством поглядывая на группу молодых мужчин, окруживших пожилого капитана милиции.

Выбрав себе подъезд, где живет владелец украденных «Жигулей», УКВ 21—67, доцент Олег Владимирович Павлов, инспектор уголовного розыска Владимир Бибишев распределил группу по остальным подъездам. Договорились о времени и месте общего сбора после окончания обхода.

7

Далеко не вся работа инспектора уголовного розыска окрашена в романтические тона.

Конечно, она, как поется в песне, и опасна и трудна. Конечно, есть в ней и бешеные погони, и засады, и борьба один на один с преступником. Сыщику нужны смелость, решительность, быстрота реакции, знание психологии, логическое мышление, острая сообразительность.

Но не меньше нужно ему терпение.

Что такое, к примеру, подворный обход? Утомительное, однообразное, далеко не всегда дающее плоды занятие — то, что называют черновой работой. Но без нее сыщику никак не обойтись. И чем скрупулезнее, чем терпеливее инспектор будет расспрашивать людей, чем шире будет сфера его профессионального внимания, тем больше шансов на успех. Вспоминая о войне, солдаты рассказывают о боевых эпизодах. Схватки с врагом занимали у них часы. А недели и месяцы отнимало рытье окопов. Бесконечное копанье в земле — порой через каждые сто метров. Но потому и возвратился солдат-победитель живым.

Двести квартир надо было обойти группе инспектора Бибишева. Двести объяснений с жильцами, двести разговоров, тысячи вопросов. Подобно старателям на прииске,

просеивали сотрудники милиции ответы жильцов, выискивая крупницы драгоценной информации.

Много времени потратил Володя на беседу с владельцем украденных «Жигулей» и его женой. Олег Владимирович и Алдона Альгисовна никак не укладывались в прокрустовы рамки вопросов инспектора. Они пытались рассказать ему все: и почему они купили не «Волгу», а «Жигули», и отчего затянулось у них решение гаражной проблемы, и как чувствовали они, что машину непременно украдут.

К сожалению, эта их скорбная уверенность не основывалась ни на наблюдениях, ни на фактах. Они никого не подозревали. И вообще показались Володе людьми доверчивыми до беспечности, поскольку оставляли «Жигули», даже не снимая «дворники».

— Когда нам можно будет надеяться? — спросила Алдона Альгисовна, просительно заглянув в темные глаза симпатичного, но, на ее взгляд, слишком молодого для столь серьезных дел человека.

— Думаю, скоро найдем, — уверенно ответил Володя, вовсе не уверенный, что это «скоро» наступит действительно скоро.

По-разному встречали его в квартирах. Стоило ему назвать себя, вернее, свою должность, как лица открывавших ему двери людей менялись. У одних в глазах зажигался живой интерес, и они чуть не с порога сами начинали расспрашивать инспектора угрозыска. Другие словно каменели и отделывались односложными «нет», «не знаю», «не слышал». Третьи откровенно пугались, начинали суетиться, но, узнав, в чем дело, с удовольствием свидетельствовали о своем ничегоневедении. А четвертые...

— Я ждал, что вы зайдете, потому и не ходил в милицию, — сказал спокойно и веско крупный загорелый мужчина лет сорока, едва Бибишев раскрыл удостоверение. — Я видел ваших во дворе нынче утром.

Они прошли в комнату. Кусок засохшего сыра на столе, невытая бутылка из-под кефира, неприбранная постель. Женской руки здесь не было давненько.

— Брызлов Николай Григорьевич, работаю водителем автобуса, — начал мужчина, для приличия натягивая на волосатый торс рубашку. — Заканчиваю смену поздно. Вчера возвращался около часу ночи, дежурный подвез до Полевой, и я шел через садик. Подхожу к до-

му — фары в глаза ударили, Ослепили. «Вот болван, думаю, если бы встречная?» Выскакивают темненькие «Жигули» из двора — и мимо меня, на улицу Мичурина. И дальше, к подшипниковому... Я еще ругнул его вслед, не люблю лихачей.

— А за рулем?.. Не разглядели? — с замиранием сердца спросил Володя.

— В том-то и дело, что ослепил... Но когда он на улицу выскочил, под фонари, промелькнуло вроде...

Брызлов замолчал и, видя, с каким напряжением его слушает инспектор, усмехнулся смущенно.

— Мало что увидел я, товарищ начальник. В лицо не признаю ни за что. Только наверняка могу сказать — за рулем был парнишка. Или парень... Или мужик худошавенький, Рубашка темная, цвет волос не скажу... Волосы длинные... А больше ничего... Да, это все.

— Не напомнил он вам кого-нибудь из ребят с вашего двора?

Николай Григорьевич покачал головой.

— Да я к ним не присматриваюсь... Нет, вроде знать его не знаю, дворовые все же примелькались. А может, и с нашего двора. Но я лично считаю, что в своем дворе красть не будут.

Бибишев думал так же, но промолчал.

Больше ничего путного от Брызлова он не узнал. Но и услышанное давало ниточку. Спустившись во двор, он перешел в подъезд, который проверял Шашелов, и столкнулся с ним на лестнице.

— Вы к мальчишке не ходили? К этому... — Он наморщил лоб, вспоминая. — Славе Кузьменко?

— Он в соседнем подъезде, — пояснил Иван Иванович. — Туда как раз направляюсь. Правда, она на четвертом...

— Давайте начнем с четвертого, со Славы. Зайдем вместе.

— Как угодно.

Звонок в квартире Кузьменко не работал. В квартире громко бубнил телевизор. Постучали. Второй раз, третий. Наконец послышались шаги.

— Кто? — раздался ломающийся юношеский голос.

— Мы к Кузьменко, откройте, — солидно сказал Шашелов.

Замок щелкнул.

— Родители в театре, — не слишком приветливо ска-

зал высокий белокурый паренек, быстро обежав взглядом погоны, портфель Шашелова, лицо и фигуру Володи.

— Мы, собственно, к тебе, Славик, — сказал Шашелов и вошел. Володя последовал за ним. Пока что он решил быть на вторых ролях: опытный участковый дела не испортит, да и знают они со Славой друг друга.

— Пойдемте в мою комнату, — хмуро буркнул Славик, на ходу выключая телевизор.

В маленькой квадратной комнате стояла тахта. Стенка над ней была залеплена цветными фотографиями из зарубежных журналов — пестрая толпа разношерстных музыкантов, мотоциклистов, певичек. На книжной полке — учебники. На тумбочке возле тахты сверкал никелем и полировкой дорогой стереомагнитофон.

Славик сел на тахту, Шашелов — на стул. Володе сесть было уже не на что: тахта была завалена кассетами и журналами. Оглядевшись, он сходил в кухню и принес табурет. Шашелов неодобрительно взглянул на Славика, но тот смотрел в пол.

— Вчера ты допоздна стоял с ребятами в подъезде, — начал Иван Иванович. — Когда ушел домой?

— В од-диннадцать.

— А кто остался после тебя?

— Я п-последний.

— А кто был?

— Андрей Бондарев из двадцать второй. Валерка из нашего подъезда, с восьмого этажа.

— Квартира?

— Не помню. Слева последняя.

— Еще кто?

— Крокодил и Жека.

— Кто? — изумился Володя.

— Так их называют. Они не из нашего дома. Где-то дальше по Мичурина живут. Где точно, не знаю. Не из нашей школы. Светка была. Мельникова, из нашего класса. Из сороковой квартиры. И все.

Иван Иванович записывал, Володя не вмешивался.

— Родители дома были, когда вернулся?

— Где же еще? Они не каждый день в театрах.

— Слава, ты машину водить можешь? — спросил Бибишев.

— Нет. На мопеде ездил, а машину... Нет.

— А кто из твоих приятелей водит?

Славик поднял на Бибишева большие светлые глаза,

— Не знаю. Может, кто и водит, — сказал он неохотно. — А что?

— Да ничего, — уклончиво ответил Володя, уверенный, что Славик прекрасно знает об украденной машине. Весь двор небось осведомлен, а ребята — тем более.

— Никто не подходил к малиновым «Жигулям», которые у вас во дворе ночуют? — спросил Шашелов.

— Не знаю, может, и подходил.

В этом духе разговор продолжался еще некоторое время, пока Бибишев не убедился, что ничего интересного Славик сообщить им не может. «Или не хочет», — отметил он про себя.

Выйдя от Кузьменко, они распределили между собой квартиры, где жили ребята, названные Славиком. Кроме тех, что живут «где-то на Мичурина». Но беседы с ребятами не развеяли туман. Никто из опрошенных приятелей Славика не заметил ничего подозрительного, как никто не мог и назвать адреса, по которым живут эти Крокодил и Жека. Ночью ни один из ребят из дома не выходил — это подтвердили родители.

Поквартирный обход закончили около половины одиннадцатого. Собрались в оперативном пункте. Прежде чем отпустить группу, Володя спросил у Саврасова, запрашивал ли он сегодня службу «02». Может, был сигнал, который наведет на след или даст хотя бы еще одну зацепку?

— Запрашивал, — энергично тряхнул чубатой головой Виктор. — В нашем районе ничего такого не было. Две квартирные драки, пьяный в подъезде, хулиганы избили парня... А по нашему делу ни намека.

— Завтра мы с тобой, Виктор, продолжим, — сказал Бибишев. — А вы, Иван Иванович, попробуйте разыскать этих двух. Может, они поглазастей, чем Славик.

...Домой Володя добрался к полуночи. Нельзя сказать, чтобы он был недоволен первым днем поисков, — какие-то наметки уже обозначились. Но по своему опыту он знал, что подобные ниточки обрываются очень часто. Не хватало факта стержневого, за который можно было бы ухватиться и все эти нитки мотать на него.

Перед сном он развернул «Волжскую коммуну». Скользнул взглядом по заголовкам, задержался на снимке: краны вытянули шеи над строящимся домом. Еще один квартал скоро вступит в микрорайон, который неофициально называют Мичуринским.

Наверное, мозг его продолжал работать по инерции

все в том же направлении, потому что серенький снимок заставил Володю опять мысленно вернуться на улицу Мичурина. Так, новые дома, фабрика, клуб трамвайно-троллейбусного управления... Ну и что? А дальше, за Полевой, сквер и злополучный дом, в котором он сегодня топтал каблуки... Ну и что?

«В нашем районе ничего такого не было...» — вспомнил он бодряческий ответ Саврасова.

«В нашем»? То есть в Ленинском? Но ведь рядом, за Полевой, начинается Октябрьский район! Вот что значит заморочиться с этим обходом.

Наутро инспектор Бибишев вышел из дому на час раньше обычного. В управление он должен был поспеть к девяти ноль-ноль, и потому без пяти восемь уже входил в дежурную часть Октябрьского райотдела милиции. Взяв у дежурного помощника начальника райотдела разрешение ознакомиться с книгой регистрации происшествий за ту самую ночь, когда была украдена из двора машина Павловых, он с головой углубился в записи.

Да, нужны сыщику и смелость, и решительность, и смекалка. Да, как уже говорилось выше, позарез необходимо ему и долготерпение.

А интуиция?

Вот что было записано на одной из страниц регистрационной книги.

«3 часа 10 минут. Заявление гр. А. И. Дергачева о пропаже сына, 16 лет, Геннадий Александрович, рост... одет... прическа... ушел из дома в 20 часов, возбужденный ссорой с родителями...»

И другая запись:

«Дергачев Г. И, нашелся. Позвонили родители. Вернулся домой в 5. 00 утра...»

Записав адрес пропадавшего Геннадия, Бибишев нашел на оперативной карте района улицу Мичурина, дом № 48. Это был второй дом от угла Полевой, сразу за ателье проката. Несмотря на внушительную, казалось бы, разницу в номерах — 6 и 48 — Геннадий Дергачев жил в трех минутах ходьбы от двора, где пропала машина. То есть практически по соседству.

«Не тот ли это Крокодил, что торчал в подъезде?» — думал Бибишев, почти уверенный, что тот, именно тот. Если кличут Крокодилом, то наверняка Гена. Но проверять времени уже не оставалось: пора было в управление. Оставив у дежурного записку для Саврасова, в которой он

попросил инспектора райотдела разузнать в подробностях все, что возможно, о подростке и его родителях, Бибишев сел на автобус.

День начался хорошо. «Как будто неплохо, — поправил себя мысленно Володя. — Мало ли этих Ген на Мичуринской...». Володя не был суеверен. Просто он не любил разочарований. А они в его практике, увы, были.

8

Друзья разминулись.

В то время как Владимир Бибишев докладывал начальнику отдела о результатах вчерашнего расследования, Александр Зуенков уже был в Советском райотделе. От криминалиста управления Саша узнал, что в картотеке зарегистрирован преступник Ивахнов с похожими приметами — без пальца на руке, высокий, худощавый, дважды отбывавший срок за воровство и вышедший около двух месяцев назад. Известно было, что он живет в пятиэтажном доме на улице Антонова-Овсеенко.

Был ли Ивахнов тем татем, что обчищал галантерейные магазинчики, или не был, надо было проверить. Опознать его мог Леша Гусев, а также кто-либо из продавщиц, которым он предлагал краденую галантерею. Зайдя спозаранок к Гусевым, участковый Жиганов попросил Лешку быть дома, не отлучаясь ни на минуту, а за подъездом, где жил Ивахнов, с ночи было установлено наблюдение.

Около десяти утра капитан Зуенков принял первый сигнал, переданный по рации: человек, похожий на Ивахнова — его фотографии были у всех членов оперативной группы, — вышел из дому и пешком отправился в сторону Московского шоссе.

— За Лешкой, быстренько, — лаконично приказал Зуенков.

«Уазик» отправился в десятый микрорайон, а через несколько минут поступило второе сообщение: Ивахнов сел в троллейбус № 4, идущий в сторону центра города. И через три минуты — новое известие: вышел из троллейбуса, идет по Революционной к кинотеатру «Вымпел».

— Смирнову действовать по плану, — сказал в микрофон Саша.

Это означало, что теперь к Ивахнову прочно «приклеится» молодой инспектор райотдела Ким Смирнов. «Моск-

вич», следовавший за подозреваемым, останется пока в тени.

— Зашел в кинотеатр, — прозвучало в рации. — Ким тоже.

Саша рассмеялся.

— Любитель кино, видать, — сказал он, отключив на минуту рацию. — Пагубная, выходит, страсть.

— Времени у него куча, — буркнул лейтенант Колтовой. — Работает по ночам, а день угробить как-то надо.

— Восьмой, что нового? — спросил Зуенков, включая рацию.

— Ничего. Наверное, кино смотрят. Везет же Киму...

Минут двадцать прошло в молчании. Ждали. Говорить о постороннем что-то не хотелось.

Стукнула дверь.

— Вот и мы! — раздался голос Жиганова.

За его спиной хмурилось круглое лицо Леши Гусева.

— В машину — и к «Вымпелу», — приказал Зуенков. — Со мной Миронов. Колтовой держит связь. Жиганов свободен.

Они втроем сели в «уазик» — не в щеголеватый милицкий, а в затрапезно зеленый.

— Ну, Леша, теперь и ты оперативник. — Саша хлопнул паренька по спине. Тот дернул плечами, поморщился, но смолчал.

Машину поставили так, чтобы просматривался выход из кинозала. На всякий случай из «Москвича» держали под наблюдением главный вход: вдруг Ивахнов выйдет до окончания сеанса отсюда.

— Миронов, пересядь в «Москвич», а ко мне сядет Сергей, — распорядился Саша. — Ты поопытней, если что, сориентируешься.

Когда инспектор Миронов неторопко зашагал к продовольственному магазину, возле которого голубел «Москвич», Саша спросил дружески:

— Как, Леша, больше ничего не выиграл в спортлото?

— Нет.

— Некоторые по системе играют. Ты тоже или просто?

— Не знаю я никаких систем, — тихо пробормотал Леша.

— Значит, везун. Деньги-то выиграл хорошие. Сколько рублей, я забыл?

— Сто тридцать семь.

— Вот видишь, — Саша вдруг напрягся. — Смотри, это не он?

Длинный парень в светлой рубаше и серых в полоску брюках вышел из кинотеатра — не понравился, видать, фильм.

— Он! — взволнованно выдохнул Лешка. — В натуре он!

К их машине уже подходил молодой инспектор Васинский.

— Сережа, скорей! — Зуенков открыл дверцу. — А ты, Леша, давай домой. Еще будешь нужен, сиди и читай. Музыку слушай... Пока!

Худая спина удаляющегося Ивахнова опять оказалась в поле зрения. Он шел к Московскому шоссе. Из кинотеатра вышел Ким и направился к «Москвичу».

— Выезжай, — негромко сказал Саша водителю.

«Уазик» тихонько выехал на Революционную. Не доходя до шоссе, Ивахнов стал голосовать, но такси проскочило мимо. Он снова голоснул: остановилось!

Зуенков оглянулся на сумрачного Лешку, застывшего в напряженной позе шагах в десяти и не сводящего взгляда с Ивахнова.

«Переживает», — мелькнуло у Саши.

— Держись от такси подальше, только не потеряй, — сказал он водителю то, чего мог вполне и не говорить: за рулем сидел человек бывалый.

— Когда будем брать? — тихо спросил Васинский.

— Надо с поличным, а он, видать, сейчас пустой. Пока проводим, там будет ясно.

Такси повернуло направо, прибавило скорости на Московском шоссе. Сержант милиции, водитель «уазика» давил на акселератор, но угнаться было трудно. К счастью, у Ботанического переулка такси притормозило и повернуло на улицу Авроры. Здесь было поуже, не разгонишься. Расстояние между машинами сократилось опять до предельно возможного. Сзади шел голубой «Москвич».

Так проследовали до трамвайных путей, свернули на улицу Гагарина. Наконец такси замигало правым поворотным фонарем и причалило к тротуару возле застекленного «Гастронома». Пока Ивахнов расплачивался, недалеко, проехав чуть дальше, остановился «Москвич». Из него вышел Миронов и с суетливостью алкаша затопал к магазину. Он должен был заметить, с кем будет общаться Ивахнов.

Машина Зуенкова остановилась, не доехав двадцати метров до магазина. Саша, откинувшись на спинку сиденья, спокойно наблюдал, как идет к магазину Ивахнов, — будто и не оглядываясь, но все видя спиной. У рецидивиста от зверя многое, не только жестокость.

Ни Миронов, ни Ивахнов не выходили. «Небось во всех очередях постоял», — подумал об инспекторе Саша. Но вот и он: зажав в одной руке коробку макарон, а в другой — бутылку вермута, Миронов торопился к «Москвичу».

«Молодец, — подумал Саша. — Не исключено, что Ивахнов сейчас наблюдает за ним. Стекляшка есть стекляшка...»

«Москвич» укатил. Правда, недалеко он уехал — свернул в первый же переулок. Наконец в дверях показался и Ивахнов. Саша крикнул от удовольствия: в правой руке был зажат полиэтиленовый мешок — вовсе не пустой, а на плече — вот что важно! — болтался на ремешке транзисторный приемничек в футляре.

— Вот теперь можно и брать, — негромко сказал Саша. — Только где?

— Может, дома?

— Когда он туда попадет? Пока есть вещдоки — время терять нельзя. — Зуенков присвистнул: — Смотри, Сергей, снова у нас погоня...

Такси резко вырулило к тротуару по знаку Ивахнова. Но тот вдруг махнул рукой — езжай, мол. Вероятно, оттого, что на заднем сиденье уже был пассажир.

— Ясно, что здесь его брать нельзя, — твердо сказал Саша. — Слишком много зрителей, да и мало ли... Вдруг вооружен?

Снова подошло такси, но уже свободное. Ивахнов открыл дверцу, что-то спросил у шофера и сел в машину.

— Теперь упускать нельзя, — Зуенков наморщил нос. — Ладно, в пути разберемся.

Они проследовали за такси чуть не через всю Безымянку. Проехали мост. Движение здесь было поменьше.

— Николай, как увидишь светофор, подожмись вплотную, — распорядился Саша. И, обернувшись к Васинскому: — Берем на красном свете, ты — в переднюю, я в заднюю дверь.

Сергей кивнул. «Уазик» прибавил ходу. Теперь он шел сразу же за такси.

Красный! Тихонько взвизгнули тормоза. Машина еще

не остановилась, а Зуенков и Васинский уже выскочили из нее и бегом к зеленоватой «Волге» с шашечками. Васинский рванул дверцу переднего сиденья. В тот же миг Саша, плюхнувшись на заднее сиденье, ухватил Ивахнова ладонями за подбородок.

— Уголовный розыск! — крикнул Сергей и припечатал к спинке кресла руки Ивахнова.

Р-раз! И они вдвоем прямо через спинку перебросили обалдевшего от неожиданности преступника на заднее сиденье.

— Зеленый! — весело крикнул Васинский, пересаживаясь назад. — Трогай, родимый!

Ошеломленный не менее Ивахнова, водитель такси газанул так, что оба инспектора и Ивахнов завалились на спинку.

— В Советский райотдел милиции, — бросил Саша. — Знаешь?

— Знаю, знаю, — торопливо ответил таксист.

— Только сначала притормози. Сюда, к обочине!

Выйдя из такси, Зуенков позвал к себе «уазик». Подкатил и «Москвич». Из него выскочил Миронов.

— Здорово сработал, — крикнул он на бегу. — Высшая лига!

— Продавцов — тех, вчерашних, и сегодняшних, из «Гастронома», — в райотдел, — приказал Саша. — И мальчишку. Мы на такси, а вы давайте быстрее!

Кивнув, Миронов подошел к «Москвичу», передал приказ, а сам сел в «уазик».

— Че хамите! Че хватаете! — раздался в такси истошный вопль Ивахнова. — Какое имеете право, гады?!

— Не кричи, — спокойно сказал Саша, садясь рядом с ним.

Тот открыл было рот, но, взглянув на могучего парня с коротким, зачесанным набок чубчиком, на плотно сжатый рот и насмешливые глаза, не решился продолжать.

...Через час в райотделе следователь Тугорский вовсю уже писал протоколы. При понятых из полиэтиленовой сумки были изъяты четыре зажигалки, несколько коробок с запонками, кофточка, еще один транзистор. Разволнованные продавцы давали показания: да это именно он, тип, предлагавший им по дешевке галантерейную разность. Продавщица из «Гастронома» — та, которая вернула Ивахнову непроданные приемники и сумку с остальным барахлом, — плакала навзрыд, проклиная себя и свою

жадность. Не зря убивалась: за скупку краденого ответить придется. Леша односложно подтвердил идентичность личности парня, у которого он купил перстни со стекляшками, и задержанного Ивахнова.

— У, сучонок, отдавлю срок — пришью, — прошипел Ивахнов, косясь на Гусева. Но Лешка, хоть и вздрогнул, испуганным не выглядел.

— Никуда не уезжай, еще понадобится, — сказал ему следователь.

Капитан Зуенков невольно поморщился. Жалко ему стало парня. Он-то знал, как болезненно переживают ребята, когда им приходится выступать в роли свидетелей. Как бы не привязались к Лешке с этими перстеньками — тоже ведь, если подойти формально, скупал краденое. Не жадность, конечно, его толкнула на это, а тщеславие — небось перед девчонками решил повыпендриваться.

Подписав, где надо было, бумаги, Зуенков попрощался с коллегами, сказал, кому следовало, спасибо и уехал в управление — докладывать. Там он узнал, что с завтрашнего дня ему предстоит менять поле деятельности: из «имущественного» отделения его переводят в другое отделение. Теперь придется иметь дело не с ворами, а с убийцами и насильниками, так-то...

Во время обеденного перерыва Саша вспомнил, что Серафима Ароновна, соседка по квартире, пенсионерка, попросила купить конверты авиапочты. Спустившись на улицу Степана Разина, он зашел в почтовое отделение. У стола с допотопными чернильницами две очень похожие друг на друга бабки ползали пальцем по таблице, проверяя лотерейные билеты. Саша вдруг вспомнил Лешку Гусева, его выигрыш в спортлото и подумал, что теперь он вряд ли увидит этого сердитого мальчишку. «Стекляшек накупил, дурачина, — подумал он, еще раз удивляясь, — а ведь мог купить себе, предположим, фотоаппарат... Или проигрыватель недорогой... Выбросил деньги зря». Он купил конверты, постоял у барьерчика и неожиданно для себя спросил:

— А таблицы спортлото у вас есть?

— Не таблицы, а номера выигрышные, — с улыбкой, не без кокетства поправила его чернобровая девица. — Пожалуйста.

Он взял картонный листок, на котором были наклеены выигравшие номера, суммы выигрышей и даты розыгрышей. Сразу нашел, что нужно: «... угадавшие 4 номера —

по 137 рублей...» Все верно, сто тридцать семь, так он и говорил. А почему не верить Лешке?

Зуенков поблагодарил девушку, вернул ей листок и пошел к двери. Взялся за ручку и... вернулся к барьеру.

— Можно, еще взгляну номера?

— Глазам не верите, наверное, выиграли? — фыркнула девушка.

Зря она стреляла на Сашу взглядом: он был весь поглощен расчетами. Только не деньги считал, а дни.

— Пожалуйста, извините, до свидания.

Несколько задетая невниманием широколицего атлета, девушка только хмыкнула. Но и на это не обратил внимания капитан милиции Зуенков. Размашисто шагал он в гору, от Волги к управлению, а когда вошел в кабинет, сразу взялся за телефон. На удивление быстро разыскал Жиганова — участковых застать на месте бывает трудненько, но Саше повезло.

— Жиганов, привет еще раз! Зуенков. Есть просьба: зайди, пожалуйста, на почту — ту, которая микрорайон обслуживает, — и узнай официально, но без шума: не приходил ли на имя Лешки Гусева денежный перевод? Может, до востребования. И позвони мне сразу же по телефону...

Он назвал телефон и положил трубку. «Эх, Леха, Леха, — подумал он с неожиданной и непонятной для себя обидой. — Значит, врал ты мне, парень. А зачем было врать? Запутаешься теперь окончательно... Если нет никаких переводов, значит, был ты у Ивахнова подсобником, не иначе. Сбывал небось товарец... Эх, дурень ты, Лешка...»

Телефон! Для Жиганова, конечно, рановато.

— Алло, Зуенков.

— Сань, это я, Володя. Привет! Где ты скитаешься, бродяга?

— Здорово, Володя! Где-где... Где надо, конечно. А что?

— То есть, как это — что?! А за конспектами когда?

— Сегодня! Ей-ей. Давай в девятнадцать ко мне. Идет?

— Договорились. Постараюсь управиться. Ну, салют!

— Пока.

Жиганов позвонил минут через сорок.

— Никаких переводов нет. Ни ему самому, ни матери его.

— Спасибо, — сказал Саша. — Я так и думал.

И все-таки после работы он миновал площадь Революции, где обычно садился на автобус, и пошел до главпочтамта.

— За эту неделю? Гусев Алексей Петрович? — повторила начальница отдела. — Подождите минут десять.

Ждать пришлось все двадцать.

— Вот пожалуйста! А это — извещение с заполненным адресом по паспорту, пожалуйста...

Александр Зуенков тупо уставился на клочок бумаги. Он не верил своим глазам. Он держал в руках бланк погашенного телеграфного перевода на 300 рублей, которые некий Петров три дня назад послал до востребования Гусеву Алексею Петровичу, проживающему в десятом микрорайоне, в той самой квартире, где Саша познакомился с Лешкой.

Нет, не был все-таки Леша Гусев пособником рецидивиста Ивахнова! Хорошо? Конечно, хорошо.

Но кто же такой этот Петров? Не папаша ли парнишки? Но отец Лешки в местах заключения.

А может, уже совсем в других местах? Может, где-то рядом? Перевод-то отправлен из Куйбышева.

Да, верно: теперь, когда пойман Ивахнов и тем более когда самого Зуенкова перевели в другое отделение, ему незачем заниматься каким-то Лешкой, его отцом и загадочными переводами. Это верно.

Но разве будет спокойной твоя совесть, капитан Зуенков? Разве сможешь забыть сердитого парнишку и сделать вид, что тебе безразлична его судьба?

Нет, не придется им с Володей нынче ехать к приятелю на Безымянку за конспектами — самыми лучшими конспектами юрфака.

«Попрошу его съездить в печальном одиночестве, — решил Саша. — Зато я их потом отвезу. Надо мне побывать нынче у Лешки».

Поблагодарив приветливую начальницу, Зуенков вышел через служебный вход и заторопился к автобусу. Он едва успевал на randevу с Бибишевым: было уже без двадцати семь...

9

— Перевод?! На триста рублей?!

Конечно, было чему удивляться. Но чтобы так...

— Да вот, представь себе — на триста. — Саша вни-

мательно смотрел на друга. Все-таки у него странная реакция: Володя просто ошеломлен.

— Саш, я понимаю: конспекты — это важно. Давай-ка посидим на лавочке.

— На какой лавочке?

— Все равно на какой. Вон на той детской площадке, например.

Нет, он в самом деле слегка обалдел. Вроде бы уже направились по делу, уже квартал прошли — и вот.

— У тебя что-то случилось? Тогда посидим.

Единственная целая скамейка была занята двумя молодыми мамами. Возле них припарковались голубые коляски-близняшки.

— Давай сюда.

Друзья уселись на бум.

— Они тебе не мешают? У тебя ведь, смотрю, секрет.

Володя посмотрел на малышей, копающихся в песочнице. Без тени юмора сказал:

— Не мешают, Слушай. Дело в том, что...

...А дело было в том, что сегодня утром, примерно в половине одиннадцатого, в 123-ю квартиру дома, что рядом с ателье проката по улице Мичурина, позвонила миловидная блондинка лет двадцати пяти. Ей открыла хрупкая женщина в длинном цветастом халате.

— Дергачевы здесь живут? — спросила блондинка.

— Здесь, пожалуйста.

Изящная, хоть уже и не молодая хозяйка, отступила, пропуская девушку в прихожую.

— Я из инспекции по делам несовершеннолетних, Инна Шиманская. Вот мое удостоверение.

— Очень приятно, — упавшим голосом отозвалась женщина в халате. — Елена Игнатьевна... Дергачева... Вы, наверное... — Она смешалась.

— Позапрошлой ночью вы звонили насчет сына... Он ушел...

— Нет, нет, — заторопилась взволнованно Елена Игнатьевна. — Звонил муж, и напрасно... Гена вернулся, он просто...

— Я все же хотела бы поговорить с вами. Если не возражаете...

— Ради бога... Кстати, муж дома, так что... Да проходите... Извините, что не догадалась сразу... Феликс!

Инна вслед за хозяйкой прошла за стеклянную дверь

в гостиную. И сразу же из соседней комнаты вышел среднего роста мужчина, с белокурыми ухоженными усами, в очках в дорогой оправе.

— Здравствуйте! — Он протянул девушке широкую ладонь, крепко и несколько интимно пожал руку. — Феликс Михайлович. Чем могу служить?

Несколько смущенная его пристальным взглядом, Инна представилась и пояснила, что цель ее визита — чисто профилактическая. Инспектор по делам несовершеннолетних должен иметь представление о своих подопечных — не только о тех, кто поставлен на учет, но и обо всех остальных. По крайней мере, это желательно. А поскольку был звонок о розыске...

Она говорила, а сама поражалась — сколько же книг может быть у людей! В гостиной высокий шкаф был набит толстыми фолиантами и альбомами репродукций, книгами были заняты все полки простенькой, но объемистой «стенки». Через полуотворенную дверь в спальню видно было, что полки с книгами есть и там, а за другой стеклянной дверью, по другую сторону от прихожей, была целая библиотека — стеллажи до потолка. Инна точно знала, что Геннадия нет дома, — она и пришла только после того как ей сообщили, что он ушел на курсы автодела, — и потому говорила, не понижая голоса, даже несколько горячо. Она хотела произвести на родителей впечатление начинающей, а потому не совсем уверенной в себе воспитательницы, но искренно любящей свою нелегкую работу. И на самом деле, работа ее была нелегкой, только она была несколько иного сорта — старший лейтенант Шиманская считалась достаточно опытным инспектором уголовного розыска. Включили ее в оперативную группу по настоящему Бибишева.

Настороженность прошла очень скоро. Елена Игнатьевна принесла чашки с кофе, разговор стал живым. Теперь Инна больше слушала, чем говорила, роняя, в основном, коротенькие вопросы, касающиеся жизни, взглядов, привычек и увлечений Гены.

Узнала она немало интересного. Характер у юноши, по мнению родителей, трудный. Геннадий болезненно самолюбив, а оттого бывает резок, особенно когда считает, что взрослые ущемляют его право на самостоятельность и свободу.

— Что он вкладывает в эти философские категории, для меня, признаться, туман, — с невеселой усмешкой ска-

зал Феликс Михайлович.—Какая-то мешанина. Например, он категорически протестует против всякого режима в образе жизни — анархист какой-то. Сам я еще в юности осознал, что главное — не разбрасываться, ограничить себя во многом, чтобы добиться успеха в чем-то... Пытаюсь ему внушать, каждый вечер завожу разговор — да куда там! По-моему, он с презрением смотрит на любое мое предложение упорядочить жизнь, сделать ее целенаправленнее, устремленнее.

— Чем он только не увлекался, — вздохнула Елена Игнатьевна, и горькие складочки легли в уголках губ. — Стал было рисовать, это еще в пятом классе. Отец его хотел в художественное училище устроить, познакомил с известным графиком, купил этюдник. А он волейболом, понимаете ли, заинтересовался. Музыку он раньше бросил, в третьем классе музыкальной школы был, и слух есть. Да, так с волейболом пошло у него просто великолепно, в юношескую сборную города брали, в запас, правда. Но... опять бросил.

— Не понравилось, что я его стал втягивать в утренние кроссы, — саркастически бросил отец. — Ему бы хотелось все делать вполсилы, нет, в четверть силы, легонько. Но разве достигнешь вершин, если все кое-как...

«Просто парень не терпит насилия», — подумала Инна, а вслух сказала сочувственно:

— А сейчас-то увлекается чем полезным?

— Да как сказать... — Феликс Михайлович снял очки, протер их замшевой тряпочкой, спрятал ее опять в карман куртки с галунами. — Как сказать... У меня «Жигули», второй год. Вообще-то машина у нас давно — когда-то и «Победа» была, и «Москвичи»... Я ему сказал: получишь паспорт — сядешь за руль. Но учись сам, трудом завоюю право ездить на машине. Увы, на папиной машине, — усмехнулся он.

— На курсы он ходит с удовольствием, — кисло заметила мать. — Только, знаете, общество там... мягко говоря, пестрое. Я чувствую, что не слишком хорошее влияние на него оказывают новые приятели.

— Туда идут ребята, которые хотят стать шоферами, — сухо вставил Феликс Михайлович. — Не хочу их огульно охаивать, но недавно звонит телефон, поднимаю трубку и слышу эдакий ернический тенорок: «Эт ты, Крокодил, что ль?». Отвечаю — очень так вежливо — что, мол, вряд ли это я. А из трубки: «Пардон, мне Гену...» Но как мне обе-

зопасить сына в этом случае — не знаю, признаюсь. Предложить ему бросить курсы? А зачем: он и сам все бросает, еще я буду подстрекать. Советовать пристальнее приглядываться к товарищам? Мои советы ему, что ветра посвист. Потачку мы ему, правда, не даем: никаких «штатских» джинсов, никаких неучтенных карманных денег. Если надо на что-то — скажи, дам хоть сто рублей, но скажи, зачем они тебе. Одна надежда, что, может, техника его затянет...

— Тогда-то, когда Гена ночью пропадал, — вставила Елена Игнатьевна, — он ведь чуть не до утра мотор разбирал с приятелем. Бензином от него разило, у меня даже мигрень началась. Еле отстирала рубашку.

— Да, на светлом бензин пятна оставляет, — поддакнула Инна.

— Нет, рубашечка-то темная была, но запах, запах... «Странно, — подумала Инна. — Он что, заправлялся?»

У нее крепло убеждение, что Гена причастен к угону. Хотя веских оснований думать так, она понимала, пока не было.

— Это чудесно, если он увлечен, — сказала Инна. — Вы не думайте, он у нас в инспекции не на виду. Хотя... — Она помедлила. — Хотя, может, я его и видела. Высокий белокурый мальчик?

— Не то чтоб белокурый, — протянула Елена Игнатьевна. — А впрочем, сейчас убедитесь.

Она вышла и через полминуты вернулась, держа в руке наклеенную на толстый картон увеличенную фотографию узколицего темнобрового юноши с русой, чуть вьющейся шевелюрой.

— Вот наш Гена год назад, — сказала она с грустной гордостью.

— Нет, нет, не видела никогда... — Инна улыбнулась. — И к лучшему, что не видела.

— До поры до времени, — обронил Феликс Михайлович. — С этой автошколой или как она там? Курсы... Скорей бы закончил.

— Последний месяц, — вздохнула мать.

Они поговорили еще некоторое время, потом Шиманская попрощалась, поблагодарила за кофе и пообещала, что тревожить Дергачевых без надобности не будет.

...Бибишев внимательно выслушал Инну и сделал вывод:

— За парнем надо смотреть. Какие, говоришь, курсы?

Он позвонил, уточнил адрес. По телефону же справился, когда заканчиваются сегодня занятия. Вызвал машину. Договорился, чтобы часов через пять, если понадобится, на смену ему был готов инспектор райотдела.

В два часа из подъезда трехэтажного дома по Галактионовской улице, громко переговариваясь, вывалилась группа парней. За ней поодиночке, по двое, еще и еще — все молодежь.

— Вон тот, в желтой футболке, кудрявый, — сказала Инна.

Володя с Инной стояли на противоположной стороне улицы: беседует молодая парочка, разве заподозришь?

— Спасибо, Инна. Теперь напрямик в институт. До встречи.

Она кивнула и неспешно пошла в сторону Ульяновской — туда, где сходятся пути студентов трех куйбышевских вузов. Зайдя в вестибюль большого здания, она последовала в сторону, куда указывала стрелка под надписью «Приемная комиссия». Доцента Павлова она нашла довольно быстро. Он вышел к ней в коридор. Инна представилась и спросила:

— Вы не помните, в тот вечер в баке вашей машины много было бензина?

— Отлично помню, — живо ответил Олег Владимирович. — Почти на нуле. Я и удивился: как могли угнать далеко? Я с утра собирался заправить... А что, появилась надежда?

— Надежда всегда была, — улыбнулась Инна. — Появляется уверенность. Только, вы уж извините, пока ничего сказать не могу.

— Понимаю, понимаю, — оживился и обрадовался доцент. — Не думал, признаться, что в уголовном розыске работают такие...

— Какие? — не без кокетства спросила Инна.

— Такие очаровательные барышни. — Лицо Павлова стало сладким.

— До свидания, товарищ Павлов, — сказала Инна.

Тем временем Владимир Бибишев походкой свободного от бременных забот гражданина следовал за Геннадием Дергачевым. Сначала Володе показалось, что Гена куда-то торопится: полквартала до трамвайной остановки он шел быстро, сосредоточенно глядя прямо перед собой. Но, придя на остановку, вдруг ссутулился и опять сунул в карман мелочь, которую достал минутой раньше. Здесь, среди пляж-

ного люда, ожидающего трамвай, Володя как следует рассмотрел лицо Дергачева. Оно ему понравилось: умный, очень серьезный взгляд, высокий лоб, чуть заметные светлые усики. Интеллигентный мальчик. И явно нервничает: покусывает губу, резко встряхивает кудрями, сваливающимися на брови. Когда подошел трамвай, Володя приготовился было войти в вагон следом за Геннадием, но тот, уже сделав шаг, вдруг повернулся и побрел, еле волоча длинные ноги, в сторону, откуда пришел. Так они шли по городу полчаса — мимо институтов, театра, городского парка...

«Занятие не из серьезных, — с иронией думал о себе Володя. — У парнишки каникулы, убивает время, а ты его тень... Он вернется домой к своим бдительным предкам, а у тебя день пропал».

Поравнявшись с кинотеатром «Молот», Дергачев принялся изучать афишу, и Бибишев испугался, как бы не пришлось ему нынче посмотреть фильм, который он видел и который ему к тому же не понравился. Однако Гена, простояв довольно долго, двинулся дальше и, дойдя до угла, зашел в зал главпочтамта. Выждав немного, следом зашел и Володя.

Геннадий Дергачев, облокотившись на барьер, стоял в очереди у окошка выдачи корреспонденции до востребования. За ним уже успели пристроиться две женщины. Володя ругнул себя: надо было поторопиться войти, тогда он встал бы сразу за Геной и увидел, что за корреспонденцию он получает. Можно было подойти с головы очереди, но там к барьеру прилип старикан, заполнявший бланк. Володя решил выждать.

Протянув паспорт в окошко, Гена вытянул шею, напряженно следя за пальцами девушки, шибко перебиравшими письма. Но вот она выхватила зеленоватую бумажку, заглянула в паспорт, вложила в него бланк и выбросила на барьер. Порывисто схватив паспорт, юноша вчитался в бланк и огляделся, будто разыскивая кого-то в зале.

«Посылка или перевод, — решил Бибишев. — Теперь мне зевать нельзя».

Глаза Геннадия остановились на окошке приема и выдачи переводов. Он медленно пошел через зал, Володе показалось, что лицо Гены побледнело. Когда подошел ближе, убедился: да, парень был бледен, на лбу выступила испарина.

Володя пристроился в очереди за его спиной. Рука с

паспортом и вложенным в него — теперь Бибишев отчетливо это видел — телеграфным переводом протянулась в окошко.

— Подождите! Не видите — занята... — резко бросила смуглая женщина по ту сторону барьера, не отрывая взгляда от листка, куда она записывала переводы.

Рука Гены опять легла на барьер. Бибишев изогнул шею и сумел прочитать обрывки строчек: «...ГЕННАДИЮ ФЕЛИКСОВИЧУ... РУБЛЕЙ... КУИБЫШЕВА... ОТ МИХАЙЛОВА...»

— Давайте, — сказала смуглая женщина.

Поскольку Геннадий ни разу не посмотрел на Бибишева, Володя решил не искушать судьбу: лучше оставаться и дальше незамеченным. Он тихонько отошел к соседнему окошку — и вовремя: юноша, расписываясь и проставляя на обратной стороне бланка сумму, оглянулся на соседа и прикрыл перевод локтем.

Но окошко Володя видел хорошо, и потому он мог вместе с почтовой работницей считать десятки. Их было ровно тридцать...

Триста рублей — мальчишке! И к тому же подозреваемому в краже автомашины!

Бибишев несколько секунд стоял в оцепенении, но, увидев, что в дверях мелькнула полосатая футболка, без промедления двинулся за ней.

— ...Вот такие пироги, — закончил Володя свой рассказ. — Теперь понимаешь, почему я обалдел, когда услышал про твоего Лешку с его переводом?

— Это мы понять можем. — Саша задумался. — Постой... Кажется, Лешка тоже где-то на шофера учится... Мать говорила, а может, я путаю...

— У тебя, значит, от Петрова. А мой — от Михайлова, Теперь...

— Теперь только от Харламова остается ждать, — подхватил Саша. — Да, а куда он деньги отнес?

— Домой. А вот отдал папаше или нет, этого я не знаю. Едва ли. Не будь второго перевода, я бы подумал, что дедушка прислал...

— Вряд ли у моего Лехи такие дедушки есть, — хмыкнул Саша. — Надо проверить, угоняли или нет «Жигули» дня за два до Лешкиного перевода. Тут одна рука чувствуется, кто-то мальчишек купил.

— За этим «крокодиленком» надо будет присмотреть. Но говорить с ним сейчас рано — парень с характером. —

Володя подумал, тряхнул головой. — Нельзя его сейчас, не напортить бы..

— Ну, делай, как знаешь, — сказал Саша покровительственно. — Ты у нас большой. А я, пожалуй, пойду Лешку навещу. Может тебе и помогу ненароком.

— Эх ты, студент! — засмеялся Володя.

— Сам ты заочник, — отозвался Саша. — До завтра!

По дороге домой Бибишев заехал в Ленинский райотдел: ему должны были оставить у дежурного результаты проверки бензоколонок. Тут его ждала удача: заправщица с Московского шоссе сразу же вспомнила красивого паренька, покупавшего талоны и заправлявшего «Жигули» во втором часу ночи. Запомнила, потому что кудрявенький юноша, резко вынув шланг из машины, облил себя бензином и пятно расплылось на рубашке. А что цвет «Жигулей» малиновый — это точно.

А Саша попусту терял время, беседуя с Лешкой. Мать дежурила в больнице, они были один на один, но откровенного разговора не получилось. Когда Зуенков попробовал намекнуть на кражи автомашин, Лешка замкнулся, а потом неожиданно сказал:

— Зря вы мне групповое клеите. Знать ничего не знаю. А если бы я угонял, так чтобы покататься. Да только я не угонял, вот и все. Не хочу больше разговаривать!

Уходил от него Саша расстроенный, недовольный собой. Он понимал, что Леша — сын уголовника и что он если не повидал, то слышал всякое и заставить его признаться — Саше даже в мыслях не хотелось сказать о нем «расколоть» — будет невероятно трудно. Может, тот, другой, поддастся Володе.

«А Харламов — это все же мысль, — уже в автобусе вдруг подумал он. — Надо завтра позвонить Володьке... Если и ему в голову не пришло то же, что и мне...»

10

— Странный, скажу я вам, список!

Начальница участка по приему и обработке переводов была явно заинтригована.

— Кому же это наша сборная шлет такие суммы?

Бибишев засмеялся. В самом деле, будешь озадачен таким списком: «Харламов, Мальцев, Третьяк, Фетисов, Васильев, Лутченко...» И одинаковая сумма — 300 рублей.

— Ну, может быть, не все они, а кто-то...

— Оставьте свой телефон. Как только найдем, я позвоню.

Чувство неловкости не покидало Володю: он представлял, сколько хлопот он доставит почтовикам. Пересмотреть все переводы за две недели — шутка ли! Правда, только те, что до востребования.

Как ни парадоксально было предположение, что некто платил своим подручным — угонщикам «Жигулей» через почтамт, отправляя переводы от имени Петрова, Михайлова и, возможно, других членов хоккейной сборной СССР, начальник управления уголовного розыска оценил его сразу.

— А что, — сказал он весело, — вполне вероятно, что сказалась инерционность мышления. Стоит нам сказать: «Иванов, Петров», как напрашивается и «Сидоров». Кстати, ничего удивительного не будет, если обнаружится именно этот ряд — Иванов, Петров, Сидоров. А Михайлов — уже четвертый. Но сначала проверим нашу сборную.

Бензозаправщица еще раз опознала личность паренька, заправлявшего среди ночи малиновые «Жигули». На этот раз по фотографии, которую Бибишев взял в паспортном отделе. Так что косвенные улики подбирались солидные: Геннадий Дергачев был завсегдатаем двора, откуда увел машину, вот-вот должен был получить права, отсутствовал ночью в момент кражи, заправлял пустой бак «Жигулей» среди ночи, облил рубашку бензином и, наконец, получил таинственный перевод. Поскольку все это произошло совсем недавно, можно было ждать, что Дергачев выйдет на связь со своим сообщником, а скорее руководителем. А может, он должен поделиться с кем-то деньгами.

Теперь каждый шаг Гены-Крокодила контролировался уголовным розыском. Сменяясь через четыре-пять часов, инспектора Ленинского райотдела должны были сопровождать его всюду. Что же касается Леши Гусева, то с ним было сложнее. Хотя Бибишев мог предполагать, что Лешка угнал машину из своего 10-го микрорайона двумя днями раньше получения перевода — а такой случай как раз был зарегистрирован, — улики против него не было. Кроме перевода, конечно. Но улика, основанная лишь на логическом выводе, имеет мало веса.

Звонок с почтамта раздался раньше, чем ожидал его Володя.

— Приезжайте, нашелся ваш Харламов. — В трубке раздался смешок. — Именно на триста рублей...

— А кому адресован? — начиная волноваться, спросил Володя.

— Минутку... Золотавкин Михаил Аркадьевич. Проживает по улице Ново-Садовой... дом... квартира... Перевод получен восьмого, одиннадцать дней назад.

— Спасибо большое! Ехать мне незачем, а если Мальцевы с Третьяками найдутся, позвоните. Еще раз спасибо!

Положив трубку, Бибишев подергал себя за ус.

— Что, жареным запахло? — спросил Николай Суханов, один из четверых обитателей кабинета, инспектор по кражам госимущества. — Ишь, порозовела наша красна девица...

— Еще как запахло, Коля!

И Бибишев опять завис над телефоном. Не дозвонившись в райотдел, открыл телефонную книгу на букве «З», нашел фамилию: Золотавкин А. А. Адрес тот же. Телефон номер 34-97-45. Так А. А. — это, конечно, отец.

— Здравствуйте, а Миша дома? — спросил он, услышав в трубке женский голос.

— Миша в «Дубках», на турбазе, — ответило грудное конральто, и раздалась частые гудки.

Решение пришло сразу. Смахнув бумаги в стол, Володя еще раз взялся за телефон.

— Привет, это Бибишев, — сказал он в трубку. — Посмотрите, четвертого или третьего... этого месяца, разумеется, «Жигули» не угоняли? Так, чтоб с концом?

Подождал, не кладя трубку на рычаг. Пощурился на солнце.

— Да-да, слушаю!.. Есть? Где, говоришь? Ага! Спасибо! Привет!

Он встал, заправил поаккуратнее рубашку под ремень.

— Я к начальнику управления, потом уеду. Сегодня, видно, уж не вернусь...

11

Счет шел очко в очко.

— Да кончайте же, наконец! — заскулил рыжеватый паренек, истомившийся ожиданием. Володя удрученно поцокал языком: в самом деле, уже 28—28. И все время: «больше», «равно», «меньше», «равно»...

Кроме двух играющих, в зале находились еще с де-

сяток человек. Бибишев тоже был очередником к теннисному столу, но сыграет он или нет, станет известно, когда определится победитель этой партии. Если возьмет верх крепкий очкарик в спортивном костюме, Володя играть не будет. Если же выиграет тощенький джинсовый пижон, то придется. И придется его обыграть: Бибишеву во что бы то ни стало надо было оторвать Мишу Золотавкина от ракеток и прыгающего мячика. Полчаса и так потеряно зря.

Как назло, выиграл-таки Миша. Уже у четвертого партнера. Давненько не тренировался Володя. Но, решил он, небось рука сама вспомнит.

Подача! Бибишев отбил, но высоко. Хлесткий удар! — Один—ноль, — уныло произнес рыженький.

Снова подает Золотавкин, и снова та же картина: высокий мяч и удар. Счет стал расти: 2—0, 3—0, 4—0. Ага, наконец-то 4—1...

«Даже в классической борьбе нужен интеллект, не то что в боксе», — вспомнил Володя слова своего тренера, мечтавшего сделать Володю чемпионом в первом легком весе. Чемпионом города, как минимум. Давно это было... Что ж, значит, надо переиграть пижона за счет интеллекта, тактически.

Миша не заметил, как произошел перелом. Он продолжал хлестко бить, но мяч почему-то врезался в сетку. Миша брезгливо осматривал ракетку, разводил руками, ища у зрителей сочувствия: вот, мол, чем приходится играть... Была бы моя вьетнамская... Он никак не мог осознать, что его усатый партнер овладевает инициативой за счет «подручных» средств: глядя на один угол стола, подает на другой, через раз малозаметно «подкручивает» мяч, а то вдруг встречает его тычком возле самой сетки... Теперь же, когда счет неожиданно стал 15—11 в пользу усатого, Миша Золотавкин окончательно скис. Перебрасывал мяч кое-как: проигрывать он явно не умел...

«Отлично, волевые факторы у тебя, приятель, не на высоте», — сказал себе Володя, кладя ракетку на стол и всем своим видом показывая, что ему жарко и что он устал. Вслед за Золотавкиным он вышел из зала в вестибюль.

— Курите? — протянул ему Миша пачку «Кента».

— С удовольствием! Отличные сигарки... — Володя прикурил. — Давайте выйдем, а то... — И он кивком показал на уборщицу.

Они вышли из главного корпуса и немного проšliсь по аллейке.

— Присядем? — предложил Бибишев.

Миша молча пожал плечами. Можно и присесть. Чего надо этому усатому? Ну, поиграли в пинг-понг. Ну, дал ему закурить...

— Миша, — жестко сказал Бибишев, закидывая руку за спинку скамейки и корпусом поворачиваясь к Золотавкину, — а я ведь за тобой. Смотри! — Он протянул к глазам юноши раскрытое удостоверение. — Уголовный розыск. Разговор к тебе серьезный.

Это был удар по-боксерски, не то что ракеткой по мячику. Губы у Миши задрожали, веснушки стали темнее. Он затаился сигаретой, закашлялся, швырнул окурок в газон.

— Какой... разговор?..

— Я думаю, полезный у нас будет разговор. — Володя старался говорить бесстрастно. — Дней десять назад ты угнал «Жигули». Где, у кого, в какое время суток — могу сказать, если угодно. Ты угнал их не для того, чтобы покататься. Тебе заплатили за это триста рублей. И ты их получил на почтамте, как у вас было условлено. Как видишь, мы знаем главное. Осталось уточнить детали. Тебе, Миша, человеку неглупому, должно быть ясно, что отпираться — только себе вредить. Мы уверены, что кто-то втянул тебя в свои махинации с машинами, и знаем, что ты пешка в чьей-то игре. Я предлагаю вариант: ты рассказываешь мне все детали, а я характеризую твое признание следователю как добровольное. Если ты сейчас начнешь рассказывать, то так оно в сущности и будет. Нет нужды тебе брать чужую вину на себя...

Свой монолог Володя произнес не переводя дыхания, но и не торопливо, четко отрубал фразы. И каждая из них, будто удар молота, падала на Михаила Золотавкина, пригибая голову, опуская плечи, округляя спину. Когда он поднял глаза на Володю, в них стояли слезы.

— Я расскажу... — скорее прошептал, чем выговорил он. — Я все скажу... Я не знаю... с чего начать...

— Давай я буду спрашивать, так будет легче, — предложил Бибишев и, увидев, что Миша кивнул, задал первый вопрос: — Кто платит за угон машины?

Юноша так энергично замотал головой, что слезинкой брызнул на инспекторову щеку. Неприятное ощущение, но Володя не подал виду.

— Не скрывай, Золотавкин. Это ни к чему.

— Честное слово!

Он даже вскочил. Прижимая кулаки к патлатой девице, отпечатанной на майке, он умоляюще смотрел на Володю.

— Я не знаю, мне не сказали... Нет, мне сказали...

— Давай сначала, — предложил Бибишев. — Вопросы — по ходу. Начни с того, как ты решил... Или — как тебя втянули. В общем, как...

— Да, втянули! — горячо воскликнул Миша, садясь на скамью. — Эта подлая девка! Эта... — Он хотел было выругаться, но не посмел. — Я вышел с курсов, это еще в июле было...

— С каких курсов? Автолюбительских? — догадался Бибишев.

— Ну да... — Золотавкин всхлипнул. — Выхожу, а она навстречу... Вся в «фирме», косметика...

— Погоди, кто она?..

Сбиваясь и возвращаясь к сказанному, вспоминая забытые подробности, Миша поведал инспектору уголовного розыска незамысловатую историю своего совращения. Полненькая, очень смазливая и очень модная девица лет около двадцати трех, окликнув Золотавкина почти у порога курсов, без экивоков спросила, не нужны ли ему белые «фирменные» брюки. Она объяснила, что брат на днях идет в загранку на танкере и «хочет элементарно их сдать, лишь бы побыстрей». Размер как раз его — сорок шесть, пятый рост. Кто не хочет белые джинсы? Золотавкин поплелся за девицей, которую звали Лялей, аж на улицу Обороны. По дороге говорили о том о сем. Девушка произвела на него впечатление: острая, умная и, кажется, «фор фри лав» — за свободную любовь. К дому, где живет брат, они пришли друзьями и, когда братца не оказалось на месте, решили посидеть в открытом кафе. Мишу она заинтересовала и как современная девушка, и как человек со связями. По ее словам, она могла достать любую тряпку с любой наклейкой. И не только через брата. А потом, за бутылкой вина, она предложила Мише заработать приличную сумму.

— Только надо чуть-чуть смелости, ну и — нахальства, — добавила Ляля. Услышав от Миши, что нахальства у него еще больше, чем смелости, Ляля спросила: — А мог бы ты прокатиться по городу в чужой машине?

Миша сказал, что мог бы, но не понимает, зачем.

— Ты прокатишься до Поляны Фрунзе и оставишь ее там. Остальное — не твоя забота. Через два дня получишь на главпочтамте перевод на триста рублей.

И спросила, есть ли у Миши паспорт, чтобы получить деньги. Поскольку Миша подвыпил, он возмутился и потребовал извинений. Ляля поцеловала его в губы, и тогда он решился принять предложение.

— Тогда я не всерьез... Просто выпил... Бахвалился... — бормотал Миша.

Володя кивнул — верю, мол, — и спросил:

— А какие инструкции?

— Ну, угнать чтобы обязательно вечером или ночью. Не из своего двора. На спуске к Поляне Фрунзе повернуть налево, на одиннадцатую линию, и проехать по ней медленно. И включить верхний свет. В конце будет роща. Приткнуть там машину, поставить свой условный знак — пальцем по пыли на ветровом стекле. Я должен был написать английскую букву дабль-ю, она как перевернутое М. И больше ничего. И идти домой. И после ждать перевод через два дня.

— А если бы поймали по дороге? — спросил Бибишев.

— Она сказала, что мне как несовершеннолетнему ничего не будет — ну, поругают, родителей штрафанут... Мелкое хулиганство вроде. А если скажу про деньги и про нее, про Лялю, то это уже статья. Даже вспоминать об этом разговоре не стоит. Пусть будет, что озорник Мишенька прокатиться захотел. Так она сказала...

— Опиши мне ее подробнее, — Володя вынул блокнот.

— Черненькая... Зеленоглазая... Помада коричневая... — Миша наморщил лоб. — Стрижка короткая, под Матье... Длинный джинсовый сарафан «Ли». Босоножки на очень высоком каблуке, синие...

— Ты знаешь, что такое фоторобот?

— Да, — с готовностью кивнул Миша, и сквозь страх в его глазах пробился лучик интереса.

— Может, потребуется составить словесный портрет. Тогда я за тобой приеду.

— А я... А что мне?.. — Миша тяжело задышал.

— Отдыхай. Ты на свои автолюбительские занятия едешь отсюда?

— Езжу... Два раза пропустил.

— Пропусти и завтра. И послезавтра. Жди указаний. Играй в настольный теннис, купайся. И ни слова никому, договорились?

— Да что вы! — ужаснулся Миша.

— Помни, ты сам себе судьбу куешь. Я думаю, ты не сглупишь, да?

— Можете быть спокойны... — глухо сказал Миша. Он был бледен, но уже приходил в себя. О чем-то подумал, морщась, мотнул головой. — А родителям... можно?

— Если нужно, сообщим сами. — Володя встал. — Итак, договорились? Из «Дубков» — никуда.

— Договорились, — тихо отозвался Миша.

Кивнув, Бибишев направился по аллейке к выходу из турбазы, где ждала машина.

Через сорок минут он докладывал о результатах встречи с Золотавкиным начальнику управления угрозыска. А еще через полчаса оба сидели в кабинете заместителя начальника областного управления внутренних дел.

Ознакомившись с планом оперативных действий, предложенным инспектором Бибишевым, полковник заметил:

— А вы убеждены, что родители Золотавкина не протестуют против участия сына в операции?

— Совсем не уверен, — признался Володя. — А если им не говорить ни о чем? Парень взрослый.

— Парень несовершеннолетний, — возразил полковник. — В конце концов, у нас есть еще двое. — Он заглянул в блокнот — Гусев и Дергачев.

— С теми сложнее...

— И все-таки, Владимир Федорович, нужен и подстраховочный вариант, — твердо сказал полковник. — Поскольку и эти ребята, без сомнения, не знают своего финансового благодетеля, нет смысла скрывать. Надо поговорить и с ними, и с родителями. Тем больше будет шансов отыскать эту таинственную Лялю. Вербовали-то наверняка всех через нее. Вряд ли подключали новые лица.

— Тогда разрешите готовить операцию на сегодняшнюю ночь? — спросил начальник управления угрозыска.

— Начинайте. Ни пуха ни пера.

— К черту.

И они с Бибишевым вышли из кабинета.

12

План, предложенный Бибишевым, скорректированный его начальником и утвержденный заместителем начальника УВД, был довольно прост: инсценировать угон «Жи-

гулей». Для этого нужен был Миша Золотавкин или, на худой конец, Гена Дергачев. Лешку Гусева решено было пока не трогать — он был «замазан» в деле о краже галантереи, к нему домой приходила милиция, о чем знали во дворе... Да и не было гарантий, что сам Лешка не сообщил приятелям о своих беседах с Зуенковым.

От Золотавкина требовалось повторить то, что он совершил две недели назад: сесть в чужие «Жигули» — разумеется, на этот раз приготовленные для него милицией — и отогнать их около полуночи в условленное место на Поляне Фрунзе, соблюдая, естественно, все инструкции, какие дала ему ранее Ляля. Там, в рощице, в тупике одиннадцатой линии, преступников, перегонявших машины дальше или прятавших их, будет с вечера ждать засада. Поскольку, как рассказывал Миша, он никуда не звонил и вообще не давал никаких сигналов о совершенной краже, условным знаком для них был, видимо, свет фар в переулке. Это тоже предстояло проверить на практике.

Хлопот Бибишеву предстояло много. Поручив инспектору Саврасову организацию засады, Володя позвонил Золотавкиным. Телефон молчал — родители Миши, вероятно, были на работе. Никого не было дома у Дергачевых. Сам же Гена, как доложили Бибишеву в райотделе, сейчас занимался на автокурсах и должен там пробыть до трех часов. Прежде чем поехать в «Дубки», Бибишев решил побывать на Галактионовской и побеседовать с руководителями курсов. Факт, что все трое угонщиков учились там, не мог не обращать на себя внимания, следовало прозондировать обстановку.

— Игорь Сергеевич занят, — остановила Володю хорошенькая секретарша, когда он, войдя в микроскопическую приемную, направился было к двери с табличкой: «Зав. курсами».

— А он скоро освободится?

— А вы по какому вопросу?

— По служебному.

— Подождите минут пять. — Девушка задержала на Бибишеве оценивающий взгляд. — Присядьте.

И она снова склонилась над машинкой. Печатать она не умела — «давила клопов», от усердия прикусив нижнюю губку.

«Может, она и есть Ляля?» — подумал Бибишев, но тотчас отогнал мысль: этой от силы девятнадцать. И худенькая.

Когда из кабинета вышел взъерошенный парень, Володя взглянул на секретаршу. Та кивнула: заходите!

Смуглолицый человек лет тридцати пяти, сидевший за огромным столом с резными ножками, поднял на Бибишева глаза. Темные волосы, смуглый цвет лица, в ниточку сжатые губы — во внешности заведующего курсами было что-то от героя мексиканских фильмов. Эффектное лицо.

— Слушаю вас, — сказал он не слишком приветливо.

— Бибишев... — Володя протянул удостоверение.

Заведующий мельком взглянул и вернул книжечку с гербом. Встал, протянул узкую ладонь.

— Мангосов. Хорошо, что вы пришли. Впрочем, об этом после. Слушаю вас, Владимир Федорович.

— Нас интересует ваш курсант, — сказал Бибишев. — Гусев, знаете такого?

— В принципе я знаю всех. В лицо: я веду у них одну из дисциплин. Но кто чем дышит — извините...

— Алексей Гусев замешан в уголовщине. Вернее, в связи с уголовником. Возможно, связь эта случайная, возможно, нет. Вы могли бы охарактеризовать его, хотя бы в общих чертах?

Мангосов задумался.

— Жаль, если так... — негромко проговорил он и опять задумался. — У парня судьба не из легких. Когда его зачисляли, я, признаюсь, колебался. А потом решил: надо принять, пусть лучше делом занимается, чем будет в подъездах болтаться. Да, жаль... А в чем он, собственно?..

— Покупал у вора всякую ерунду, зная, что краденая. — Володя махнул рукой. — А! Ничего, конечно, особенного... Если только он не подключил еще кого-то из приятелей по курсам.

— Кто знает... — Мангосов нахмурился. — Если что и было, так наверняка не на самих занятиях. А за пределами нашего заведения мой контроль за ними, увы, кончается.

— Я понимаю... — Володя покивал. — Вы, Игорь Сергеевич, все же подумайте, кто еще способен на подобные штуки. Народ у вас всякий.

— К сожалению, всякий. — Мангосов уперся локтями в стол, положил подбородок на сжатые пальцы. — Честно говоря, не стоило принимать на наши курсы незрелых людей. Школьников, гопэтушников. Только один из десяти намерен в будущем стать шофером. И то придется снова учиться — у нас они получают всего лишь любитель-

ские права. А зачем они этим пацанам? На папиных машинах разъезжать? Или, чего доброго, на чужих? В прошлом году двух наших курсантов ГАИ изловила — катались на грузовике, который бросил какой-то растяпа. А в позапрошлом один... дай бог памяти... ага, Макарец, так тот угнал «Жигули», помял об какой-то забор крыло и бросил машину на дороге. Папаша потом расплачивался.

— Однако и в школах учат автоделу, — заметил Володя.

— И в школах, но там так, легонько, да и не во всех школах, к счастью. — Мангосов засмеялся и резко оборвал смех. — Знаете, почему я обрадовался, когда узнал, что вы из милиции? Потому что никак не могу затащить к себе ваших товарищей для беседы с курсантами. Надо моих добрых молодцев изрядно припугнуть. Закона надо бояться, я в этом глубоко убежден. Вернее, бояться его нарушать — будь то превышение скорости, двойной обгон или легкомысленный угон... — Он усмехнулся. — Ишь, я даже в рифму заговорил. Может, вы сегодня у нас выступите? Через пять минут перерыв...

— Что вы, что вы! — Володя даже откачнулся от стола. — Некогда мне, да и... Я передам руководству вашу просьбу. А вы подумайте над тем, что я вам сказал, хорошо?

— Подумаю. — Мангосов изогнул тонкие брови. — Поговорю с преподавателями. А так, с ходу, знаете, не стоит...

— Значит, ни одного, так сказать, подозрительного... Или нет — неустойчивого назвать не можете? — уточнил Бибишев.

«Туповатый милиционер... — так, наверное, он обо мне сейчас думает», — промелькнула ехидная мысль.

— Давайте дня через два, а?

Володя пожал твердую ладонь и вышел. «Надо было мне быть с ним пооткровеннее, — казнил себя он по дороге в «Дубки». — А так только время угробил... Впрочем, он обещал подумать. Так что через пару дней и у него, возможно, будет что сказать о своих молодцах. Тогда можно будет и мне открыться».

На турбазе его ждала ошеломляющая новость: час назад Миша Золотавкин выписался из «Дубков».

— Взял чемоданишко, приняла я у него койку — и до свиданья... — сказала дежурная.

«Вот тебе и операция, — подумал Володя с тоской. — Все коту под хвост». Он позвонил от дежурной на квартиру и услышал в трубке вальяжный бас:

— Квартира Золотавкина.

— Здравствуйте. Мне бы Мишу, — сказал Володя и съежился в ожидании ответа: «Он на турбазе».

— Миша подойти не может. Он болен.

— Он дома, что ли? — чуть не крикнул Володя.

— Дома, но он болен, — строго сказал бас. И положил трубку.

— Тогда еще полбеды, — вслух произнес Володя.

— А какая беда-то? — вытянула шею дежурная.

— Все в порядке, мамаша, — невесело сказал Володя. — До свидания.

...Ему открыл плотный мужчина с мефистофельской бородкой, в голубоватых очках, в засученной до локтя рубашке хаки с погончиками и в джинсах.

— Инспектор уголовного розыска Бибишев, — сказал с порога Володя. Сейчас у него не было настроения деликатничать.

— Превосходно, — неприязненно отозвался человек с бородкой, и Бибишев узнал телефонный бас. — Аркадий Александрович Золотавкин. Я вас ждал... э-э... простите?..

— Владимир Федорович.—Бибишев протянул удостоверение.

— Не надо, — отмахнулся Золотавкин. — Миша мне рассказал.

Повернувшись к Володе спиной, он прошел в комнату. Володя пожал плечами и проследовал за ним. Миши в комнате не было. На полу разлапилась огромная медвежья шкура. Другой шкурой, но белой, видимо, козьей — но уж больно велика она была для обычной козы, — была застелена низкая тахта. Напротив порога, над окном, скалилась бронзовая маска, угол комнаты был наискось отгорожен свисавшей с потолка разноцветной бамбуковой занавеской. Причудливые маски Володя увидел через открытую дверь и в другой комнате. Там, похоже, был настоящий музей.

Аркадий Александрович, заметив, что инспектор оглянулся на маску, уголком дрожащих губ натянуто усмехнулся.

— Бенин, — сказал он. — Мне пришлось там работать. Знаете, где это?

Поскольку Бибишев не знал, он промолчал. Золотавкин еще раз усмехнулся, но уже снисходительно:

— Западная Африка... Но давайте к делу. — И он кивнул на кресло.

— К делу так к делу, — кивнул Володя, садясь. — Говорите, все рассказал?

— Вот именно. Он позвонил мне на работу, сказал, что заболел. А когда я приехал в «Дубки», рассказал. И я забрал его домой...

— Так он болен или нет?

— У мальчика сильнейшее нервное потрясение, — угрожающе пророкотал Аркадий Александрович. — Дурацкое озорство ему дорого обошлось.

— Извините, что вы называете озорством? — поинтересовался Володя.

— То, что вы готовы назвать преступлением, — фыркнул Золотавкин. — Вот, я приготовил.

Он встал, пошел к столу. Нежно прозвенел бамбук. Вернувшись, Аркадий Александрович протянул Бибишеву пухлый конверт с деньгами.

— Что это? — прищурился Володя, и пальцем не шевельнув.

— Как видите, деньги. Ровно триста. Те самые, которые с провокационной целью кто-то подсунул моему сыну.

— Вот как? Разве он не сам их получил на почтамте?

Однако Аркадий Александрович, очевидно, продумал разговор хорошо.

— Сам. А какой мальчишка удержится... Из любопытства хотя бы. Так что, Владимир Федорович, будем считать инцидент исчерпанным. Миша себя уже наказал. И от меня ему будет. И от школьной общественности, я думаю, влетит. Вы ведь обязательно сообщите в школу о его идиотской выходке, не так ли?

Терпение Бибишева истощилось. Он пригладил усы, подумал и поднял глаза на Золотавкина, ловя взгляд.

— Вот что, Аркадий Александрович, — сказал он тихо. — Давайте не путаться в терминологии. «Инцидент», «выходка», «озорство»... О чем это вы? Ваш сын совершил преступление. Признание, которое он сделал, смягчит наказание, но отвечать придется по статьям Уголовного кодекса, а не на классном собрании... Спрячьте деньги, Аркадий Александрович, и, прошу вас, не притворяйтесь больше, что не понимаете сути того, что произошло.

Зло блеснули очки.

— Не превышайте полномочий, молодой человек, — пророкотал Золотавкин. — Преступник он или нет — это может определить только суд, но до него, слава богу, не дойдет. Я это вам гарантирую, товарищ Бибишев! У меня есть имя, я оперировал... Со мной считаются и не позволят пачкать... Кстати, я в прекрасных отношениях и с вашим начальством, так что... Не советую меня запугивать, Владимир Федорович!

— Это вы меня запугиваете, — спокойно возразил Володя. — А уголовное дело уже заведено — это к сведению.

Золотавкин расстегнул на рубашке пуговицу, ему было душно. Он встал и быстро зашагал по комнате от двери к окну и обратно.

— Хорошо, — сказал он, стараясь смягчить интонацию. — В таком случае давайте вместе думать, как выкрутиться... То есть, найти какой-то... что ли... м-м... компромиссный выход. Мише надо помочь, он еще ребенок, в конце концов!

Последние слова он в сердцах выкрикнул, на что жалобно отозвалась тонкая хрустальная ваза на полке.

— Вы меня принимаете за кого-то другого, — холодно-кровно заметил Володя. — Моя работа — не прятать концы в воду, а ловить преступников. Помочь Мише может только он сам. Я затем и пришел к вам. Хотел дать ему сегодня серьезное поручение...

— Исключено! — Золотавкин решительно потрянул бородкой. — Я накачал его транквилизаторами, он не проснется до утра. С ним была истерика... — добавил он приглушенно и отвернулся.

— Досадно... — Володя встал. — Прошу вас поддержать сына дома, из города не выезжать. Извините, должен идти. Один только вопрос хочу вам задать: у Миши часто в руках бывают деньги... солидные деньги?

— Бывают. Хотя... что значит солидные? Для кого как. Но он, я знаю, сам зарабатывал с ребятами из школьного ансамбля. Дарю ему на дни рождения. Я считаю, что человек с молодых ногтей должен знать цену деньгам — и как достаются, и как они уходят. На модную одежду я почти не трачусь — он как-то вертится сам. Покупает, перешивает. С кем-то меняется порой, но вкус у него есть. И хорошую вещь от «кича» отличит. Знаете, что такое «кич»?

Не отвечая на вопрос, Бибишев зло сказал:

— У фарцовщиков тоже неплохой вкус. Тем дороже он людям обходится.

— Вы молоды, но консервативны, — усмехнулся Золотавкин. — Так называемых фарцовщиков породила сама жизнь. Люди жаждут получить эстетическое удовлетворение от красивых вещей, от модной одежды. А где их взять? Вот и находятся практичные молодые люди...

— Извините, мне пора, — буркнул Володя, открывая дверь.

«Елки-палки, — горестно подумал Бибишев, спускаясь по лестнице. — Мне ведь еще разговор предстоит... Может, отменить операцию? Перенести? Ни Гена-Крокодил, ни его родители психологически не готовы к такому...»

Он шел мимо огромных рыжих домов, словно убегающих от города к Волге, и тысячами зайчиков сверкало в их окнах солнце, заканчивавшее свой горячий трудовой день. За каждым из окон — папы, сыновья, мамы, биографии, конфликты, принципы, судьбы... Как мало он знает людей в их великом и интереснейшем разнообразии... Как легко было бы работать, будь у него стаж, скажем, полсотни лет, когда каждого, вероятно, видишь насквозь и когда можешь знать заранее, что тебе скажут, как себя поведут, на что способны люди, с которыми ты встречаешься даже впервые в жизни.

Володя остановился. Видимо, подумав о визите к родителям Гены, он дал толчок подсознанию, и ноги сами вынесли его на противоположную сторону Ново-Садовой, за трамвайные пути. Отсюда до улицы Мичурина рукой подать.

Бибишев взглянул на часы: начало шестого. «Может, уже пришли с работы? — подумал он. — А если нет, поговорю пока с самим Геной. Никуда не деться: запасной вариант недаром запланирован».

Но особой уверенности в том, что он кого-либо застанет у Дергачевых, не было. Большого желания — тоже: Инна рассказала ему, какой моралист и зануда Дергачев-папа. Поэтому он приятно удивился, когда на звонок женский голос ответил:

— Минутку, сейчас!

«Итак, дома мамаша, — отметил Володя. — Но без отца тоже не обойтись, к сожалению. Как и без сына».

Инна Шиманская не слишком подробно, но красочно описала родителей Гены Дергачева, и когда в прихожей Володя увидел вальяжного усача, ему даже показалось,

что он уже видел Феликса Михайловича. Жена была здесь же, но она была значительно моложе той женщины, о которой говорила Инна. Впрочем, женщины к себе подобным не бывают объективны.

Супруги Дергачевы вопрошающе, но без особого любопытства смотрели на Володю.

— Здравствуйте, я из милиции, — устало сказал Бибишев. — Пожалуйста.

Он протянул удостоверение, Дергачев взглянул.

— Вот как, — сказал он спокойно. — Теперь уже из уголовного розыска. Это что-то новое. Проходите! — И плавным жестом показал, что пройти надо в кабинет.

Сидя в кресле под книжными бастиянами, уходящими к потолку, Володя ждал, что Феликс Михайлович поинтересуется, зачем пожаловал к ним инспектор угрозыска. Но супруги молчали. Тогда спросил Володя:

— Дома ли ваш сын?

— Нет, но скоро придет.

— Я вижу, вы не удивлены.

— Начинаем привыкать, — сказала с горькой иронией Елена Игнатьевна. — Второй визит подряд.

— Вы ждете наших вопросов? — Отец Гены хмыкнул. — Естественно. Но знаете... Если есть что, рассказывайте сразу. Или спрашивайте. Вряд ли я могу взять инициативу.

— Хорошо, — кивнул Володя. — Мне есть что рассказать.

Он сжато, не пытаясь смягчать формулировки, изложил Дергачевым историю угона «Жигулей» № УКВ 21—67... Выражения лица матери он не видел — она стояла за спиной, — и только слышно было частое дыхание. Феликс Михайлович слушал рассказ инспектора с каменным лицом, но когда дошло до получения Геней перевода, дернул подбородком и откашлялся. Однако дослушал, не перебивая.

— Это фантастично, — сказал он севшим голосом и снова откашлялся. — Лена, прекрати!

Прижав ко рту платок, Елена Игнатьевна слепо ткнулась в стеклянную дверь, открыла ее и выбежала из кабинета.

— Я не спрашиваю, проверено ли все... — Феликс Михайлович постепенно овладевал голосом. — Наверняка вы знаете свое дело... С кондачка такое... не говорят. Он будет отвечать... За все надо отвечать... Не могу смириться с мыслью, что Гена из-за денег... ужасно....

— Причины могут быть и другие, — мягко сказал Бибишев. — Только анализировать будем потом. Я пришел к вам не для того, чтобы проинформировать вас. Нужна ваша помощь.

— Моя помощь? — Отец Гены с сомнением взглянул на инспектора.

Щелкнул дверной замок: кто-то вошел в квартиру. «Рановато он явился, надо бы с папашей закончить», — с сожалением подумал Володя.

— Да, ваша помощь, именно ваша... — Володя тянул, чтобы выяснить, Гена это или не Гена.

— Мам, чтоб я эти брюки противные хоть раз надела... — раздалась девчоночья скороговорка в прихожей, и тотчас в кабинет заглянула высокая тоненькая девочка с русыми волосами, падающими на плечи. Козьи глаза безразлично скользнули по Бибишеву. — Пап, а мама дома?

Отец только взглянул из-за плеча — дочь немедленно испарилась. В глубине квартиры послышался ее не слишком внятный говорок:

— Мам, а кто это у нас?

— Я не знал, что у вас еще дочь, — сказал Бибишев, чтобы хоть что-то сказать.

— Дочь, — тускло отозвался Феликс Михайлович. — Наташа, в седьмом классе. Гуляла с собакой. Так чем я могу помочь?

— Сейчас, когда придет ваш сын, мы с вами должны убедить его, во-первых, признаться в совершенном преступлении — это очень важно для него самого. А во-вторых, помочь милиции задержать более серьезных преступников. Тех, кто его втравил.

— Опознать?

— Вряд ли он их знает в лицо. Может, кого-то и знает, но не главных. Конспирация у них на высоте. А сделать он должен вот что: снова, но под нашим контролем угнать, то есть якобы угнать, «Жигули» и поставить их в условленное место. И все.

— Но ведь это опасно! — Феликс Михайлович поднял на Бибишева светло-голубые глаза. — Рисковать сыном? Знаете...

— Мы позаботимся, чтобы риск был минимальным.

— Но полных гарантий, конечно... — Он снял очки, опустил голову.

— Да, — твердо сказал Володя. — Полные гарантии

дает только господь бог. И то по слухам. Но мы сделаем все возможное.

Феликс Михайлович надел очки, посмотрел Бибишеву в глаза.

— Хорошо. То есть хорошего мало, но я согласен. Он считал себя мужчиной, когда крал машину, так пусть докажет это на достойном деле. Иначе я совсем перестану его уважать. И себя — тоже.

Раздалось тихое постукивание, и в кабинет вошел черный, с проседью на спине и ногах спаниель. Взглянул на хозяина, помахал обрубок хвоста и ткнулся мокрым носом в ладонь Бибишева.

— Уйди, Джуди, — негромко произнес Дергачев.

Собака с грустью скосила на него влажные глаза и лапой тронула Володино колено.

«Просит за хозяев, что ли? — мелькнуло у Володи. — Инстинкт?»

— На место, Джуди! — резко скомандовал Феликс Михайлович.

Собака вздохнула и, чуть не волоча уши по полу, по-нуро вышла из кабинета. «А папаша у Гены не нудный, а просто строгий мужик», — решил Володя.

— У меня к вам просьба... — Дергачев замялся, подбирая нужное слово. — Вы мне верите? Нет, вы доверяете мне? Короче, вот что: наш Геннадий — непростая натура, сходится с людьми плохо. Самолюбив невероятно и... Позвольте мне самому поговорить с ним обо всем, а вы часа через два зайдите... Так будет лучше.

— Годится. — Бибишев встал. — А жену... Вы подготовите ее, или она будет не в курсе?

— Она женщина мужественная. Слезы — это первая реакция, а так — кремьень... Значит, примерно в восемь вечера, хорошо?

...Эти два часа инспектор Бибишев использовал, что называется, на полную катушку: побывал на Поляне Фрунзе, осмотрел в тупике место засады, проинструктировал членов своей оперативной группы, лично проверил предназначенные к угону «Жигули». В восемь вечера — минута в минуту — он позвонил в квартиру Дергачевых.

На этот раз беседовали в гостиной. Мать держалась на удивление: следов слез не видно, даже улыбнулась Володе. Феликс Михайлович был все так же сдержан. Наташку послали к подруге. Володя сел в кресло возле длинного журнального стола, напротив, тоже в кресле, сидела Еле-

на Игнатъевна. Феликс Михайлович из прихожей прошел в дальнюю комнату. Вернулся, молча сел на диван справа от Володи. Через минуту в гостиную вошел Гена Дергачев, «Крокодил». Что-то промелькнуло у него в глазах, когда он еще из дверей взглянул на Бибишева: видимо, вспоминал, где видел. «На почтамте, друг, на почтамте», — сказал про себя Володя. Ему понравилось, что паренек был воинственно серьезен, не казался угрюмым, враждебно настроенным. Нет, решимость была даже в походке, когда шел к дивану.

— Инспектор Бибишев, Владимир Федорович, — без интонаций проговорил Володя.

— Геннадий согласен участвовать в вашей операции, — тоже без эмоций в голосе сказал отец. — Он понимает, что вину надо искупить.

Юноша кинул на него сердитый взгляд.

— Я не замазываю грехи, — ответил он твердо. — Надо — значит надо. Только при одном условии... Я не скажу, кто мне... кто меня...

— Я тебе сам скажу, — поспешил на помощь Володя. — Ее зовут Ляля, симпатичная модная девушка и тэ пэ. Так что ты никого не предаешь. Она такая же пешка, как и ты. Нас интересуют крупные фигуры.

Он попал в точку, хотя его слова и не были экспромтом: по дороге с Поляны Бибишев продумал этот разговор. Он был уверен, что и Лешу, и Гену, точно так, как и Михаила Золотавкина, вербовало одно и то же лицо. И угадал: при упоминании о Ляле юноша вздрогнул. Володя и стремился к тому, чтобы Гене не пришлось самому называть Лялю, догадавшись, что девица задела его за живое.

— Я ничего сообщать вам не намерен, — упрямо сказал Геннадий, сжимая добела правой ладонью левую. — Я правда ничего не знаю.

«В свое время скажешь, — мысленно возразил ему Бибишев. — А покамест можешь рисоваться перед собой сколько угодно».

— Ладно. Будем говорить только о самой операции, — сухо сказал он и раскрыл блокнот. — Только что я был на Поляне Фрунзе... Вот схема...

Три головы склонились над блокнотом. Лишь Елена Игнатъевна сидела в кресле неподвижно, словно ничто ее не касалось. Губы ее кривились, но что это было — полуулыбка или гримаса боли — разбираться было некому...

Ночь была душной, и из распахнутых окон и балконов во двор неслись душераздирающие крики: люди досматривали очередную серию сибирской телетрагедии. А в прошлый раз было темно и тихо, и только сердце грохотало так, что, казалось, слышно было на расстоянии. Врезалось в память, как поскрипывали проволоочки в замке, как неприятливо взглянула на него глазами приборов машина, когда он включил зажигание, — да, именно взглянула на чужого, на вора. А сейчас она была даже не заперта. Правда, не было и ключей и точно так, как в тот раз, надо было включить зажигание, переставив контакты.

Чуть нажимая на акселератор, Геннадий на второй скорости выехал из двора, включил правый поворот, вырулил на улицу Челюскинцев и прибавил скорость. Несмотря на поздний час, на тротуарах было довольно много людей, но почти все шли от трамвая вверх — возвращались домой кто из кино, кто из-за Волги, а кто из гостей. На Ново-Садовой, на которую, как на вертел, нанизана прибрежная часть города, мелькали белые и красные огоньки автомашин. Притормозив на перекрестке, Геннадий пропустил сумасшедшее такси и повернул направо. Здесь, на главной магистрали, сворачивать ему не надо будет долго, до самой Поляны Фрунзе... Теперь можно подумать...

Странное дело, но едва лишь отец начал говорить, как Гена сразу понял, что его тайна — уже не тайна, и испытал огромное облегчение. Невыносимо было жить, испытывая унижительный страх всякую минуту, при каждом взгляде и случайной фразе. «Мне кажется, ты не трус», — сказала она. Ему самому казалось так. Пока не пришлось проверить себя не на словах, а на деле.

Откуда этот усатый инспектор знает Лялю? Неужели она преступница, склоняющая таких, как он, Крокодил Гена, дурачков на темные делишки? Этого не может быть. Но тогда почему она не показывается на глаза? Ведь не для себя, а ради нее пошел он, Геннадий Дергачев, 16 лет, комсомолец, русский, 9 классов, на самое настоящее преступление, за которое судят и сажают. И пошел вполне сознательно.

Стоп! Только не превышать скорость! Не хватало еще, чтобы остановил гаишник... Откуда столько народу? Ну да, московские гастролеры выступали в «Звезде». А трамваев что-то нет, ни один не попался навстречу.

Сбавив скорость, он перевел «Жигули» в крайний правый ряд. Надо все вспомнить в деталях, вспомнить и проанализировать, как было. Началось... Ага, конечно: подвернутая нога. «Молодой человек, ну что же вы! Помогите!» На следующий день нога у нее уже не болела... Но что из того? Вполне могла и пройти... Итак, под локоток, к лавочке. И сразу отметил: «Красивая... Но — не по зубам, ей уже за двадцать». А она: «У вас честное лицо, я вам доверяю. Проводите меня, это недалеко». Так, так... Уцепилась за локоть, прижалась, захромала с гримасой боли.

«Неужели ломала комедию?» — подумал Гена и, стиснув зубы, нажал на акселератор. Машина сделала рывок, завизжали тормоза. Нет, так гнать нельзя, надо взять себя в руки...

Что еще она говорила тогда? «Невыносимо хочу пить, давайте посидим минутку. Вон в том кафе...» А у него в кармане — сорок пять копеек. «Да бросьте церемонии! У вас нет денег? На сок у меня есть. Все-таки унижительно, что женщина якобы не вправе угостить мужчину. Наверное, от принятого взгляда: мужчина угощает женщину, а она ему — что-то взамен... Противно, не будьте, Геннадий, пошляком, идемте пить сок». Да, они тогда уже познакомились, когда зашли в кафе, точно... Он все боялся, как бы Ляля не спросила, где учиться, и тогда придется признаться, что десятиклассник, салага. Она не спросила, обронила другое: «Студентам и не положено иметь деньги, так, по крайней мере, считается...» А он смолчал. Позорище... А еще стыдней было потом, когда она, мельком взглянув на его джинсы с олимпийскими колечками, с сочувствием спросила, но не обидно, мягко: «Родителям, небось, туговато приходится?» Он тогда чуть не ушел из кафе. Но не ушел, а сказал со злостью: «Не туговато. Полтыщи имеют». Получилось — похвастался, а она рассмеялась: «Знакомый случай. Семейные казематы». Потом рассказала, что подрабатывала прошлой осенью, на каникулах, в худучилище позировала. «Ну, не обнаженной, естественно. Парням заработки даются проще. Муж моей подружки, например, три сотни за вечер...» — «Как это?» — «Да вот так...» Она замяла разговор.

А потом, что было потом? Они сидели на набережной, говорили и говорили... И он ее поцеловал в щеку, глупо, по-детски. А она усмехнулась и сказала, что никогда бы не подумала о нем такого. Что он решится... Потому

что она стара для него и ей горько это осознавать.

Он проводил ее до подъезда Дома специалистов. А там ли она живет на самом-то деле? Нет, нельзя, нельзя не верить человеку только потому что какой-то милиционер... Но откуда же он знает ее?

Так вот почему не ходят трамваи: авария! Этот злополучный Овраг Подпольщиков — вон сколько вагонов скопилось на горе! Но его это не касается — есть где проехать, и ладно...

Нет, она не могла ему так искусно врать! У нее были заплаканные глаза — ну их, скажем, можно и луком потереть, — но ведь он сам вырвал у Ляли признание, она так упорно молчала! Это уже на другой день, когда они раз по пять исшагали обе набережные. «Зачем тебе мои недетские заботы?» — сказала Ляля сквозь слезы. Любимая девушка Ляля... Гена целые сутки жил ожиданием встречи, а она в слезах. Правда, все же открылась: оказывается, она неправильно оформила на себя комнату после смерти бабушки, теперь ее должны выселить. И выселят, если... Если она не сунет этой мрази — домоуправу две сотни. Всего две сотни—и в них судьба Ляли! Сначала мелькнула мысль: попросить у отца, но как представил... Брр, аж тошно стало. И тогда он вспомнил и спросил, как это заработал муж подруги три сотни всего за один вечер...

Не могла она врать, не могла!.. Только теперь деньги к ней уже не попадут. Кон-фис-ка-ци-я... Странно, что это слово — из детективов, нереальное — соотносят теперь с твоей личностью, Геннадий Дергачев. Но пусть они ему хоть руки выкручивают, он не скажет о Ляле ни слова. В конце концов, угоны — не ее бизнес, а чей-то, тех, о ком он, Гена, заботиться отнюдь не обязан и не хочет.

Вот и Поляна... И тут трамваев полно. Наше дело постороннее: поворот налево — и вниз, к Волге. Не прозевать бы одиннадцатую. Вот она, кажется, эх, черт, проскочил!..

Гена скрипнул тормозами, развернул машину, включил фары и медленно повел «Жигули» по безлюдному проулку. Только в редких домиках за крепенькими заборами светились окна: намаявшись в садах за день, дачники спали. Доехав до конца линии, Гена тихонько завел «Жигули» в неширокую просеку в осиннике. Все. Первое в жизни поручение советской милиции он выполнил, точка! Нет, еще не все. Выйдя из машины, осмотрел ее.

Взяв под колесами пригоршню пыли, швырнул на ветровое стекло. И вывел пальцем большое «К».

Теперь действительно было все. Отряхнув руки, Гена побрел по переулку. Облегчение? Нет, пожалуй, это было иное ощущение: ему сейчас просто не хотелось ничего. И если бы ноги механически не передвигали его по глухому переулку, он с удовольствием лег бы в пыль и лежал, ни о чем не думая. Опустошение — так, видимо, называется это чувство.

...Не прошло и четверти часа, как сторож, он же ночной кочегар летнего детского сада Григорий Иванович Карасев вышел из котельной в проулок и не слишком твердыми шагами направился к рощице. Бормоча под нос нечто одному ему известное, он обошел вокруг оставленных Геннадием «Жигулей», чиркнул спичкой.

— Значит, «кэ», — сказал он вслух. — «Кэ» так «кэ», наше дело солдатское. Не запомнить бы...

И побрел назад. Однако в котельную не зашел. Достал брякнувшую связочку ключей, двинулся к длинному, в один этаж строению детсада. Открыл дверь. Славшая в вестибюле на раскладушке старенькая санитарка забурчала, посмотрела на него из-под руки и отвернулась к стене, когда Григорий Иванович стукнул дверью. Кочегар присел к тумбочке на белый табурет и придвинул поближе телефон. Наморщился, припоминая. Раздавленным пальцем с трудом набрал номер. Послышались длинные гудки, трубку никто не брал. Григорий Иванович терпеливо ждал, клюя носом и чуть не падая с табурета. Наконец он, не кладя трубку, пробормотал в нее:

— Непорядок, понимаешь... — Оставил в покое телефон и, касаясь рукой стены, медленно выбрался во двор детсада, тускло освещенный лишь у входа. — Непорядок! — громко повторил он и рубанул воздух рукой. — Значить, чертова холера, к Курку надо иттить... Шляются! Надо иттить...

Приняв решение, он присел на ступеньку, облокотился левой рукой на край перил, а правой принялся искать в кармане штанов папиросы. Привалился к перилам спиной, пробурчал что-то и уснул.

Его манипуляции на крыльце были очень хорошо видны лейтенанту Саврасову, сопровождавшему Григория Ивановича от машины до детского сада. Наблюдал Виктор также, как кочегар звонил. Только номер, им набранный,

и слова, сказанные в трубку, остались, к сожалению, для него тайной. Непонятными были и восклицания на счет Курка. Убедившись, что Карасев спит, Саврасов оставил его под присмотром одного из участников засады, а сам вернулся в рощицу к «Жигулям». Он был на все сто процентов уверен, что кочегар, сообщник автомобильных воров, сообщил им о новом угоне. Оставалось ждать появления главных действующих лиц.

Только ждали они их зря. И Володя Бибишев совершенно напрасно провел бессонную ночь в душной комнатке оперпункта на Поляне Фрунзе. Никто за «Жигулями» в ту ночь не пришел. В пять тридцать утра — кочегар все еще спал безмятежно на крылечке — Саврасов сел в машину и отогнал ее в город. Карасева решено было пока не брать.

В девять сорок пять в кабинете заместителя начальника УВД неудача операции «Жигули» подверглась тщательному анализу. Что спугнуло преступников? Сразу отмечена была версия о том, что подозрительной могла показаться сама машина. Хотя она и принадлежала ответственному работнику управления, номер у нее был самый «демократичный» — без престижных нулей. Может быть, Гена Дергачев нечаянно или — чем черт не шутит? — сознательно нарушил какое-то условие, расшифровал лжеугон? Против этой версии Бибишев восстал категорически, но снять ее все же не сняли. Непонятно было, что могло смутить кочегара. Людей в засаде он видеть не мог. Слежку за собой — тоже. Условный значок он рассмотрел... Может, не дозвонился? Но Саврасов прекрасно видел, как тот шевелил губами, что-то говоря в телефонную трубку.

Полковник, юношескую худощавость которого еще более подчеркивал новый, отлично сшитый костюм, шагал по кабинету, бросая вопросы, на которые Бибишеву отвечать было порой нелегко. Но вот полковник, остановившись, потер подбородок, сказал негромко:

— А ты не связываешь неуспех операции с твоим посещением автокурсов? Не спугнул ли ты кой-кого?

— Но я говорил только с заведующим... — начал было Бибишев и осекся. В самом деле, а что, собственно, знал он о Мангосове?

— Не исключено, — сказал он. — Проверим, товарищ полковник, сегодня же.

«А ведь это очень важно, что все трое ребят — с курсов... — подумал Володя. — Попробуем поискать здесь...»

...И откуда было знать им, милицейским полковникам и старшим лейтенантам, что операцию «Жигули» сорвала несчастливая любовь. «Шерше ля фам...» Так вот и случилось, что классический ключ к бесчисленным трагедиям, в том числе и мирового масштаба, это знаменитое «ищите женщину» не было учтено уголовным розыском.

Впрочем, женщину искали. Ту, полненькую красотку Лялю. Но она-то как раз и была ни при чем. Операцию сорвала милая, быть может, по строгим меркам, не слишком и красивая девушка Валентина Назарова, студентка политехнического института. Девушка, которую любил Вадим Сорокин, тоже студент. Вадим Сорокин, которого не любила Валентина Назарова.

В течение всей этой недели, нечетной, Вадим Сорокин обязан был ночевать дома. Именно обязан — никак не меньше, что бы ни случилось. Четные недели были дежурством Курка. Согласно договоренности, они могли иногда подменять друг друга. Но только по договоренности. Условия были жесткими: нарушишь — заплатишь дорого. Настолько дорого, что об этом не хотелось думать. Как-то, будучи в настроении, Шеф прочитал им детский стишок, кажется, английский. О том, как в кузне не было гвоздя, отчего захромала лошадь, которая везла командира, поплатившегося жизнью из-за этой мелочи... «В нашей фирме все отлажено, как в часовом механизме, — сказал он тогда. — Оттого и дело всегда выгорает. Стоит винтику отказать — весь механизм замрет. То есть всем нам хана. Для воздушного шарика достаточно одного прокола».

Шеф редко бывал говорлив, разве что в подпитии. Зато уж выражался красиво. Но не его красноречие сыграло главную роль в приобщении Вадима к делам «Чужмашсбыта», как назвал однажды Шеф их... как бы это сказать? Фирму? Так выражался Шеф. Организацию? Чересчур уж торжественно и официально. Может быть, коду? Так мог бы выразиться Курок, но он терминологии чуждался, как и вообще трепотни. Курок — человек дела. Сам же Вадим подобрал, он считал, подходящее словечко — «кумпанство». Вычитал его в книжке о петровских временах. Он знал, что оно значит то же, что и «компания», в смысле торговая, но «компания» в наши дни — слово истрепанное. Действительно, «компания блатная»... Нет уж, именно «кумпанство» — в этом что-то есть.

Озирая свое коротенькое, но пестрое прошлое, Вадим прекрасно понимал, что не случайно повстречался ему такой человек, как Шеф. Перебор вариантов жизнепрепровождения Вадим заканчивал. Он поучился в авиационном, куда поступил не без содействия сверхуважаемого в городе отчима. Он не столько поработал, сколько поболтался на метеостанции в качестве радиста: специальность эту получил в армии. Месяца четыре пел в ресторанном ансамбле. Месяц работал в радиоателье, где было не пыльно, но муторно. Сейчас он опять студент, теперь пединститута. Переполз на второй курс условно, эдакой двухвосткой. И чувствует, что вряд ли нога его будет в институте нынешней осенью.

Он бы возмутился, если б кто-то упрекнул его в чрезмерной любви к деньгам. Он не испытывал к ним никакого благоговения — мог бы, к примеру, сжечь пачку сторублевков, не испытывая никаких эмоций. И заграничные тряпки его не волновали, как и вещи вообще. Ему всегда хотелось одного: чтобы не было помех, когда хочется, и не было насилия над собой, когда не хочется. Только и всего. Деньги были для Вадима лишь средством укорачивания пути к цели, устранения хандры, удовлетворения мимолетных желаний, нейтрализации раздражителей.

Однажды, рисуясь перед случайной знакомой, он сказал о себе, что стоит «по ту сторону добра и зла», — выражение, которое понаслышке знал от Шефа. Это не значило, что Вадим считал себя сверхчеловеком, и Ницше он никогда не читал. Просто он не привык задумываться над нравственными категориями, и когда вставала альтернатива, он всегда выбирал то, что приятнее. Только и всего.

С Шефом он познакомился в ресторане «Цирк», сидели за одним столиком. Время было не позднее, свободных мест в такую пору много, и к ним никто не подсаживался. У Вадима в тот день были неприятности — поругался с матерью, прижали в деканате. Короче, были основания развешать грусть, чем он и занимался с усердием, так что когда к нему за столик сел худощавый смуглолицый человек, Вадим был уже порядком на взводе. Сосед заказал дорогой коньяк, и беседа завязалась незаметно — о том о сем. Вадим разоткровенничался — потом сам удивлялся, как это вышло, — и, впав в меланхолию от собственных слов, сказал, что «ненавидит эту плебейскую жизнь».

— Люди делятся на две категории: кого потребляют и

кто потребляет, — заметил смуглый человек. — Звучит не слишком красиво, но разве в звучании суть? Зря вы, Вадим, экономите энергию.

— Какую энергию? И что значит — экономлю? — удивился он.

— Для того чтобы поднять с земли булыжник или золотой слиток, нужно одинаковое усилие. Вы предпочитаете булыжник.

— А вы? — грубовато спросил Вадим.

— Речь о вас. Может, черт с ним, с этим балаганом? — Смуглый показал подбородком на зал. — Идемте ко мне.

Официантка принесла ему две бутылки марочного коньяка и в пакете с десятков бутербродов с паюсной икрой. Расплачиваясь, сосед Вадима вынул из бумажника пятидесятирублевку. Одну из многих, как разглядел Сорокин.

— Хватит? — спросил смуглый человек и встал из-за стола.

На квартире у Шефа — так его стал звать Вадим, когда их связало общее дело, — они выпили всего полбутылки, но когда хозяин куда-то позвонил и пришли две девицы, Вадиму пришлось сбежать в магазин и купить — естественно, не за свои — еще две бутылки пятизвездочного. Как и когда он пришел домой, Вадим не помнил. На следующий день он снова был гостем Шефа, а еще через три дня тот пригласил его прокатиться «куда-нибудь, где не так вонько». Отъехав от дома на километр, Шеф попросил Вадима сесть за руль его «Жигулей», поскольку знал, что права у Сорокина есть. Они катались довольно долго — и по самым оживленным улицам, где как раз было «вонько», и по московской магистрали, и по проселкам.

— Ты профессионально водишь, — сказал ему Шеф. — Такое мастерство — это тоже капитал.

Вадим удивился и обиделся: что, шофером идти работать, что ли? Стать леваком? Таксистом? Понял он смысл этих слов вечером, когда они вдвоем на шикарной квартире Шефа дегустировали сокровища его бара.

— Нужно отогнать «жигуленка» в Ростов, — сказал Шеф, потягивая только что сочиненный «манхэттен».

— Вашего? — тупо спросил Вадим.

— А если без вопросов? — сощурился Шеф. — Твой гонорар — тысяча рублей. Документы в ажуре. Передашь новому владельцу, а он тебе даст для меня посылочку. Назад — поездом или самолетом. Вот и все.

Ни секунды не колеблясь, Вадим Сорокин принял пред-

ложение Шефа. И сразу свалился камень с души: он был должен и Шефу, и Валентине, и одному парню из группы... Наверное, рублей около четырехсот, не меньше. Но какую машину он должен отогнать?..

Вот так и вошел студент Сорокин в «кумпанство». Он понятия не имел, откуда и кем доставляются в тупичок на одиннадцатой линии «Жигули». Знал одно: в неделю его дежурства с двадцати ноль-ноль и до утра он должен был находиться дома. Непременно трезвый и непременно выспавшийся днем. Ночью — какой именно ночью, это как раз и не было известно—ему должны были позвонить и спросить: «Это здесь проживает...?» И далее — фамилия: Кошкин, Мышкин, Собачкин, Хомяков...—тут важна была первая буква фамилии, та самая, что написана на пыльном ветровом стекле. После чего Вадим немедленно звонил Шефу: сообщал букву и, получив «добро», отправлялся на Поляну Фрунзе. Фальшивой доверенностью на автомобиль, документами на машину и номерами Шеф их снабжал заранее. Номера Вадим менял, свернув с магистрали на дорогу к дому отдыха «Волжская жемчужина», не доезжая птицефабрики. Ночью там движения практически не было.

А потом... Без сна, без отдыха: Жигулевск — Пенза — Воронеж — Ростов. А там — уютный особняк на Советской, усатый армянин, чашка чаю, посылочка в целлофане — и на вокзал: «Один купейный до Куйбышева...»

Четыре раза совершал такие автопробеги Вадим Сорокин в течение этого лета. И с каждым рейсом росла тревога: уж слишком просто, без осложнений проходили путешествия. А сколько кувшину по воду ни ходить, битым быть... Так любила говорить мать. По другому, конечно, поводу. Теперь эта поговорка часто жужжала в ушах Вадима. Зря надеялся он, что появится привычка к опасности и к риску. Черта с два! И сейчас, после своего четвертого по счету турне, он поклялся, что съездит максимум еще три раза. Пес с ней, с «Нивой», можно в конце концов купить и «Запорожец». Впрочем, деньги утекали из карманов, как вода из дырявой кастрюли. Он даже не знал точно, сколько их у него сейчас в зачатке. Две тысячи? Около трех? Полторы? Может, не покупать машину? Но как обидно будет: рисковал-рисковал—и фуганул все без следа! А машина нужна, с нею сразу переходишь из плеев в первый сорт. Но и кончать с «кумпанством» пора, ой как пора...

Страх, которые мучили Вадима при последнем возвращении, оставили шрам в душе. Теперь он боялся, что в следующий раз будет бояться еще сильнее. А когда так трусишь, владеть собой трудно, сорвешься как пить дать. «Нервы полечить, что ли? — угрюмо думал Вадим, отлично осознавая, что ни к каким врачам он не пойдет. — Становлюсь психом, так и шизануться недолго...» Где-то от кого-то он слышал, что лучшее лекарство в таком состоянии — положительные эмоции, развлечения и удовольствия. Но мелкие радости, вроде ресторанного балдежа с девочками, его не очень-то волновали, это все быт. А серьезные эмоции у Вадима были связаны с Валентиной. К сожалению, были они, эти самые эмоции, отнюдь не положительные: от Валентины он уходил с развороченной душой и исцарапанным самолюбием. Но порвать с ней не мог. Наверное, потому, что ее к нему отношение будило в Вадиме куда-то далеко и глубоко загнанный комплекс... Даже не то что неполноценности, а собственного ничтожества. Он знал, что нравится девушкам, — высокий, ладный, всегда модно одетый, у него был хорошо подвешен язык, впечатляющая, хоть и «пеночная» эрудиция, он держался уверенно и свободно в любом обществе. Но бывали минуты, чаще ночью, а иногда и днем — скажем, на трибуне стадиона, в кафе, — когда он буквально корчился, глядя на себя со стороны. Он боялся подумать, что Валентина видит его микроскопическую сущность, наверное, потому ему так нужно было, чтобы именно эта резкая на язык, умная и в то же время веселая — с другими! — девушка поддалась ему, отступила, признала Вадима Сорокина личностью. Насколько легче стало бы ему... И операции «Чужмашсбыта» наверняка не травмировали бы тогда психику, потому что уверенность в себе, а вовсе не бравада дают человеку покой.

Сегодня он дважды заходил к Валентине — до обеда и около пяти, — и оба раза не заставал ее дома. Сейчас было около девяти, даже если она дома — не засидишься, но Вадим был настроен на решительный разговор. Нужно прояснить все. Он скажет, что готов на ней жениться, обеспечит ее всем, что душа пожелает, и... что еще, он пока не придумал. Она должна понять и поверить, что нужна ему не как партнерша по танцулькам и любовным утехам, а по-настоящему, навсегда. Сам-то он, правда, в этом далеко не был уверен. Но непреодоленный барьер отравлял жизнь.

Валентина жила в комнате, доставшейся ей при размене большой отцовской квартиры. Отец, известный в городе художник-оформитель, оставил семью, женившись на выпускнице художественного училища, где преподавал, и теперь жил с милой примерно в таком же убогом шалаше, как и старшая дочь. Бывшей жене и второй дочери досталась отдельная двухкомнатная квартира. Но отец при редких встречах говорил, что счастлив: разница в двадцать четыре года не мешала юной супруге боготворить его. А вот Валентина, зажившая самостоятельно, не была счастлива—уж это она знала наверняка. Свою будущую профессию инженера-энергетика она не любила, с друзьями почти всегда была в натянутых отношениях — слишком требовательная к другим, себе она позволяла многое. Например, могла оборвать на полуслове, высмеять при всех, менторским тоном прочитать нотацию, полную сарказма. В общем, других Валентина не щадила, но и в одиночестве жить не могла: начинались депрессии, самокопание. Бывало, она целыми неделями пропускала занятия, потом еле раздвигалась с хвостами, изнуряла себя, становясь еще нетерпимее к окружающим.

Вадиму было трудно с ней, его самолюбие было вечно в порезах, но отступить от Валентины он уже не мог: все другие девушки рядом с ней казались преснятиной. Чтобы покончить с этой затянувшейся мукой, надо было непременно разочароваться в Валентине, сказать себе, что она такая же чувиха, как и остальные, и так далее. Однако пока что оснований ждать подобного триумфа не было.

...Он дважды нажал кнопку звонка и с тоской прислушался: неужели опять тишина? Соседи, Вадим знал наверняка, никогда не выйдут на чужой позывной. Он протянул руку, чтобы позвонить еще, как вдруг услышал легкое шарканье.

Скрежетнул запор, тихо звякнул замок. Валентина стояла в дверях. На ней был коротенький зеленый халатик, шпепанцы на босу ногу, светлые волосы всклокочены, на лице ни следа грима. «Никуда, значит, не собирается», — обрадовался Вадим.

— Ты? — Она задумчиво смотрела на него. — Заходи. Только ненадолго, я спать рано лягу.

Сорокин прошел за ней в конец коридора, уверенный, что, по крайней мере, две пары соседских глаз проводили его, глядя сквозь дверные щели.

— Сядешь? — спросила она, указывая глазами на зеленое кресло с обшивкой, до лохмотьев ободранной котом.

— А может, стоя будем разговаривать? — зло бросил Вадим и сел.

— Лишь бы покороче.

Валентина присела на краешек стула, и все-таки голые коленки далеко выползли из-под халатика. Она посмотрела на них, потом на Вадима.

— Выкладывай. Я вижу, что ты не просто так.

— Сейчас выложу. — Вадим сощурился, довольный, что уст-таки Валентину. — Прощу, пани... Это тебе презентик, так сказать...

Он медленно отстегнул медную пуговку, вынул из кармана батника плоскую коробочку, формой похожую на пудреницу. Развернул фирменную бумагу с рекламой ювелирного магазина. На лице девушки разлилась краска, она закусила губу.

— Спрячь, можешь не открывать. Говори и уматывай.

— Сейчас выложу, — повторил Сорокин, чувствуя, что только испортил: разговор, как планировалось, не получился. — Ты все же посмотри. Красиво же!..

Он открыл замочек коробки. На голубом бархатном ложе блеснул, отразив свет люстры, золотой кулон в виде стилизованной бычьей головы на тончайшей золотой цепочке.

— Твой знак — Телец. Ты ведь майская...

Нет, равнодушной Валентина не осталась: взяла кулон, на вытянутой руке покрутила перед собой.

— Чудесная штука, — сказала она ровным голосом. — Откуда? Впрочем, я сама... — Валентина порывисто взяла бумагу, взглянула.

Вадим внимательно следил за ней, разминая сигарету.

— «Посетите магазины Ростовского Ювелирторга», — прочитала девушка с восторженностью, слишком похожей на издевку. — Ты, что ли, опять их посетил?

Она небрежно, почти не глядя, опустила кулон на стол, вынула из пальцев Вадима сигарету. Он чиркнул зажигалкой. Нехотя ответил:

— Когда же мне-то?.. Парень знакомый.

— Фарцовщик? Вроде тебя? — деловито поинтересовалась Валентина.

— Нет, не вроде меня. — Вадим вздернул подбородок. — Тем более что я не фарцовщик. Как это ни почетно.

— Значит, ты вор. — Она произнесла эти слова легко. — Такие подарки в твоём положении может делать...

— Прекрати! — В голосе его прозвучала угроза.

— Я никому не позволяю повышать голос, ты знаешь. — Она затянулась и пустила струйку дыма на Вадима. — Тебе больше подходит извиняющийся тон, не забывай. Забери свою висюльку, выкладывай, зачем пришел, и... — Она многозначительно качнула головой на дверь.

— Валентина! — Он напрягся всем телом, сжал кулаки. — Ты что, садистка? Ты знаешь, как я к тебе... Давай поженимся...

— Что-о?! — Она сделала большие глаза, хотя ничуть не удивилась, Вадим это видел. — Чьей же я буду женой, проясни? Вадима Сорокина? А кто он такой? Вернее, что он такое? Подозрительный тип, любящий шлягеры, выпивку и баб? А что еще? Ничего, мой золотой, больше ничего... Ах, не об этом я мечтала в своей девичьей кровати! Извини, не об этом, который Сорокин. Я догадывалась, что ты не мытьем, так катаньем захочешь меня взять. Не получится! Надоел ты мне до чертиков, Вадя! Вместе с твоими подношениями. Соберу я их как-нибудь и вышлю по почте... Чтоб лишить тебя удовольствия еще раз...

— Да что же это такое?! — крикнул Вадим, вскакивая с кресла и хватая Валентину за локти. — Травишь меня, да?! Побольнее жалишь? А я все равно... Ты со мной будешь!

— Убери руки, подонок, — с отвращением сказала Валентина, сузившимися от гнева зрачками глядя в его округлившиеся слепые глаза. — Убери!

Она рванулась, попыталась встать. От натяжения верхняя пуговичка халата отскочила, обнажилась грудь. С размаху опустившись на колени, Вадим грубо притянул девушку к себе и впился губами ниже тонкой ключицы.

— Мерзавец... пусти... — Валентина качнулась всем телом, рванула руки. Стул, а с ним девушка и сжимающий ее за локти Вадим рухнули на ковер. Не столько страсть, сколько ярость руководили сейчас Сорокиным. Он пытался зажать поцелуями этот судорожно кривящийся, проклиная его рот, ему было приятно, что Валентине сейчас больно от сдавивших ее руки пальцев, что она беспомощна перед ним — много ли толку, что извивается, бьется головой и ногами о пол?..

— Ах ты!.. — Он выругался и схватился за щеку. — Кусаясь, милашка?!

Секунды, на которую он отпустил руку девушки, было достаточно, чтобы она попыталась залепить ему острым кулачком в глаз, но он успел перехватить ее руку. Пальцы его были в крови—здорово, видать, укусила его любимая девушка Валентина.

— Если ты... Если сейчас же непустишь... — глухо прошипела Валентина... — Я закричу так, что...

По глазам, бешеным от бессилия и гнева, он понял, что она решится, не щадя своей репутации, завопить и поднять соседей. Значит, ему придется отступить перед ней. Еще раз. Наверняка — последний.

— Прости меня... — пробормотал Вадим, поднимаясь с ковра и осторожно трогая ладонью кровоточащую щеку. — Если сможешь, прости...

Она поднялась не сразу, чувствовалось, что девушка обессилела, но Вадим не рискнул протянуть руку, чтоб помочь. Пригладила волосы, сжала у горла воротник халатика. Вяло откинула назад спустившиеся волосы. Но глаза Валентины не были вялыми: она рассматривала Вадима, как в террариуме рассматривают редкостную рептилию, с гадливостью и любопытством.

— Ты сам убедился, что ты такое, — сказала она с презрительной жалостью. — На твоём месте я сейчас бы утопилась. И лучше всего — в общественном сортире. Но ты... ты даже на такое не способен.

Ему было почти безразлично, что она там говорит. Отчаяние родило ненависть. С Валентиной покончено, это было ясней ясного, но уйти просто так он не мог. Машинально отметил, что рукав халатика в крови, и подумал: бритвой бы ее сейчас по тоненькому горлышку... Она стояла совсем рядом, в одном шаге.

— Беденький... — вдруг выкрикнула она, и лицо ее исказилось. — Ты реванша хотел, да? Только ведь ты рожденный ползать... Говорунчик, как и твоя мамаша. Только она с трибуны, а ты все больше, по кабакам. Импотентик ты мой духовный... Право, утопись! Хоть раз покажи себя мужчиной. А пока я на тебя плюю. Вот так... — И она нарочито медленно пожевала губами, собрала их в трубочку и плюнула Вадиму в лицо.

Не злость, не бешенство, а чувство огромного облегчения охватило Вадима Сорокина — вот он, толчок, который был так нужен! Зажмурясь, он с размаху ударил по тому месту, где только что белело и кривилось ненавистное курносенькое лицо. Ему показалось, что он промах-

нулся, — настолько незначительным было препятствие, которое встретила ладонь. Не услышал он и шума упавшего тела. Когда Вадим открыл глаза, он увидел, что Валентина лежит на полу, неловко подвернув под спину руку и глядя в потолок. Из рассеченного виска быстро сбегала на пол ярко-красная струйка: падая, Валентина ударилась головой об угол дивана-кровати.

Все еще не оценив в полной мере происшедшего, Со-рокин наклонился над девушкой, машинально оправил за-дравшуюся полу халатика. Серые глаза Валентины сомкнулись: она была без сознания.

Вадим распахнул халат, приник ухом к груди: сердце билось. Он вскочил, и снова томительное чувство страха, как тогда, на вокзале, придавило его. Вадим прислушался: в коридоре было тихо, соседи, видимо, не обратили внимания на шум в комнате Валентины. Он взглянул на свои руки: в крови была только ладонь... Еще ведь на щеке! Он вынул платок, бросился к зеркалу. Открыл какие-то духи с приторным запахом, вытер лицо, пальцы. Направился к двери, но вспомнил о кулоне, вернулся, засунул в карман коробочку. Пощупал пульс Валентины: еле прослушивается, но, главное, пульс пока есть! Подойдя к двери, осторожно выглянул и, убедившись, что в коридоре никого, на цыпочках прошел к выходу.

Как громко щелкнул замок! Вадим, еле сдерживаясь, чтобы не прыгать через несколько ступенек, спустился во двор, спокойным до напряжения шагом вышел на Некрасовскую. Где же автомат?! Кажется, возле трамвайной остановки... Быстрее, быстрее, но не бежать! Ни в коем случае не бежать!.. Бегущего запомнят сразу.

На его счастье, а скорей, на счастье Валентины, автомат был исправен. Набрав 03, Вадим назвал адрес, пробормотав невразумительно о несчастном случае. Повесил трубку, вышел из будки, огляделся. Две молодые пары ждали трамвая, негромко переговариваясь. Проташился мимо пьянчужка в не заправленной в брюки рубаше. Лысая башка автобуса показалась из-за угла.

— Где же дежурный «Гастроном»? — вслух пробормотал Вадим, но не мог никак вспомнить — в мозгу что-то застопорило.

Он сел в трамвай, идущий к старому центру города, и, забыв купить билет, проехал до Ленинградской. Уже выходя из трамвая, вспомнил о билете и ужаснулся: вот на чем мог быть прокол! Купив в гастрономе «Утес» бутыл-

ку коньяка, он незаметно взял стакан из автомата с газировкой и торопливо пошел к Волге. Время от времени его колотило, но коньяк должен был помочь. «А потом — к Курку», — думал Вадим, спускаясь по бетонной лестнице к уже опустевшему пляжу... Там он устроился недалеко от воды, налил полный стакан коньяка и, не почувствовав вкуса, выпил. Потом налил еще...

15

...Он только стал засыпать, когда в прихожей звякнул телефон. Не вставая с постели, нашарил на журнальном столике параллельный аппарат с отключенным звонком и снял трубку.

— Алло, слушаю, — сонно пробормотал он. — Узнал... Опять поддатый, а? Что-о?!

Сел на кровати, не глядя, дернул шнур торшера, сощурился. Слышимость была плохая, лицо его морщилось от напряжения. Слушая, перебросил трубку в левую руку, правой вынул из шкатулки длинную коричневую сигарету, но так и не прикурил.

— Нельзя, нельзя... — забормотал он в трубку и крикнул: — Ни в коем случае, понял?!

Снова послушал, сломал в пальцах сигарету, отшвырнул не глядя. Судорожно сглотнул слюну.

— Что делать? — Голос его сел. — Да... Да... А что ты еще предложишь, что?! У тебя выбор есть, да?

Но вот он вздохнул, морщинки у глаз разгладились.

— То-то и оно, — сказал он с облегчением. — Завтра вечером жду, звони...

Положив трубку на рычаг, он долго смотрел на нее, словно разглядывал ее впервые. Потом резко встал, прошел в соседнюю комнату и открыл бар. Розовые, голубые, зеленые огоньки бросили мягкие отсветы на разномастные — пузатые, квадратные, узкогорлые—бутылки. Не отходя от бара, плеснул из одной в фужер рыжей жидкости, отхлебнул, задумался. Закрыв бар и принес из спальни телефонный аппарат. Шнур зацепился за кожаное кресло, аппарат чуть не вырвался из рук. Он выругался, швырнул телефон на стол, а сам, перегнувшись через спинку кресла, дотянулся до портфеля «под крокодиловую кожу». Вынул тетрадку, полистал и, уткнув палец в одну из строчек, левой рукой придвинул к себе телефонную трубку, издаю-

щую короткие гудки. Нажал на рычаг, набрал номер: гудки стали длинными. Ждать пришлось не меньше минуты. Наконец на другом конце провода отозвался недовольный мужской голос:

— Квартира Дергачевых...

— Это отец Геннадия?

— Да, отец... В чем дело? — с беспокойством спросил голос.

— Слушай, папаша, в нехорошем дельце сынок твой попутан...

— С кем я говорю?

— Неважно, папаша, не перебивай... Твой Генок чужие «Жигули» угонял, за это дело деньгу получал... От кого надо, от того получал, понял?

— Понять нетрудно, но только зачем вы мальчишку-то не пощадили?

— Кончай, отец, теперь пусть он сам себя пощадит...

Он положил трубку на рычаг, слабо усмехнулся. Снова опустил взгляд в тетрадку, провел пальцем по списку. Остановившись на фамилии Золотавкин, снял трубку. Вторым разговор продолжался несколько дольше: пришлось давать инструкции, как и что говорить. Он сделал еще четыре звонка и лишь единожды не дозвонился. Потом выписал два адреса и спрятал тетрадку в портфель. Подошел к бару, выпил почти полный фужер коньяка.

— Так сказал Заратустра! — произнес он театрально и рассмеялся. Он почувствовал, что доволен собой, хотя не все дела были еще закончены. А за окнами уже начинало светать...

16

Два сообщения поступили почти одновременно.

В половине десятого утра в Красноглинский райотдел милиции позвонила гражданка Башкатова. Она сообщила, что на Сорокиных Хуторах, то есть в пригородной роще недалеко от Управленческого городка, они с мужем обнаружили связанного по рукам и ногам человека с окровавленной головой. Человек лежал в кустах и еле слышно стонал: рот его был заткнут тряпкой — оторванной полкой рубашки. Сейчас муж остался с ним в роще, так как человек, назвавший себя водителем такси Хрищенковым, очень слаб, а она, понимая серьезность ситуации, побежала звонить в милицию и в «Скорую помощь».

Тотчас на Сорокины Хутора выехали работники уголовного розыска Красноглинского райотдела.

Второе сообщение пришло в дежурную часть УВД без пятнадцати десять. Дежурный по Волжскому райотделу милиции доложил, что в километре от села Курумоч на обочине дороги участковым инспектором Гоголевым обнаружено такси без водителя. Заметив на капоте следы крови, участковый открыл багажник, увидел там труп мужчины и сообщил, как положено, по инстанции — в райотдел. Без промедления на место происшествия выехал старший инспектор управления уголовного розыска УВД Александр Зуенков, а с ним — судмедэксперт, кинолог с розыскной собакой и эксперт оперативно-технического отдела. По пути захватили следователя областной прокуратуры. Начальник Волжского райотдела милиции и районный прокурор выехали на своей машине. «Рафик» оперативной группы обогнал ее уже после того, как миновал поворот на аэропорт.

Зеленоватое пыльное такси стояло в метре от обочины на правой стороне дороги. Возле него маячила долговязая фигура в милицейской форме — курумочский участковый охранял машину. Молоденький лейтенант из дорнадзора, прислонясь к мотоциклу, направлял идущие из Куйбышева в сторону Тольятти автомобили и автобусы на левую сторону дороги, энергичными жестами подгоняя, чтобы не задерживались. Однако, проезжая мимо, шоферы, любопытствуя, снижали скорость, а из окон автобусов высывались головы пассажиров.

Когда подъехали прокурор и начальник милиции Волжского района, оперативная группа уже принялась за дело. Следователь занялся описанием самой машины и места происшествия, эксперты осматривали труп. Зуенков из-за их склонившихся над открытым багажником спин всматривался в лицо убитого. Оно ему показалось знакомым, хотя Саша по опыту своему знал, что скорее всего он ошибается. Такие красивые, но довольно-таки стандартные лица видишь часто, и сознание их обычно не отмечает. Безобразие бывает более индивидуально, аномалии бросаются в глаза. Как, впрочем, и яркая, оригинальная красота. А у этого парня особых примет не было: молодое, не слишком круглое, не слишком узкое лицо, волосы темные, но «жгучий брюнет» не скажешь, ровный нос, слабо очерченные губы... Застывшие глаза убитого были чуть прищурены, отчего выражение лица казалось скептическим:

суетитесь, мол, работайте, мне это все теперь до лампочки... «Моднячий парень, — отметил про себя Саша, — понятие в тряпках имел». Насколько он знал, это «ха бэ», что было на убитом, ценится нынче куда больше, чем самые дорогие ткани: песочного цвета рубашка с погончиками и такие же, отлично сшитые брюки были явно заграничной выделки. Рубашка на спине была коричневой от крови. Эксперт начал фотографировать скрюченное в багажнике тело, Зуенков отошел от машины и впервые как следует огляделся. Место, что и говорить, для организации розыска было не из благоприятных: голый пустырь. Сзади еле-еле виднелись домики и колокольня Курумоча, впереди, слева от дороги, постройки Жигулевской птицефабрики. Свидетелей могло и не быть. Но... все равно ведь не бывает так. Хоть какая-то мелочь обязательно попадется на глаза, чтоб потом навести на след.

Саша подошел к участковому.

— Гоголев, а кто наверняка здесь по утрам проезжает?

— Шоферы с птицефабрики, — не задумываясь, ответил инспектор. — А когда с утра? Какой час интересуется?

— Это мы у него спросим. — Саша показал подбородком на подходившего к ним лобастого и очень густобрового мужчину лет сорока — судмедэксперта. — Александр Федорович, когда его?

— Не позже трех и не раньше полуночи, — окая, ответил эксперт. — Но что это тебе дает? Ведь преступник мог уйти...

— Ох, Александр Федорович, спасибо за науку... — с досадой перебил Зуенков. — Гоголев, давайте-ка на птицефабрику махнем, а?

— Как скажете, — пробормотал тот.

Зуенков с участковым на мотоцикле отправились на птицефабрику. Засев в комнате на первом этаже конторы, Саша начал расспросы. Людей ему поставлял Гоголев. Оказалось, что очень многие видели стоящее у обочины такси, несколько человек даже обратили внимание, что шофера в нем не было. Называли разное время — и семь, и восемь, и девять утра. Но заинтересовало Сашу по-настоящему лишь одно свидетельство. Шофер птицефабрики Бобков сообщил, что, выехав в рейс до Курумоча в шесть утра, он не видел такси, но зато заметил Ваську Феофанова, который голосовал на дороге, ловя попутку, идущую в город. На обратном пути Бобков Ваську уже не видел—

должно, поймал попутную, но зато стояло такси. Было это около семи.

— Васька, может, и заметил что, — закончил Бобков свой рассказ. — А живет Васька у нас, в Курумоче, к дядьке, видно, собрался. Отца у него нет, дядька вместо отца. В Южном живет.

Больше ничего существенного они на птицефабрике не узнали. Прямо оттуда, лишь на несколько секунд остановившись у такси, где продолжали работать криминалисты, и высадив Гоголева, Зуенков поехал в поселок Южный. Это было совсем недалеко — сразу за мостом через Сок — и путаться не пришлось: Бобков дал ему ориентир что надо. «Возле большой школы дом обшарпанный. Так в первом этаже спросить дворника Семена. Он дядька и есть, а Васька ему помогает. Убираться».

Инспектору повезло: еще четверть часа, и Васька Феофанов отправился бы в город. Зуенков застал его в дворничьей квартирке, когда тот укладывал колбасу, огурцы и хлеб в холщовую сумку с оттиснутой на ней физиономией бородатого певца. Саша предъявил удостоверение. Темные глазки паренька сверкнули от удовольствия, а скуластое лицо покраснело.

— Видел, товарищ капитан! — заговорил он возбужденно. — Я машину ловил, чтоб сюда довезла, а тут, гляжу, такси пустое. Я замахал, прям под колеса сунулся. А таксист как тормознет, аж занесло его — и дальше как крутанет к обочине... И метров через пятьдесят стал. Я подумал, что он из-за меня, чтоб подвезти. А потом думаю: сейчас холку намылит, он-то в Тольятти, в обратную сторону едет, а я подлез... Гляжу, он из машины выбрался, капот открыл, смотрит, вроде сломалось что-то... А потом захлопнул и пошел пехом в сторону Винтая. За подмогой, наверное. Я еще удивился, что не запер машину. И потом к птицефабрике ему было ближе. Или попутку мог остановить, попросить у шофера, какую нужно, помощь. Удивился я, значит, а тут как раз — самосвал. Я голоснул — он взял. Ну и уехал к дяде. Рассказываю ему про таксиста, а дядька Семен говорит: «Это, видно, вор был».

— А как он выглядел?

Вася задумался, глаза стали щелками.

— Да так, обыкновенно... — неуверенно пробормотал он. — Он только разик оглянулся, когда уходил. Плотный такой мужик, высокий, в белой рубаше с незакатанными рукавами...

— Волосы какие?

— Вроде стриженный. Светлые, но не очень. Сероватые волосы.

Большого из Васьки Феофанова Зуенков выжать не смог. Взяв у него курумочский адрес и еще раз уточнив время — между шестью и семью часами утра, — Саша вернулся к оперативной группе на шоссе. Там уже работу, по существу, заканчивали. Эксперт из ОТО обнаружил на крышке багажника довольно четкие отпечатки пальцев. Зато на баранке, переключателе скоростей и на капоте они были старательно стерты тряпкой. Выяснилось, что такси остановилось из-за повреждения в системе зажигания. Проводник с собакой работал пока безуспешно — овчарка никак не могла взять след. Но после сообщения Зуенкова, что поиск следует направить в сторону Винтая, кинологу удалось подвести своего Арса к следу. Пес, опустив нос к земле, уверенно рванулся вперед, и вскоре вместе с хозяином скрылся за поворотом.

Обговорив с начальником райотдела и участковым план розыскных мероприятий в селе Курумоч, поселке Винтай и на птицефабрике, Зуенков хотел было вместе с экспертами ехать в управление, когда со стороны города показался мотоциклист. Это был инспектор ГАИ.

— Мне капитана Зуенкова, — сказал он, лихо развернув мотоцикл перед носом «рафика». Козырнул, представился.

— Установили личность таксиста? — спросил следователь. Это он посылал инспектора с поручением во время отсутствия Саши.

— Так точно. Просили передать капитану Зуенкову, что водитель такси номер УКР 19—24 Хрищенко находится в больнице Управленческого городка. Состояние удовлетворительное, может говорить.

Зуенков и следователь переглянулись.

— По коням, — сказал следователь, захлопывая папку. Удовлетворительным состояние Степана Игнатьевича Хрищенко назвать можно было только с большой натяжкой. Бледный от потери крови, забинтованный — только нос да глаза видны, — он с трудом боролся с навалившейся на него сонливостью: сказывались уколы. К тому же его подташнивало: хотя кости черепа не были повреждены, таксист, очевидно, получил легкое сотрясение мозга. Но говорить он и в самом деле мог.

Вот что рассказал Хрищенко. Минувшей ночью, что-то

около полуночи, он возвращался из санатория имени Чкалова, куда отвозил загулявшего отдыхающего. Он только выехал на просеку, как его знаком остановил парень в светлом летнем костюмчике. Поскольку порожние рейсы Хрищенко, как и любой таксист, не любит, он остановился. Уже потом он заметил, что парень сильно пьян. Лицо его Хрищенко рассмотрел хорошо — культурный с виду, длинные волосы, загорелый. При встрече сразу узнал бы. «На Безымянку!» — крикнул парень, открывая переднюю дверцу, и, когда Степан Игнатьевич кивнул, плюхнулся рядом с ним. «Подожди, — сказал он, видя, что таксист взялся за рычаг, — приятеля возьмем». Тут он открыл дверцу и сзади сел приятель, шагнувший из темноты. Хрищенко рассмотрел его плохо — тот сразу сел в глубине салона за его спиной, дыхнув в затылок перегаром. Шоферу это не понравилось — двух мужиков, да еще пьяных, он бы не взял, но спорить было поздно — попробуй теперь высадить! Степан Игнатьевич повел машину в гору, а когда до трамвайного кольца оставалось метров сто, парня рядом с ним начало тошнить. «Стой! Не могу...» — выдавил он. Выругавшись, Хрищенко остановил машину у деревянного тротуарчика и хотел было высадить пьянчугу, но тут вдруг ощутил страшный удар по затылку, в глазах молния полыхнула — и все... Очнулся он глубокой ночью, во рту — кляп, ноги-руки связаны. Стонал, терял сознание, думал, что умрет, — кругом лес, никого... А оказалось, что это Сорокины Хутора, совсем близко. Выручили его супруги Башкатовы, они ночевали в палатке неподалеку.

Оставив следователя записывать показания, Зуенков поспешил в управление: ему не терпелось узнать результаты дактилоскопической экспертизы. Получил он их только через два часа. Среди неопознанных отпечатков пальцев, оставленных на крышке багажника, два, причем самых свежих, принадлежали Павлу Кондрашову, трижды судимому и вышедшему нынешней весной из заключения жителю города Чапаевска. Саша связался с Чапаевском, и через час ему сообщили, что Кондрашов работал на местной автобазе около месяца, но в мае уволился. В Чапаевске, где у него живет мать, он появлялся последний раз в конце мая, так, по крайней мере, утверждают мать и соседи. От матери узнали, что у Павла в Куйбышеве есть женщина, но кто она и где живет, ей было неизвестно, как неизвестно, работает ли сын и в каких местах сейчас

пребывает. Короче, с Кондрашовым — сплошной туман. Но отпечатки пальцев на багажнике и описание внешности, пусть и поверхностное, которое дали Вася Феофанов и таксист, делали весьма вероятной версию, что нападение на Хрищенко и убийство «приятеля» совершил он.

До конца дня предстояло сделать многое. Нужно было составить ориентировку с приметами Кондрашова, чтоб разослать по райотделам, размножить фотокарточки, показать их Феофанову и таксисту для опознания, как следует изучить материалы опросов, проведенных работниками Волжского райотдела в Курумоче, в Винтае, составить план дальнейших розыскных мероприятий. В общем, Зуенков закрутился основательно. А около пяти вечера ему позвонил начальник Волжского райотдела: он тоже занимался этим убийством на шоссе весь день.

— В Смышляевке, возле железнодорожного полотна, нашли порванные любительские права, — с явным удовлетворением сообщил он. — К счастью, фотокарточка повреждена чуть-чуть. Так вот... — Он сделал значительную паузу. — На этой карточке тот самый парень, что в багажнике. А из этого вывод: убийца сел в Винтае на товарняк — там ведь грузовая ветка, знаете? — и вернулся в город. Ну как?

— Здорово, — признался Саша. — Просто чудо, как здорово. А как фамилия того, что в багажнике?

— Сорокин... Вадим Петрович. Вам что-нибудь она говорит?

Нет, фамилия Сорокин ничегошеньки не говорила капитану Зуенкову. Но искать преступника теперь будет легче, это уж точно. Надо только подключить ГАИ.

— Какой номер шоферских прав? — спросил он в трубку. Записал, поблагодарил, повесил трубку. И тотчас набрал номер дежурного госавтоинспекции.

На выяснение адреса, по которому был прописан Сорокин В. П., у него ушло минут двадцать. Это было на удивление рядом — в двух кварталах от управления, на улице Степана Разина, так что машину можно было не брать. Саша позвонил начальнику управления угрозыска, сообщил, что сегодня непременно появится у себя, и спустился вниз. На асфальте блестели свежие лужи, с деревьев еще капало. А он-то и не заметил, что прошел дождик: все внимание съели телефоны. Зуенков свернул к Волге, дошел до клуба имени Дзержинского, повернул налево. Где-то в конце квартала должен быть дом, в котором до сегод-

■ пьющей ночи жил модно одетый парень с красивым невыразительным лицом. А близкие, если они у него есть, наверняка не знают, что теперь о Вадиме они станут говорить «был»... Саша издалека увидел нужный номер, выписанный черной краской на фасаде, и еще раз подивился: в этом пятиэтажном, построенном в пятидесятые годы, а потому достаточно комфортабельном доме жили двое или, кажется, трое его знакомых. Правда, у них он никогда не бывал. Желто-красные клеточки кафеля на площадках, всего три квартиры на каждой — не как в новых муравейниках с их шестиквартирными «карманами». Третий этаж, четвертый — вот она, номер 24. Звонок. Пока молчание. Еще звонок... Еще звонок... Значит, дома никого, значит...

Додумать он не успел: распахнулась дверь соседней квартиры, и чернявый очкастый парень в голубой рубашке спросил:

— Вы к кому, извините?

— Вадим Сорокин... здесь... — Саша чуть не сказал «проживал», это было бы некстати, не надо информировать всех и каждого, что Вадима Сорокина нет в живых.

— Здесь, здесь... — обрадовался очкарик. — Вы к нему, наверное?

— Да не совсем, — сухо вато ответил Зуенков. — И родителей его нет дома? Никто не отвечает — звоню, звоню...

— Так вы его знакомый все-таки? — настырно спросил очкастый.

— А вам-то что? — не слишком вежливо ответил Зуенков.

Чернявый закрыл дверь и вышел наконец на площадку. Внимательно оглядел Сашу.

— А я любопытный, — сказал он веско. Вынув из кармана книжечку с гербом, раскрыл и протянул ее Саше. В руки, однако, не дал.

«Алексеев Рэм Алексеевич... инспектором отдела уголовного розыска... Самарский РОВД», — прочитал Саша.

— Вон как, — сказал он негромко и в свою очередь показал удостоверение очкарику. Странно, он не помнил такого инспектора в Самарском райотделе.

— Извините, товарищ капитан... — Розовые пятна расплывались на щеках инспектора Алексеева. — Значит, мы по одному делу с вами.

— Давайте выйдем, на лавочке поговорим, — предложил Саша. — Или прогуляемся.

Незанятая лавочка, и к тому же укромная, нашлась в большом, очень чистом дворе сразу. Они сели. Алексеев сжато и толково рассказал, почему он здесь. Вчера вечером в старом доме на Некрасовской студентке политехнического института Валентине Назаровой неизвестный парень нанес тяжкие телесные повреждения. Сейчас она в больнице с сильным сотрясением мозга, в сознание приходит редко, контакт с ней пока невозможен. Соседи Валентины дали приметы парня, который изредка приходил к девушке, но с которым, судя по всему, она не слишком дружила. Вчера вечером был, кажется, он, соседи слышали какой-то шум в комнате девушки. Обнаружили ее лежащей на полу без сознания. Следов насилия и ограбления квартиры нет. В течение сегодняшнего дня он, инспектор Алексеев, вел розыск неизвестного парня и в конце концов под вечер вышел на Вадима Сорокина, студента пединститута. Однако он был вечером у Назаровой или не он, наверняка сказать пока не может, поскольку Сорокина не нашел. Соседи по площадке, к которым он сейчас заходил, сообщили, что родители Сорокина в отпуске уже второй месяц, живет Вадим один, а видеть его им не приходилось давно: соседи с ним не очень-то общаются, не зачем.

— Я сказал им, что если он появится... — продолжал Алексеев, но Зуенков жестом остановил его.

— Не появится, — сказал он, хмурясь. — Вадим Сорокин, кажется, в морге.

Не вдаваясь в подробности, он рассказал о найденном в багажнике такси трупe и звонке начальника Волжского райотдела.

— Может, и не он еще, — пробормотал несколько разочарованный поворотом дела Рэм Алексеев. — Оpozнание не проводили?

— Вот вы и проведете, — буркнул Зуенков.

Поднявшись на третий этаж, они зашли к соседям Сорокиных. Через четверть часа дежурная машина увезла их в морг. На всякий случай Саша оставил свой телефон: вдруг будут спрашивать Вадима... Перед тем как уехать в морг Алексеев протянул ему надорванный почтовый конверт.

— Подружка ей, Валентине то есть, пишет. Вадима упоминает. Через письмо-то я в основном и вышел на него... Бумажка еще валялась — из Ростовского Ювелирторга. Только верните потом, ладно? Завтра увидимся?

— Увидимся, — сказал Саша, пряча письмо в карман. — Спасибо. Позвоните мне из морга.. — И он назвал телефон.

Придя в управление, Зуенков напился прямо из графина, хотя вода была теплой до отвращения. В кабинете все было так, как и тогда, когда он уходил: видно, больше ни один из четверки инспекторов, работающих в этой не слишком уютной комнате на четвертом этаже, сюда не приходил.

Он стал читать письмо. Оно пришло из Сергиевского района, из Суходола. Марина, подруга Валентины, писала о всяком, большей частью о том, как ей работает здесь после института. Сашу заинтересовали строки: «...Теперь насчет твоих отношений с этим злополучным Вадимом. Не нравятся мне они! Ты ведь сама пишешь, что его подарки, пусть и дорогие, тебе не нужны, как и его чувства к тебе. И откуда у него, у студента, деньги, подумай? Зачем ты лезешь в какое-то подозрительное болото? Ты ведь любишь Олега, ему всего год служить, потерпи. Не верю, что ты не можешь отшить этого Вадима, скорее — не хочешь...»

Телефонный звонок... Саша быстро пробежал глазами еще несколько строк — дальше, кажется, неинтересно — и снял трубку.

— Алло, Зуенков, — сказал он рассеянно, все еще думая о письме.

— Это вы, товарищ капитан? — раздался в трубке юношеский басок. — Я хочу с вами поговорить... Это Леша... Тот, у которого вы краденые колечки взяли... Поговорить надо.

— Привет, Леша, — обрадовался Зуенков, сам себе удивляясь. — Ты где? Случилось что?

— Да я рядом, на площади Революции... В кино хотел, а потом вот... Вам позвонить решил. Письмо показать.

— Жди возле памятника. Я выхожу!

Камнем лежал у него на сердце этот Лешка. И надо же — сам позвонил! Нет, Зуенков, в людях ты разбираешься, так и отметим.

Беседа с кочегаром, а по совместительству — сторожем загородного детсада Карасевым вымотала у Володи Бибишева душу. Мало того, что Карасев отпирался — ни

на какие, мол, «Жигули» ночью он не смотрел, никуда из детсада не звонил, — он к тому же, что называется, «качал права». Низкорослый пятидесятилетний мужичок со вздернутым носом и толстыми губами, с первого взгляда он показался Бибишеву тихоней. Но стоило ему достать милицейское удостоверение, как сторож-кочегар полез в пузырь.

— А чего ради я обязан отвечать на всякие вопросы? — настырничал он. — Я себя знаю как? Как невиновного! Значит, могу разговаривать с вами, а могу — нет. Заставить не заставите.

— Ну, хорошо, — успокаивал его Володя, — не отвечайте. Я сам буду говорить. Вас видели у машины, за вами шли до детсада, видели, как вы звонили по телефону. И даже слышали, что вы сказали, не по телефону, а уже на крыльце...

— Что, что?!

— Вы, Григорий Иванович, ругали тех, которые где-то шляются, и решили идти не то к Урку, не то к Курку... В этом роде. Но заснули.

— Так выпимши я был, — засмеялся Карасев. — Болтал чего, разве вспомнишь! И куда пьяные ходят — кто разве знает? Ходят и ходят...

— Бросьте, Карасев, паясничать, — жестко остановил его Бибишев, который понял, что по-хорошему с этим типом не получится. — На «Жигулях» вы прочитали опознавательный знак вора — Букву К. Вслух прочитали, так что мы уверены, даже нет — знаем точно, что вы один из соучастников. Вы уже сидели, Карасев, пора вам и знать, что чистосердечное...

— Ладно баланду травить-то! — взорвался кочегар. — Ты докажи, докажи! Шьете мне групповое, да? Не выйдет, гражданин начальник.

— Рановато вы меня так начинаете называть, — усмехнулся Володя. — Не торопитесь, еще успеете. Что вы мелкая сошка, нам понятно и так. Признались бы, Григорий Иванович, ей-богу, лучше было бы. Кому звонили?

Карасев молчал, ноздри его побелели, рост сжался в куриную гузку.

— Задерживать вас мы можем только двое суток, это вы знаете, Карасев. Но через двое суток мы все узнаем и без вас. Тогда поздно будет, локти грызть придется.

— Не имеете права! — заорал кочегар и осекся, увидев, что Володя встал и жестом подзывает сержанта.

Сторожа-кочегара увели, а Бибишев принялся изучать засаленную телефонную книгу, захваченную в детском саду, откуда звонил Карасев. Внутренняя сторона обложки была испещрена написанными от руки номерами телефонов. Карандашом и шариковой ручкой, разными почерками. Вполне возможно, что Карасев, не слишком надеясь на память, вписал сюда и тот самый номер, по которому звонил ночью. Володя выписал полтора десятка телефонов и уехал в управление, заскочив по дороге в адресное бюро, где ему пообещали через час дать список нужных ему абонентов. У себя в кабинете он никого не застал — все инспектора были в разъезде, что его порадовало: можно было без помех подумать хорошенько над фактами, которых, к сожалению, оказалось не так уж и много.

Но подумать не удалось: он только разложил на столе свои записки, как звякнул телефон.

— Владимир Федорович, здравствуйте, — услышал он в трубке знакомый баритон Феликса Михайловича Дергачева. — Есть некоторые новости, но по телефону, пожалуй, неудобно. Я мог бы к вам подъехать, если у вас есть время. Я на машине, буду через десять минут.

— Жду, — коротко бросил Володя. — Пропуск заказываю, найдете меня на четвертом этаже, коридор направо от входа, на комнате табличка с фамилией.

Положив трубку, Володя пригладил усы, покрутил головой. Новости. Что ж, очень кстати. У него было предчувствие, что клубок начнет вот-вот разматываться, что скоро на сцене должны появиться уже не мальчишки и не пьянчуга кочегар, а фигуры покрупнее.

В кабинете инспекторов Феликс Михайлович смотрелся совсем не так вальяжно, как у себя, среди книжных шкафов и кресел. Напротив, его ухоженные пшеничные усы, бархатный пиджак и голубоватые очки в оправе выглядели несолидным пижонством. Это чувствовал и сам Дергачев, отчего и вел себя суетливо: расстегивал и застегивал снова пуговицы на пиджаке, зачем-то щелкал зажигалкой, оборачивался на шаги в коридоре.

То, что услышал от него Бибишев, заслуживало внимания, хотя и не давало никаких новых зацепок. Ночной звонок, угрозы, категорический совет, а практически — приказание молчать о деньгах. Все это говорило о том, что организаторы похищений машин чем-то встревожены, что-то их испугнуло. Может, не очень чисто проведена была операция с «подсадной» машиной?

— Вы составили приблизительное представление о личности человека, который вам звонил? — спросил Володя.

— Знаете... — Феликс Михайлович опустил голову, и солнечный зайчик высветил розоватую прорежину на макушке, искусно прикрытую зачесом. — Мы, литераторы, народ к слову очень чуткий. Так вот, мне показалось, что приклатненная речь этого типа искусственна, не свойственна его культурному уровню. Старательность проглядывала... А где-то был сбой. Например, когда он сказал, что за групповое преступление полагается изрядный срок. Слово «изрядно» — не из той лексической сферы, не случайно оно зацепило слух...

«Изрядно»... — повторил про себя Володя. — Кто любит это словечко? Я ведь слышал его недавно. От кого?»

Когда Дергачев уехал, Бибишев позвонил на квартиру Золотавкиным. Никто не отозвался. Тогда он набрал рабочий телефон Аркадия Александровича. Медсестра неохотно буркнула, что сейчас позовет.

— Кто? Товарищ Бибишев? Да, да, слушаю... — бодро, с натужным удовольствием отозвался хирург. — Нет, никто мне не звонил. Если позвонят, я вам сообщу. Простите, у меня операция... До свидания...

Володя разозлился. Ну, предположим, не звонил никто, предположим, некогда. Но хоть спроси, в чем дело — как-никак речь идет о судьбе сыночка... Странная, признаться, торопливость. И нелюбезность странная...

Опять телефон!

— Вы возьмете список адресатов или вам продиктовать? — спросила трубка.

Володя хотел было буркнуть: «Принесите!», но уж очень голосок был мелодичным и юным. И потому сказал: «Диктуйте!»

Из четырнадцати телефонов, выписанных им на поляне Фрунзе, только три оказались квартирными. Остальными абонентами были поликлиника, детская кухня, служба водоканала, лодочная станция, две базы и магазины. Проверить, конечно, придется все, но начать следовало с квартиры. Все-таки звонок был ночной.

Наскоро перекусив в столовой — второе и стакан соку, — Бибишев отправился по адресам. Начал с дальнего — с проспекта Масленникова. Там, в пятиэтажном доме возле промтоварного магазина, быстро отыскал нужную квартиру. Худенькая старушка обрадовалась, когда он назвал ее фамилию.

— Вы по обмену? Проходите, пожалуйста...

И огорчилась, когда узнала, что Володя вовсе не по обмену. Пятый этаж без лифта не устраивал бабушку, а подходящих «обменщиков» она пока не находила. Жила она одна, и Володя не стал ее расспрашивать — только время терять.

Во второй квартире по его списку никого дома не оказалось. Он узнал у соседей, что хозяева уехали в отпуск, должны скоро вернуться. Вычеркивать этот адрес не стал, поставил вопрос.

Никого не было и в квартире по улице Степана Разина: в пяти минутах от управления был этот ухоженный, основательный дом. Бибишев несколько раз надавил кнопку пронзительного звонка и хотел было позвонить соседям, как дверь квартиры напротив отворилась.

— А там никого и нет, — сообщила ему рыхлая женщина в платочке, накинутом поверх бигуди. — Галина Петровна по путевке уехала с мужем, а сын...

Она осеклась, будто испугавшись чего-то.

— А что — сын? — спросил Володя.

— Да ничего... А вы откуда, товарищ? — боязливо спросила женщина и отступила на шаг в глубину квартиры.

— Вот мое удостоверение. — Володя протянул книжечку. — Сын, говорите?

— Сын... Только ваши товарищи вчера вечером уже были, — осторожно ответила женщина. — И телефон оставили... если кто будет спрашивать Вадима,

«Наверное, из Самарского райотдела, — подумал Володя. — А с чем они, интересно, приходили?»

— Вот, пожалуйста, — всего на несколько секунд скрывшись в квартире, снова высунулась из дверей соседка. — По этому номеру просили звонить, если что, Кто придет к ним... Или если из милиции...

Бибишев взял бумажку, глянул. «39-54-34, спросить Зуенкова», было написано размашистым Сашиным почерком.

— Да-а... — озадаченно протянул Володя. — Тогда не буду беспокоить.

— Ну что вы, пожалуйста! — всплеснула руками женщина, и щеки ее колыхнулись.

Он спустился по лестнице, вышел во двор, на улицу. Не сразу придешь в себя, когда тебя просят звонить по твоему собственному телефону.

Через пять минут он вошел в подъезд управления. На площадке между первым и вторым этажами Александр Зуенков разговаривал с Юрием Черных из отдела политико-воспитательной работы. Увидев Володю, он обрадовался.

— Наконец-то, я уж думал, не дождусь. Ты мне позарез...

Бибишев кивнул: еще неизвестно, кто кому больше нужен. Они поднялись на четвертый этаж, ни словом ни обмолвившись о деле. Когда за ними захлопнулась дверь кабинета, Володя достал сигарету и, решив первым не начинать, сказал с усмешкой:

— На ловца и зверь... Выкладывай, товарищ капитан.

— А ты сам оцени, — не замечая иронии, ответил Саша и протянул Бибишеву конверт. — На тебя работаю, своих забот мало.

Володя вынул из конверта — обыкновенного, с маркой, без каких-либо надписей — лист бумаги, на котором были наклеены неровные строчки, составленные из вырезанных газетных букв. «Леха, ты молоток. От батьки тебе привет. Если не хочешь попробовать папашиной баланды, помалкивай. Одному бояться нечего. А сболтнешь — хана».

Буквы были разномастные, отчего послание выглядело несерьезным, словно напроказил первоклассник. Только вот содержание было совсем не шуткой.

— Вчера вечером Лешка раскололся, — сказал Зуенков. — Про девицу рассказал — про ту самую, о которой ты говорил. А больше, как и те ребятки, ничего не знает.

— Отнесу-ка я на экспертизу. — Володя встал, но, вспомнив, зачем ему был нужен Саша, опять опустился на стул. — Скажи, Саша, ты на Степана Разина вчера был, телефончик зачем-то оставил. Что там у тебя?

— А ты откуда знаешь? — искренне удивился Зуенков.

— Возможно, парень, который там живет, замазан в деле об угонах.

— Какой там жил... — уточнил Зуенков.

— Что, рванул из города? — насторожился Володя.

— Значительно дальше. — Саша помолчал, посмотрел на окно, на потолок, потом на Володю. — Его труп вчера нашли в багажнике такси. Я им и занимаюсь. Вот ведь как мы с тобой опять пересеклись.

— В багажнике?.. — повторил машинально Володя,

будто самым удивительным и значительным было это, а не само убийство.

— Ну что, вместе давай думать? — не спросил, а скорей решил Зуенков. — А то ведь сегодня мне на ковер. И тебе небось?

— Давай думать, — хмуро сказал Володя. — Начальства я завсегда боюсь.

18

Полковник положил локти на стол, подался телом вперед.

— К делу, — сказал он буднично. — Кто из вас начнет?

Бибишев и Зуенков переглянулись. Володя еле заметно кивнул: давай ты...

— Разрешите? — Александр Зуенков встал, провел крупной ладонью по стрижке. — Я попробую...

— Что ж тут пробовать, — усмехнулся полковник. — Вы докладывайте.

— Хорошо. Нам с Бибишевым история эта видится так. Студент Вадим Сорокин повздорил с девушкой, которая, судя по всему, не слишком ему симпатизировала, и ударил ее. А когда увидел, что натворил, с горя напился и отправился к своему знакомому, возможно приятелю, живущему на Поляне Фрунзе. В полночь они поймали такси и поехали якобы на Безымянку, но на выезде с просеки приятель Вадима совершил разбойное нападение на таксиста. Оглушив водителя, они отвезли его на Сорокины Хутора и оставили там связанным. Наверняка нападение на таксиста было запланировано одним лишь приятелем, потому что Вадим сел в такси, не скрываясь, а значит, не боялся, что таксист сможет его впоследствии опознать. Приятеля же водитель по существу и не видел в лицо.

— Странно. — Подполковник, начальник управления угрозыска, откинулся на спинку стула и покачал головой. — Но если бы взяли Вадима, то взяли бы и его. Неужели он так уверен был, что Сорокин его не выдаст, возьмет все на себя?

— Он был уверен, — развернув могучие плечи, Саша повернулся к подполковнику. — Уверен, потому что заранее решил прикончить Сорокина.

— Аргументы? — поднял бровь полковник.

— Пусть Бибишев продолжит. — Саша сел и уперся взглядом в стол.

— Я убежден, — получив взглядом разрешение полковника, негромко заговорил Володя, — что между осечкой в нашей операции «Жигули», когда никто не пришел за подсадной машиной, и событиями, о которых рассказывал Саша... простите, капитан Зуенков, есть прямая связь. Сорокин и его приятель, очевидно, оба замешаны в кражах автомашин, скорее всего, они угонщики второго этапа, за пределы области. В одиночку работать Вадим не мог: в двух случаях «Жигули» украдены с перерывом в сутки. Личный конфликт с девушкой вылился у Вадима в преступление, соседи Валентины его знали, и он, видимо, хотел смыться... простите, уехать.

— «Смыться» — это мы тоже понимаем, — улыбнувшись, заметил полковник. — Говорите, как вам привычнее.

— Парень он неустойчивый... — Володя хмурился, злясь на себя. — Видно, запаниковал, преувеличил... Надеяться на него сообщники уже не могли — так или иначе, мы его непременно бы взяли, а там он, конечно, и...

— Раскололся бы, — не без иронии подсказал полковник. Все засмеялись, даже сам Володя. Напряжение сразу схлынуло, и он заговорил раскованно:

— А что им оставалось делать, сами посудите. Они были в полной уверенности, что все шито-крыто, никаких следов. Парнишки получают деньги неизвестно от кого, выдать не могут. Девуцу — ищи-свищи, похожих на нее у нас в Куйбышеве тысячи. И вдруг — прокол! Хороший следователь этого интеллигентика Вадима размотал бы в два счета.

— Кстати, интеллигент — это, по-моему, звучит почетно, — буркнул Саша.

— Для тебя — да, — подхватил Бибишев. — А для них? Уж не знаю пока, сам ли приятель решил убрать Сорокина или ему приказали, но он его прикончил двумя ударами ножа что-то около трех часов ночи. Вероятно, он хотел добраться до Сызрани, оставить на вокзале или на улице машину, а сам мог скрыться в любую сторону по железной дороге...

— А с трех до шести утра где он был? — спросил полковник.

— Разрешите? — Это поднялся Зуенков. — Наверняка он часа два поспал в машине, потому что был пьян и

вел такси с трудом. На крыльях такси обнаружены вмятины, следы соприкосновения со стволами деревьев. И потом, когда заглох мотор, он не рискнул копаться в нем на виду у всех, пошел к Винтаю и сел на товарняк...

— Личность, кажется, уже установлена? — повернулся полковник к начальнику угрозыска. Тот, не вставая, кивнул:

— Судя по всему, это Павел Кондрашов, рецидивист. Кличек у него много, но среди них есть для нас интересная — Курок. Помните, кочегар детсада собирался идти к какому-то не то Урку, не то Курку?

— Если это Кондрашов, ничего удивительного, что он пошел на убийство, — заметил полковник. — Никаких следов, где он и что?

— Прочесываем Поляну Фрунзе, размножили фотографии... — Подполковник немного помолчал. — Думаю, он в городе — вокзалы и аэропорт под наблюдением... Найдём!

— Надеюсь, — обронил полковник. — А с угонами проясняется?

Поднялся Бибишев, заглянул в бумажку.

— Есть версия, что угоняли они «Жигули» в Ростове-на-Дону, — сказал он не слишком уверенно. — В комнате у Валентины Назаровой обнаружена фирменная упаковочная бумага Ростовского Ювелирторга, а также фен для укладки волос, купленный в Ростове: на паспорте штамп ростовского магазина, — дата шестнадцатое июля нынешнего года. В квартире Вадима Сорокина обнаружена газета «Молот», выходящая в Ростове, за четвертое августа. И, наконец, у подруги Валентины, той, что живет в Суходоле, сохранилось письмо, в котором Валя хвалит шоколадный вафельный торт. Она пишет, что... — Бибишев заглянул в листок: — «...мы хвастаем своей фабрикой «Россия», а у ростовчан, Вадим говорит, таких тортов — навалом». Письмо датировано двадцать третьим июля. Так что есть основания думать, что Сорокин туда ездил не раз за это лето.

— У Сорокина делали обыск? — спросил полковник у Саши.

— Нет... Так, поверхностный осмотр... — замялся Зуенков. — Санкций...

— Будут... — прервал полковник — Обыск нужен основательный. Сегодня же.

— Курок Курком, — подал голос начальник уп-

равления угрозыска, — а тот, кто ребятам деньги послал, то есть, видимо, главарь шайки, для нас пока что загадка. Мы показывали фото Кондрашова и Сорокина в почтовых отделениях — никто не опознал. А у них личности приметные. Значит, не они... Да, Бибишев, расскажите о звонках родителям Дергачева. И про письмо.

Выслушав сообщение Бибишева, полковник нажал на селекторе клавишу.

— ОТО? — спросил он и назвал себя. — Данные экспертизы у вас готовы по письму? Да, из газет. Когда? Ага... А что, уже? Так... так... Так вот, — сказал он, кладя трубку. — Технический отдел установил уже, что слова и буквы вырезаны из газеты «Советский патриот», орган ДОСААФ.

— Интересно! — вырвалось у Володи.

— Судя по сохранности бумаги, а также типографской краски, — продолжал полковник, — газета довольно свежая. За какое число, пока не определили. Мне, признаться, начали надоедать эти «пока». Слишком их у вас много. Пора не только мучиться предположениями, но и задерживать преступников. Но ближе к делу. Считаю необходимым свести вас, друзья-приятели, в одну оперативную группу. Старший — Зуенков. Коли уж так пересеклись ваши пути, работайте сообща. Думаю, что Курок должен как-то выйти на своих сообщников. Мне хотелось бы послушать ваши планы дальнейших розыскных мероприятий...

— Есть у меня некоторые соображения, — нарушив субординацию, выпалил с места Бибишев...

19

События следующего дня — это была суббота — лучше всего изложить хроникально, хотя многие из них, на первый взгляд, не связаны между собой ничем.

В 10 часов утра в двенадцатиэтажном доме по улице Стара-Загора была отключена вода. Десятки жильцов бросились к своим телефонным аппаратам, пробиваясь к аварийным Водоканала, дежурным слесарям, техникам до мууправления. Кому удалось дозвониться, удовлетворились обещаниями, что воду подключат в течение часа. Кому не удалось, раздраженно крутили телефонные диски.

В 10 часов 40 минут инспектор уголовного розыска Владимир Бибишев закончил обыск в квартире Сергее-

вых-Сорокиных. В присутствии понятых Бибишев изъясил из ящика письменного стола в комнате Вадима Сорокина целлофановый пакет с 1850 рублями в разных купюрах. Еще более интересная находка обнаружена в глубине антресолей: в коробку из-под макарон «спагетти» были упакованы два комплекта автомобильных номерных знаков, а также две доверенности на «Жигули» и два техпаспорта. В документах номера машин совпадали с найденными номерными знаками. Это были, как понял Володя, готовые наборы для транспортировки краденых «Жигулей» от Поляны Фрунзе до Ростова или любого другого города Союза. Номерные знаки были не новыми — видимо, сняты с чьих-то машин, подделку техпаспортов должна будет определить специальная экспертиза.

Понятые — уже знакомая Бибишеву рыхлая женщина и ее взрослая дочь — во время обыска не проронили ни слова, только переглядывались и вздыхали. Они все еще были под впечатлением от убийства молодого соседа.

В 10 часов 45 минут в квартиру № 26 двенадцатэтажки на Стара-Загоре позвонили слесари.

— Аварийная Водоканала, — сказал плохо выбритый мужчина с сумкой, из которой торчали гаечные ключи, когда хозяин открыл дверь. — У вас теперь проверим...

— А в чем дело? — недовольно спросил хозяин, худощавый, изжелта-смуглый человек лет тридцати пяти. Звонок поднял его с постели. — Я не вызывал.

— Другие вызывали, — буркнул небритый и вошел в квартиру. Следом порог переступил его молодой напарник, чернявый очкарик. Они прошли в ванную, заглянули в туалет, постучали по трубам. Хозяин квартиры попробовал краны: вода не шла.

— Где-то затычка, — равнодушно сказал старший слесарь. — Или у вас, или у соседей. Проверь, Сеня.

Сеня направился на кухню. Здесь был настоящий бедлам: немытая посуда громоздилась в раковине, окурки торчали из чашек, недопитое пивокисло в длинных бокалах. Пивом был залит не только стол, но и резная лавка ручной работы. Молодой слесарь присел под раковиной, принялся разводить ключ. В это время в глубине квартиры негромко прозвенел телефон.

— Минутку, — сказал хозяин и зашлепал золочеными гаремными тапками. Из комнаты донесся его приглушенный голос: — Я... Откуда?.. Так... Смогу...

Слесарь Сеня повел себя непонятно: тихонько отложив разводной ключ, он обеими руками быстро-быстро стал копать в мусорном ведре, что стояло под раковиной. Второй слесарь, бряцая железом, что-то бурчал себе под нос в ванной.

Снова зашлепали, приближаясь, турецкие тапки. Сеня сунул в карман рабочих штанов какие-то бумажки и стукнул по трубе ключом.

— Иван Егорыч, это у соседей, видать, — сказал он громко и встал. — То есть на шестом или на четвертом. А стояк вроде тот.

— Вот и я гляжу — тот, — отозвался все так же равнодушно старший слесарь. — Тогда мы пойдем. А вода будет, не волнуйся...

— Я не волнуюсь, — безо всякого выражения пробормотал хозяин. Лицо его еще более заострилось, глаза смотрели напряженно. Но слесарей они, похоже, не видели. Наверное, звонок вывел его из себя.

В 11 часов 20 минут того же дня старший инспектор управления уголовного розыска УВД капитан Зуенков получил первую возможность поговорить с Валентиной Назаровой. Врач разрешил беседовать не более десяти минут — состояние девушки было еще неважным. Новой информации Саша не почерпнул, лишь еще раз удостоверился, что версия о связи убийства с угонами правильная. Валя рассказала ему о вечных страхах Вадима, о бесшабашном его транжирстве и отлучках, после которых он всегда привозил ей дорогие подарки.

В 11 часов 30 минут в квартирах двенадцатизэтажного дома зафырчали открытые краны: пошла вода.

В 12 часов 30 минут в ресторан «Парус» вошла молодая и очень симпатичная пара. Свободных столиков было много, но парочка, пройдя мимо бара в глубину зала, уютно устроилась у окна. Бибишев тотчас развернул меню и галантно протянул девушке:

— Прошу вас, Тамара Юрьевна!

— Опять подсмеиваетесь! — Девушка сердито сжала рот, отчего на нижней губе проступила еле видная полоска маленького шрама. — Вы ж на службе.

— Ладно, Тома, не буду. И давай-ка улыбайся мне, ради бога. Кто мы? Жених и невеста, значит, пока что у нас без сцен.

— А я вашу невесту видела. — Девушка засмеялась. — Не по службе невесту, а по любви.

— Тамара, об этом потом. Вон официантка идет. Что пить-то будем? Шампанское?

— Лучше сухое. Когда станете полковником, тогда будем...

— Слушаю вас, — глядя поверх голов, сказала официантка.

— Сухое вино есть? — строго спросил Володя. — Ах, нет! Тогда шампанского и... — он задумался на секунду, — и шоколадных конфет. И апельсины...

— Яблоки, — бесстрастно поправила официантка, черкнув в блокнотике.

Яблоки оказались отличными, шампанское — холодным, и принесла-то их официантка на удивление быстро. Тамара одобрительно хмыкнула, глядя, как умело открыл Володя бутылку — совершенно беззвучно, только белый дымок пошел. Они чокнулись фужерами.

— За встречу... — Володя сделал паузу, — с нашим другом.

— За встречу, — почему-то грустно повторила Тамара. Отпив глоток, она поставила фужер и, щурясь на пузырьки, спросила: — Все-таки Амалия или нет?

— Ну, все тебе надо знать, — засмеялся Володя, бросая внимательный взгляд на появившуюся в зале четвертку посетителей.

— А шампанское ничего, правда? — произнес он рассеянно.

В 13 часов 05 минут в зал ресторана «Парус» вошел худощавый черноволосый человек с смугло-желтоватым лицом, то ли от загара, то ли, что скорей, от болезни. Прямая линия рта, глубоко запавшие глаза в темном окружье, щеки почти без скул — во всем была подчеркнутая жесткость, эдакая испанская демоничность, хотя бегущий по ресторану взгляд выдавал душевное смятение. Да, человек этот нервничал, и он знал, что это заметно, но взять себя в руки не мог. Обежав глазами ближайшие столики, он запнулся взглядом на Володе с Тамарой, которые с фужерами в руках о чем-то оживленно говорили. Желтолицый человек увел взгляд, в нерешительности огляделся, и тут Бибишев, который искоса наблюдал за ним, громко позвал:

— Игорь Сергеевич!

Будто потянулась узкая спина, и не сразу, замедленно, как при рапидной киносъемке, повернулась черноволосая голова в их сторону.

— Сюда! — Володя сделал приглашающий жест. — К нам, пожалуйста!

Игорь Сергеевич поднял уголки рта, кивнул и легкой походкой направился к столику. Подойдя, он церемонно наклонил голову, здороваясь с Тамарой. Протянул узкую руку Бибишеву.

— Знакомьтесь, — оживленно сказал Володя. — Моя невеста Тамара.

— Мангосов, — приветливо отозвался Игорь Сергеевич, продолжая стоять.

— Вы не откажетесь с нами шампанского хлебнуть? — развязно спросил Володя. — За наше счастье, так сказать. А то когда еще свидимся? Я обещал к вам заскочить, да все недосуг... Садитесь же!

Опять нечто вроде улыбки изогнуло тонкие губы Мангосова.

— Я за рулем, так что извините.

Однако он отодвинул стул и сел.

— Вот жалость-то! — Бибишев огорченно покачал головой. — А у нас с Тамарой сегодня особый день. Годовщина знакомства.

— Да? — Мангосов вежливо поцокал. — Действительно жалко.

— А я к вам в понедельник собирался. Вы мне обещали насчет юных курсантов порассказать. И кроме того... — Володя сделал таинственное лицо. — Есть неприятная информация еще об одном парнишке... Ну да ладно, не время сейчас. За ваше здоровье и процветание, Игорь Сергеевич! — Он чокнулся с Тамарой и прихлебнул из фужера. — Я думал, между прочим, над вашим предложением выступить перед ребятами. Даже планчик составил.

Нет, Мангосову явно не сиделось. Лицо его неприятно напряглось, так что побелел кончик тонкого носа. Он сидел спиной к входу в зал и, казалось, прислушивался к голосам посетителей, рассаживавшихся в это время за столиком неподалеку. Наконец он не выдержал, оглянулся. Встал.

— Извините, Владимир Федорович... Извините, Тамара... Но мне в самом деле... То есть я не говорил вам, так вот — меня ждут, и я вынужден...

— Да что такое! — в сердцах воскликнул Володя. — Все куда-то спешат...

— Может, посидите полчасика? — подала голос Тамара и улыбнулась Мангосову.

— Нет-нет, — быстро сказал Мангосов. — Поздравляю вас, желаю счастья и... скорейшего бракосочетания.

— А куда спешить? — легкомысленно заметил Володя. — Только и пожить, пока... на свободе.

— А девушка не так думает, — с улыбкой, скорее злой, чем приветливой, проговорил Игорь Сергеевич. — Счастливо, изрядно вам завидую!

Кивнув, он торопливо и не глядя по сторонам пошел к выходу.

Бибишев внимательно глядел ему вслед. Когда фигура Мангосова скрылась в вестибюле, он, чему-то радуясь, рассмеялся и подмигнул девушке:

— Желаю скорейшего бракосочетания, Тамара Юрьевна! На примете-то есть кто?

— Вам-то что? — тихо спросила Тамара и выпила фужер шампанского до дна.

13 часов 30 минут. Когда от ресторана «Парус» отъехали зеленые «Жигули», светло-серая «Волга», одиноко стоявшая у подъезда Дома промышленности, развернулась и последовала за ними. Она не делала попытки обогнать малолитражку, напротив, старалась держаться за нею на некоторой дистанции. Когда зеленые «Жигули» затормозили у центральной сберкасы на улице Куйбышева, «Волга» остановилась, не доезжая полквартила. Она сопровождала «Жигули» примерно около часа, ожидая их хозяина еще у трех сберкасс. И только когда Мангосов поставил свою машину в гараж на Стара-Загоре и вошел в подъезд, «Волга» повернула назад по маршруту, каким приехала. У всех четырех сберкасс из машины выходил молодой человек в очках. На посещение каждой он тратил в среднем по 10—15 минут.

14 часов. Сотрудник оперативно-технического отдела УВД приоткрыл дверь в кабинет и остановился на пороге:

— Разрешите, товарищ подполковник?

— Готово? Отлично!

Начальник управления уголовного розыска взял у полноточного лейтенанта листок бумаги и тотчас заглянул в конец напечатанного текста.

— Отлично! — повторил он. — Можете идти.

Внимательно, уже не спеша, он прочитал весь текст и снял трубку с одного из аппаратов без диска.

— Товарищ полковник, есть экспертиза письма.

— Да-да, слушаю.

— Установили, что газетный обрывок, который взял наш инспектор у Мангосова на квартире, и вырезки строчек, наклеенные в письме, из одной газеты. «Советский патриот», шестнадцатого августа сего года. Совпали и химический анализ, и текстовый. Хорошая улика, по-моему.

— Улики будут. Была бы уверенность. А она вроде бы появилась, верно?

— Это уж точно, товарищ полковник...

14 часов 20 минут. Звонок. Подполковник снял трубку внутреннего телефона.

— Слушаю.

— Дежурный по управлению лейтенант Жудягин, — раздалось в трубке. — Инспектор Алексеев только что сообщил по рации, что объект наблюдения снял в четырех сберкассах около девяти тысяч рублей. Сейчас он дома, машина — в гараже.

— Ясно. Спасибо...

14 часов 30 минут. Карасев, сторож-кочегар детского сада, тупо посмотрел на бумажку, на которой рукой Зункова было написано: «Вадим Сорокин. 33-02-91». Подергал носом, смахнул пот с Морщинистого лба и буркнул угрюмо:

— Твоя взяла, начальник. Бери своего Курка, мать его...

— Но-но, ты не очень... — довольным голосом отозвался Саша и положил успокаивающе ладонь на костлявое плечо кочегара. — Говори, раз начал...

— Они через раз работали. По неделям. Одному я звонил по номеру вот этому. А когда Курка была очередь, я ходил к нему...

— Куда ходил?!

— Не кудахчи, сам скажу, — занозисто отпарировал кочегар и дернул головой. — На девятую просеку, к Зинаидке... Он у ней хахалем. Завсегда, как оттрубит срок, так к ней.

— Адрес какой?

— Лучше, если сам покажу. А то эти номера... Память я, начальник, давно пропил. А так и воздухом подышу маленько. Едем, что ль?

— Едем, Карасев, едем!..

15 часов 20 минут. Опять звякнул телефон. Начальник управления уголовного розыска снял трубку.

— Товарищ подполковник, это Зуенков. Звоню с Девятой просеки. Нет его там, как мы с вами и ожидали. Сожительница Курка говорит, что ушел с утра, надел синий костюм, полотняную кепочку и портфель прихватил. Похоже, говорит, на то, что собрался «когти рвать». Так она выразилась.

— Оставьте засаду, а сами подключайтесь к Бибишеву. Незачем вам торчать на просеке.

— И я так считаю, товарищ подполковник. Вряд ли он здесь покажется сегодня. Учужал что-то. Наши, видно, не осторожничали.

16 часов 30 минут. Забравшись с ногами на тахту — снять пыльные туфли и в голову не пришло, — Мангосов размышлял. Курил сигарету за сигаретой. Жмурясь, припоминал подробности своих разговоров с людьми в последние два-три дня. Случайной ли была его встреча с этим усатеньким в «Парусе»? Что означает упоминание о каком-то еще парнишке с автокурсов? И эти словечки: «пока на свободе...»? Намекал? Пугал? Или безобидный треп, случайно вырвавшаяся фраза?

Мангосов вдруг остро осознал тяжесть своего одиночества. Он всегда стремился быть чуть в стороне от людей, рано понял, что откровенность и общительность делают человека легко уязвимым. Многозначительно молчать, быть личностью непонятной, несколько загадочной, иронически относиться к чужим слабостям — этого достаточно, чтобы, не имея вовсе семи пядей во лбу, слыть умным и сильным, внушать опасливое уважение. Никогда у него не было закадычных друзей, и никогда он этим не тяготился. И вот сейчас Мангосов болезненно ощущал, что без людей, на которых он мог бы положиться или которым он мог бы хотя бы открыться, пожаловаться, поплакать в жилетку, без этих всегда презираемых им «слабых» людей ему невыносимо трудно. Вокруг никого, пустота. Молчит телефон Вадима... Но разве близок ему Вадим, если он пожертвовал им, не моргнув и глазом? Что ж, к лучшему, все к лучшему — Курок наверняка исполнил его, Мангосова, волю. А сам Курок? Куда запропастился он? Хотя и Курок... Что у них сейчас общего, кроме украденных сообща «Жигулей»? Впрочем, и с Пашкой Кондрашовым, второгодником и «шпанистым» увальнем, ничто их не связывало в школе. Правда, Пашка, не боявшийся ни старшекласников, ни директора, уважал щупленького Игорька Мангосова и никогда не трогал его — считал,

видно, сильной личностью, под стать себе, хоть и несколько в другом роде. И нынешней весной, когда Мангосов предложил ему на паях угонять машины — Курок угоняет, Игорь оформляет и организует, — Павел, сразу призвал его старшинство. Куда же он делся теперь?

Да, есть еще Оля! Она предана ему больше, чем кто-либо. Но Мангосов запретил ей показываться без приказа возле здания курсов, места его официальной работы. И звонить на службу не велел: когда будет нужна, он найдет ее сам. Даже номер домашнего телефона Ольга не знает. Вернее, считает, что у Игоря Сергеевича телефона дома нет.

Что-то происходило вокруг. Он чувствовал это сердцем, кожей. Что-то тревожное, неясное, нехорошее. Оттого он и решил снять деньги со счетов. Их не так много лежало у него в сберкассах, но пусть лучше все будут в кучке. Если что, то вклады в куйбышевских сберкассах и сами сберкнижки — это улики. И дома столько денег держать нельзя, потому что милиция искать умеет. Вырваться бы в Пензу, а лучше — в Москву. Пусть полежат в тамошних сберкассах, так надежнее. Но почему он запсиховал, почему? Ничего ведь не случилось. Правда, Вадим... Но Курок, если и влип, не продаст. Может, страх пробрал оттого, что не появился в «Парусе» человек из Ростова? Но ведь он мог и быть там, но не подойти. Проклятый милиционер...

И вдруг словно шилом уколола мысль: а откуда тот, из Ростова, мог знать номер его телефона?

Игорь Сергеевич прыгнул с тахты, подошел к бару, вынул новую пачку «Мальборо» и плюхнулся в кресло. Мучительно напрягая мозг, пытался вспомнить, говорил он или нет свою фамилию толстому армянину, тому, что в санатории? Если говорил, то человек из Ростова нашел телефон через справочное. Но адрес-то он точно не говорил! Впрочем, через адресное бюро легко... Мангосовых в Куйбышеве вряд ли много. Скорее всего, один-единственный, фамилия редкая...

Он взял потрепанный справочник, раскрыл список абонентов на букву М, и тут же прожурчал телефонный звонок.

Вот! Сейчас все и выяснится.

Медленно-медленно, с неохотой протянул Мангосов руку к аппарату. Снял трубку.

— Алё! Алё! — сердито кричал кто-то далекий.

— Слушаю вас...

— Кто это у телефона? Алё!..

Камень скатился с сердца: он узнал голос Кондрашова. Не влип, значит, Курок...

— Я, я, успокойся... Что случилось, Курок, где пропал?

— Неважно где, Игорек, не об этом говорим. Смыться мне пора, мусора всю Поляну шерстят, может, меня и ищут. Со студентом вроде все чисто, но болтаться мне в Самаре нельзя...

— Верно, уехать тебе надо, — быстро проговорил Мангосов. — Деньги я дам, сколько надо.

— Десять косых, слышишь, Игорь? Меньше не возьму. Мангосов промолчал.

— Алё! Алё! Что молчишь? — злился где-то очень далеко Курок.

— Хорошо, Паша, сегодня возьмешь восемь тысяч. У Ляли. Только лучше вечером, после одиннадцати. Переночуй у нее, а по утрянке испарись. Навечно. Контора закрывается, понял?

— Ах, прощай, друг детства золотого! — с веселой злостью отозвалась трубка. — Попробуй меньше десяти косых — подругу прирежу, учти!

— Прощай, Курок, — в сердцах буркнул Мангосов и швырнул трубку на рычаг. Она соскочила, повисла, издавая короткие «ту-ту-ту».

20

В 17 часов 50 минут в «Москвиче», пришвартовавшемся во дворе одного из многоэтажных домов по улице Стара-Загора, разговаривали двое.

— А все-таки как тебе в голову пришло, что здесь замешан Мангосов? Интуиция?

Бибишев подумал.

— Да нет, пожалуй, — сказал он неохотно. — Скорей, логика.

— То есть? — Инспектор Самарского райотдела Алексеев поправил очки. Он был весь внимание.

— Откровенно говоря, вначале помогла моя ошибка. — Володя засмеялся. — Да-да, ошибка. Мне пришло в голову, что «жигуленка» нашего они тогда не взяли, потому что их что-то насторожило. А я накануне был у начальника автокурсов, у Мангосова, значит. Не он ли, ду-

маю? А как только он попал в поле зрения, то вокруг него и мысли завертелись. Про переводы вспомнил, и вдруг как стукнет: денежные переводы нельзя посылать, не зная отчества адресата! А кто мог знать отчества мальчишек? Миша Золотавкин и Гена Дергачев девице их не сообщали. Она и не интересовалась, только фамилию спросила. Значит, их отчества узнали или в школе — а там каникулы, ремонт, никого нет — или еще где-то... А где? На курсах, конечно, они все трое там учились.

— Но на курсах не один Мангосов, — возразил Рэм Алексеев.

— Верно. А тут письмо с вырезками из «Советского патриота». Проверил: Мангосов выписывает такую газету. Тогда и направили тебя как подручного водопроводчика к нему на квартиру, а Зуенков позвонил Мангосову в это время, мол, по общему делу из Ростова приехал, свидание назначил в «Парусе». И он пришел! А когда его любимое «изрядно» проскочило при прощанье, сомнений у меня уже не было. Да и экспертиза подтвердила, что его газета.

— Так чего ж мы его не берем? — Алексеев крутнул головой. — Все основания. Ведь в конце-то концов...

— Тихо! — Володя вытянул шею, всматриваясь. — Он!

В 17 часов 55 минут Игорь Мангосов, выйдя из подъезда с синей спортивной сумкой через плечо, направился к гаражу — одной из множества ячеек в кооперативном улье автовладельцев. Выведя «Жигули» из гаража, он закрыл его, неторопливо навесил замок, сел за руль и выехал со двора. «Москвич» не двинулся с места. Включив рацию, Бибишев передал информацию, и лишь потом их машина выскочила на проспект. Володя не боялся потерять из поля зрения Мангосова: за темно-зелеными «Жигулями» неотступно следовала «Волга», в которой находились Зуенков, инспектор уголовного розыска Советского райотдела и... Гена Дергачев. Зуенков был убежден, что именно сегодня Мангосов выйдет на связь с загадочной Лялей, следы которой никак не могли отыскать.

«Жигули», «Волга» и «Москвич», сохраняя изначальную дистанцию, выехали со Стара-Загоры на Московское шоссе и покатили к центру. Пыльная туча, нависшая над городом, раньше времени спугнула пляжников: встречные автобусы были переполнены, по тротуарам тянулся легкомысленно полуодетый субботний люд, бронзовея устояв-

шимся к концу лета загаром. Мангосов машину вел осторожно, ни разу не выходя за сорокакилометровую скорость, и Зуенков подумал, что, должно быть, нервы у начальника автокурсов стальные: медленно ехать куда труднее, чем быстро, особенно на ходких «Жигулях». «А может, — подумал Саша, — ему охота поразмышлять, не решил еще, как быть».

Миновали улицу Мичурина. Затем «Жигули», а за ними весь милицейский эскорт повернули в сторону рынка. Зуенкову это не слишком понравилось: в хаотичной рыночной толпе, где люди мечутся, как броуновские молекулы, потерять Мангосова было легче, чем где-либо. Но Игорь Сергеевич так же неспешно проехал мимо крытого рынка, и тогда стало ясно, что он направляется либо к универмагу «Самара», либо к одному из вокзалов — автобусному или железнодорожному. Верным оказалось первое предположение: свернув налево, Игорь Мангосов припарковал машину на стоянке возле «Самары», а сам, сунув ключи в карман, с той же синей спортивной сумкой через плечо направился к дверям универмага.

Александр Зуенков, цепляясь за него взглядом, выскочил из «Волги».

— Геннадий, будь рядышком! — лаконично приказал он.

Инспектор и побледневший от волнения Гена Дергачев быстро двинулись за Мангосовым. Когда они окунулись в магазинный водоворот, Саша оглянулся на юношу.

— Ни на шаг не отставай! — Он сдвинул брови. — И не высовывайся, держись у меня за спиной!..

Инструкция, которую получил Гена, была простой: не попадаясь на глаза начальнику курсов, замечать всех, с кем он станет общаться. Продавцы это или покупатели — все едино.

Казалось, Игорь Мангосов зашел в «Самару», чтобы убить время. Он бесцельно бродил по первому этажу, разглядывая то эмалированную посуду, то слесарный инструмент. Но вот он втиснулся в толпу, навалившуюся на прилавки отдела грампластинок, что-то сказал девушке, которая, стоя на цыпочках, вытягивала шею, чтобы разглядеть на витрине обложку диска. Девушка засмеялась, ответила.

Рука Зуенкова слегка сдавила запястье Гены: смотри! Тот мотнул светлой шевелюрой:

— Нет, не знаю...

Мангосов был уже около прилавка. Инспектор, на секунду оставив Геннадия, приблизился, но Игорь Сергеевич равнодушно оглядел выкладку дисков и стал высвобождаться из толпы.

На эскалаторе, десятком ступеней ниже, они поднялись за ним на второй этаж. Здесь стало труднее: у прилавков галантереи, парфюмерии и сувениров сновало и тискалось особенно много покупателей. Благо, рост позволял Саше увидеть через их головы все, что было нужно: Мангосов попросил у продавщицы крем для бритья, что-то сказал ей, затем заплатил деньги кассирше и, снова подойдя к продавщице, взял у нее тюбик. Сунул его в карман своей безрукавой курточки и двинулся к отделу сувениров.

И оба раза Гена Дергачев отрицательно качал головой. Нет, ему не были знакомы лица продавцов отдела и кассирши. То же самое повторилось в отделе сувениров. Хотя там Мангосов ничего не купил, но с продавцами общался: просил показать брелок с кинжальчиком, что-то спрашивал о чеканке, пошутил с белокурой девицей, отчего та прыснула и отвернулась.

У отдела кожаной галантереи, где нынче «выбросили» модные дамские сумочки, было даже чересчур многолюдно. Здесь-то Игорь Сергеевич и оторвался, сам того не зная, от сопровождающих его лиц: Мангосова пропустили за барьерчик с очередной группой покупателей. Кинув Гене: «За мной!», Зуенков рванулся было за ним, но непреклонная дева с жидким пучком на затылке перегородила им путь.

— Обождите! — сказала она раздраженно.

Скандалить было никак нельзя. Пришлось ждать. Когда они прошли за барьер, а точнее за веревочку с крючком, Мангосов уже платил за что-то в кассу. К счастью, он не заметил Геннадия, который нечаянно оказался от него в трех шагах. Мангосов был все с той же синей спортивной сумкой через плечо. Протянув девушке на контроле чек, он вышел из отдела.

— Что он купил, не заметил? — не глядя на Геннадия, вполголоса спросил Зуенков. Но ответа ждать не стал — не до того уже было: Мангосов, быстро обойдя отделы дамского трикотажа и головных уборов, направился к лестнице.

— Гена, что с тобой?!

Инспектору показалось, что юноша сейчас грохнется

на пол: лицо Геннадия было изжелта-белым, лоб усеяли бисеринки пота.

— Душно... — выдавил Гена Дергачев.

Саша на мгновение растерялся: Мангосов уже начал спускаться вниз, но и мальчишку бросить было нельзя. Он обхватил левой рукой Геннадия за плечи и, чуть встряхнув, повлек за собой.

— Воришку поймали! — раздалось сзади, но оборачиваться было некогда.

Уже на площадке между вторым и первым этажами Гена пришел в себя, задергал плечами. Зуенков облегченно перевел дух, но не столько поэтому, а оттого, что увидел инспектора Алексеева. Тот стоял у самого выхода из «Самары» за мороженым — выстаивал наверняка уже двадцатую очередь. Двери были под его наблюдением — значит, глаз за Мангосовым, слава аллаху, есть...

— Выходит, никого знакомых? — спросил Саша, когда они с Геной выбрались из универсама.

— Никого, — зло буркнул Гена. — Больше не могу... Плохо чувствую себя... Не могу...

В 18 часов 40 минут Мангосов, Зуенков и Дергачев покинули универсам «Самара».

«Слабачок, — подумал Саша с легким презрением о Геннадии, — придется его менять... Обидно, что так и не нашли девицу, только проваландались зря».

Он придержал шаг, оглянулся на Алексеева, сделал ему знак.

— Рэм, сажай парнишку в машину к Бибишеву, сам будешь со мной. Пусть срочно привезет дублера, связь по рации... Поскорей же!

«Москвич» с Бибишевым и Геной Дергачевым и «Жигули» Мангосова тронулись одновременно, хотя и с разных мест: Володя поставил машину на улице, не заворачивая на стоянку. «Москвич», развернувшись, помчал назад, в сторону крытого рынка, а «Жигули», сопровождаемые на некотором расстоянии «Волгой», неспешно показили в сторону железнодорожного вокзала.

— Худо дело, — сказал Зуенков.

Да, задача инспекторов все более осложнялась. Привокзальная площадь представляла собой людской водоворот. Заканчивались летние отпуска, приближался учебный год — всем надо было куда-то срочно ехать, а поезда опаздывали не на минуты — на десятки часов. «Будем дер-

жаться рядом, — решил Зуенков. — Авось не прозеваем. Если что, я — за ним, Рэм — за девицей... Или кто там еще будет, посмотрим...»

А произошло странное.

В 18 часов 50 минут Мангосов, оставив машину возле стены, украшенной героической мозаикой, направился со спортивной сумкой через плечо к вокзальному ресторану. Зуенков и Алексеев незамедлительно последовали за ним. В ресторане было сине от дыма, душно и шумно. Свободных столиков не оказалось, кое-где в табачном тумане маячили фигуры жаждущих заполучить место. Зуенков с Алексеевым ничем не отличались от них.

Зато Мангосов устроился сразу. Полненькая чернявая официантка издалека помахала ему рукой, приглашая подойти. Пока он шел, она достала из-за буфетных кулис новенький стул и посадила Игоря Сергеевича к столу, за которым обедали только трое — муж, жена и девочка-подросток, с виду кавказцы. Инспектора подошли поближе, продолжая с постными лицами оглядываться по сторонам.

— Гляди-ка, — тихо сказал Зуенков. — О чем они, интересно?

Официантка и Мангосов оживленно говорили, но в ресторанном гуле слов не было слышно. Кавказцы деловито хлебали щи, поблескивая белками на нового соседа.

— Внимание! — Саша до боли сжал локоть Алексеева. — Вот они!...

В это время чернявая официантка, смеясь, брала из рук Мангосова синюю сумку. Вилля крутыми бедрами, она пошла с сумкой в сторону кухни.

— Обоих — в линейный отдел! — скомандовал Зуенков. — Бери официантку...

Быстрыми шагами Алексеев догнал полную девушку в накрахмаленной наколке и прошел следом за нею в коридор, ведущий в кухню.

— Игорь Сергеевич, добрый вечер! — подходя к столу, приветливо сказал Зуенков и широко улыбнулся. — Можно вас на секунду?

Крутые брови Мангосова сдвинулись: этот широколицый здоровяк с зачесанной на бок челочкой не был ему знаком. «Может, один из корешей Курка?»

Он вышел из-за стола. Саша, зажимая в ладони удостоверение и продолжая улыбаться, показал его Мангосову снизу, на уровне груди. Тот вздрогнул.

— В чем дело? — сказал он так громко, что за соседними столиками оглянулись.

— Потихе, Мангосов, — громким шепотом произнес Саша. — И пойдемте без шума...

Подхватив его под локоть, Саша двинулся к кухне. Волей-неволей Мангосов вынужден был идти — слишком разные у них весовые категории, чтоб сопротивляться.

В кабинете директора их ждали Рэм и плачущая официантка. Сумка лежала на столе.

— Обеспечь явку свидетелей... Дай только им дообедать, — сказал Зуенков. — А я с этими через черный ход — в линейный отдел. Спросишь у директора, где буду...

Алексеев кивнул и прошел в зал.

В 19 часов 15 минут в присутствии понятых — они же свидетели-кавказцы, обедавшие за столиком, — была открыта синяя спортивная сумка, которую за столом Игорь Мангосов передал официантке Люсе Шумаковой из рук в руки. В сумке была обнаружена мягкая оберточная бумага и картонки, обеспечивающие сохранность формы, иначе говоря — товарный вид. Уже берясь за молнию, опоясывающую сумку, Зуенков понял, что произошел прокол: слишком легка, десять тысяч должны хоть что-то весить.

— Теперь объясните, что это за комедия? — Мангосов гневно шлепнул по столу ладонью. — Вы считаете, что вам все позволено, не так ли? Напрасно! И на милицию управу найдем!..

Люся все не могла успокоиться, лицо ее было красным и грязным от потеков туши.

— Я ж говорила вам: подарил — и все! Что вам надо?! — Она всхлипнула. — Я Игоря Сергеевича сто лет знаю, без очереди обслуживаю... Вот и подарил...

— Успокойтесь, ничего и не случилось...

Зуенков никак не мог опомниться, он был огорошен осечкой. Свидетелей он отпустил, но Люсю следовало еще поддержать: Алексеев наверняка уже вызвал по рации Бибишева.

— И часто вы преподносите официанткам подарки? — задал он дурацкий вопрос, но важно было потянуть время.

Мангосов аж зубами скрипнул: ну и тупицы в этой милиции!..

— Не часто! В первый раз! Что еще?!

— Тогда такой вопрос к вам, Шумакова: вы как, по-

просили сумку или он сам предложил вам ее?

— Сам, сам... — захлопала Люся.

— Так-так... — многозначительно сказал Зуенков и почесал нос. — Значит, сам?..

В 19 часов 35 минут Миша Золотавкин, привезенный Бибишевым в линейный отдел милиции, удостоверил, что Люся — это вовсе не та девушка, что предложила ему угнать «Жигули» за триста рублей. Мангосов и Миша друг друга не видели: опознание официантки провели в соседнем кабинете. Люсю отпустили с миром, изысканно извинившись перед ней, чем она была даже польщена. Увидев Бибишеву, Игорь Мангосов присмирел. По крайней мере, громких протестов, как раньше, больше не являл.

— Игорь Сергеевич, давайте поговорим откровенно... Очень откровенно, — предложил Володя самым доброжелательным тоном. — Правда, позже вы со следователем вдоволь наговоритесь, даже надоест. Но и у меня есть к вам разговор. Да нет, просто вопрос: где сейчас Курок?

В 19 часов 45 минут Миша Золотавкин поднялся вместе с капитаном Зуенковым на второй этаж универмага «Самара». Издалека, почти от самой лестницы, Миша узнал в одной из продавщиц отдела кожгалантереи пресловутую Лялю, которая завербовала его некогда в автоугонщики. Инспектор подивился, с какой ненавистью сообщил ему об этом Миша: он готов был, казалось, броситься к девушке и испепелить ее, затоптать и развеять по ветру. Но поскольку его миссия закончилась на опознании Ляли, Мишу Золотавкина отправили на машине домой.

Теперь-то Зуенкову было ясно, отчего побледнел Гена Дергачев, когда они с ним бродили по отделу портфелей, чемоданов и сумок.

Звонок, известивший, что универмаг скоро закроется, заставил Сашу спуститься вниз и покинуть магазин.

В 20 часов 10 минут Ольга Звенягина, временно, на подмене, работающая в отделе кожгалантереи, вышла через служебный вход из здания универмага. Синяя спортивная сумка болталась у нее на плече. Войдя в троллейбус, который следовал до площади Революции, она купила билет, села к окну и, не отрываясь от окна до самой конечной станции, смотрела на подернутые синеватой дымкой улицы. Когда она вышла на площади и направилась в сторону улицы Фрунзе, шагах в десяти позади нее оказался высокий, атлетического сложения молодой мужчи-

на. Он проводил ее почти до дома, а когда до подъезда старенького кирпичного здания оставалось несколько шагов, плечистый молодой человек окликнул Олю.

— Извините, Ляля, — сказал он, подходя, — но это не ваша сумка.

Она отшатнулась и прижала сумку к груди. От ужаса и без того большие глаза ее стали огромными.

— Я закричу! — с трудом выговорила Оля.

— Не надо, — спокойно возразил Саша. — Уголовный розыск.

Он протянул Оле раскрытое удостоверение, и тотчас мягко прошуршали шины. Возле тротуара, рядом с ними остановилась светло-серая «Волга».

— Проедемся немножко, Оля?

Сумка шлепнулась на асфальт с сочным, мягким звуком. Олины руки повисли вдоль туловища, она едва устояла на ногах.

— Садитесь, Ляля. Давайте я помогу.

Безропотно, еле переступая, Оля побрела к машине...

В 20 часов 55 минут в присутствии понятых — не тех, обедавших кавказцев, а, разумеется, совсем других — из спортивной сумки Ольги Звенягиной старший инспектор управления уголовного розыска УВД капитан Зуенков достал и выложил на стол в комнате общественного пункта охраны порядка несколько пакетов с деньгами. Общая их сумма, как и следовало ожидать, составила десять тысяч рублей.

— Это не мои! И сумка чужая, — кусая губы, твердила девушка. Но когда Зуенков назвал фамилию Мангосова и распорядился привезти его сюда, Оля разрыдалась.

— Я обо всем расскажу... Но без него, только без него! Дайте мне успокоиться... Я сейчас... сейчас... Я обо всем...

Саша тронул ее за вздрагивающее плечо:

— Обо всем пока не надо, успеется... Скажите только: где вы сегодня встречаетесь с Павлом Кондрашовым?

Она подняла на Сашу глаза, полные слез. В них было непонимание.

— Кондрашов — это Курок! — жестко пояснил Зуенков.

Удивление в глазах угасло, сменившись страхом.

— Курок... — повторила Оля шепотом и опять заплакала.

Мучительно тянулся вечер — по-летнему светлый, длинный и многолюдный. Порой Курку казалось, что его «Салют» остановился, но красная секундная ниточка ползла по циферблату, а стрелки показывали почти в точности те же цифры, что и круглые часы на перекрестках. «Не часы, а время для меня остановилось», — подумали бы в подобной ситуации Игорь Мангосов или Вадим Со рокин, но Павлу Кондрашову столь отвлеченные мысли были чужды. Мышление его было предельно конкретным — таким его воспитали годы заключения. Конкретной была его биографическая арифметика: в свои тридцать шесть лет он уже трижды успел побывать по ту сторону забора с вышками, отсидев в общей сложности девять лет вместо четырнадцати согласно приговорам. Конкретность мышления уберегла его от бесцельного, а главное, бесполезного бравирования, каким отличались его соседи по нарам — истовые «законники», она подсказывала ему, что, коли попал, так самое важное — это поскорее выйти. Оттого, находясь в местах не столь отдаленных, Павел работал как черт, делал в колонии служебную карьеру — выбивался в бригадиры, учился в вечерней школе, закончив ее дважды, и всегда числился в активе. Даже заметки в стенгазеты писал. Эта политика сэкономила ему годы: все три раза он освобождался условно-досрочно, с отличными характеристиками, где мелькало слово «перевоспитан». Но стоило Павлу Кондрашову выйти на волю, и он сразу становился самым собою, то есть наглым, дерзким и жестоким преступником, для которого чужие страдания, беды и горести, как, впрочем, и сами чужие жизни, были если не совсем абстрактными, то уж, по меньшей мере, ничего не значащими понятиями. Волчья психология мира рецидивистов давно стала компасом поведения Павла Кондрашова, и когда Игорь намекнул ему недвусмысленно, что студент стал опасен, он без колебаний и содроганий всадил Вадиму нож промеж лопаток — в точности напротив сердца — и потом, для пущей верности, ткнул еще разок. А со студентом они многократно выпивали, целовались, клялись в дружбе вечной, а главное, рисковали на равных, перегоняя машины в Ростов.

Сейчас, сидя в душном кинозале «Молота» и невидяще таращась на экран, Курок остро сожалел о том, что сделал в ту ночь. Нет, конечно же, не потому, что ему

вдруг стало жалко Вадима: такую роскошь в чувствах он не позволял, свою голову бы спасти — и ладно. Но «мокрое» дело было у него первым, а это не дубленка, снятая с прохожего зимним вечером, и даже не угнанные «Жигули». Он знал, что милиция поднимет на ноги всех. А разве может он поручиться, что проезжавшие по шоссе шоферы не рассмотрели его, когда он топал в Винтай? Ну а если остался хоть один-единственный отпечаток пальца? Тогда всесоюзный розыск, а в итоге — труба, точнее, высшая мера. Но разве думал об этом Курок тогда, в ту ночь? Пьяный был он, пьяный, а хмель его горячит и озлобляет против всех на свете. Игорь знает об этом, он не раз говорил, что пьянка погубит Павла, вобьет последний гвоздь в гробовую крышку. Так, видно, и получается...

Ненависть полыхнула так сильно, что Курок ощутил в груди тупую боль. Игорь! Игорь-Игорек!.. По-прежнему уверенный, что Паша его ни в жисть не продаст... Напрасно, фраер, напрасно! Это раньше Курок знал, что, выйдя на волю, он уцепится за твою тощую руку, Игорек, найдет у тебя и крышу, и выпивку, и бабу. А теперь попадись — и не выйти уже, хана... На кой же ты теперь сдался Курку, Игорек?!

На экране постовой милиционер отчитывал улыбающуюся девушку. Курок закрыл глаза, его затошнило. Ему захотелось зарычать, ударить ножом в жирный бок хихикающую соседку, разогнать всю эту довольную жизнью толпу, а главное, изрезать на ленты экран с ненавистными мусорами... Его врагами до последнего вздоха. И какими бы они ни были чуткими, умными, добрыми — перевидать пришлось на своем веку всяких, — и все равно они будут врагами, как охотники для волка, обложенного цепью флажков.

Сжав кулаки, он шумно выдохнул из легких весь воздух, встал с кресла и, не особенно заботясь о тех, кто сидел в его ряду, и о тех, кто сзади, двинулся к двери с красным огоньком выхода.

Оказавшись во дворе, он с наслаждением выругался. Взглянул на часы: без двадцати десять, а еще светло. Настолько, чтобы любой легавый мог сличить с фотокарточкой лицо.

А кто сказал, что его, Курка, ищут?!

Не станет он полтора часа болтаться на улицах, чтобы угодить Игорьку. Мангосову важно, чтоб соседи не

думали, что Лялька — шлюха, коли по вечерам к ней за-
скакивают мужики. Но Павлу Кондрашову нет дела до
репутации мангосовских девок. Завтра утром он отчалит
из родной Самары. Если с десятью тысячами да не выкру-
титься, тогда пятак тебе цена в базарный день, Павел
Кондрашов!

А если Мангосов обманет и никаких денег у Ляльки
нет?

Тогда не Павлик, друг детства, а уголовник Курок, не
знающий пощады, будет иметь дело с тобой и твоей кра-
лей. Кранты тебе тогда, Игорек...

Павел не заметил, что ноги сами вынесли его к пло-
щади Революции, откуда до Лялькиного дома было от
силы пять минут ходьбы. «Сесть на лавочку, — подумал
он. — Читать газетку уже поздновато. А сидеть, чтоб те-
бя в профиль и в фас, — нет уж, так не пойдет...»

Что же делать? Стоять на углу? Бродить по улицам?
На секунду он и в самом деле почувствовал себя волком,
шарахающимся от красных флажков. А зачем бояться
флажков? Оттого и гибнет волк, что их боится.

«Приду не в одиннадцать, а в десять, только и все-
го», — сказал он себе мысленно и, уже не раздумывая,
медленно зашагал туда, где слышались постукивания и
перезвоны трамваев...

В 22 часа 10 минут в квартире № 6, расположенной на
втором этаже старенького дома по улице Фрунзе, было ти-
хо. Никто не разговаривал, выключен был телевизор, ра-
дио, предупреждены соседи — не шуметь, в коридор без
надобности не выходить. Поэтому шаги на лестнице, мед-
ленные, осторожные, были услышаны не только Алексее-
вым, дежурившим в квартире возле входной двери, но и
Бибишевым, который сидел в комнате вместе с Ольгой и
начальником отделения угрозыска Самарского райотде-
ла милиции.

Бибишев встал. Все заняли места, как было заранее
расписано. Когда Кондрашов следом за Ольгой пройдет
по коридору в глубь квартиры, сзади, справа и слева из
комнат выйдут участники засады, а точнее, выскочат и
скрутят Курка.

Три коротких звонка. Правильно: на табличке, что на
двери, написано: «Звенягиной — 3 зв.».

Володя кивнул Ольге: иди! Еле двигая ставшими ват-
ными ногами, она подошла к двери. Заглянула в глазок,
отодвинула задвижку и щелкнула замком.

На пороге появился плотный, коротко стриженный мужчина в кремовой полотняной кепке и синем костюме. В левой руке он держал школьный портфель. Круглые глаза, светлые до прозрачности, смотрели настороженно и зорко. Когда Оля отступила от двери в коридор, свет упал на ее лицо. Курок взглянул на девушку и мгновенно понял: ловушка. Рванулся, но было поздно. Зуенков сбил его с ног, заломил за спину руки.

Щелкнули наручники: это Бибишев сделал то, что было положено ему по сценарию засады.

— Саня, неужели все? — сказал он несколько растерянно. — Саш?

— Для нас с тобой — все. — Зуенков, тяжело дыша, засмеялся. — И для этого, — он кивнул на Курка, уткнувшегося носом в пол, — тоже все. Наверняка.

Сотрудники Самарского райотдела, поставив Курка на ноги, повели его к машине. На другой машине чуть позже увезут Олю Звенягину — Лялю.

— Теперь-то мы за конспектами сходим? — спросил Саша, обивая с колен пыль. — Иначе, честное слово, до октября не успеем переписать.

— Давай завтра и сходим, — решительно сказал Володя. — Если, конечно...

Он не договорил. Да и не стоило договаривать. И без того ясно, что инспекторам уголовного розыска на завтра загадывать не приходится. Наверняка ведь завтра или послезавтра их обоих или кого-то одного вызовут к начальству, которое даст им задачку, не менее сложную, чем эта история о пересекающихся линиях розыска, о загадочных переводах, краденых «Жигулях», поломанных и спасенных биографиях очень разных молодых людей.

Но то будет уже совсем другая задачка. Эту они решили. Теперь, если потребуется, они будут лишь помогать следователям. А те пусть потрудятся — изучают дело во всех тонкостях, доказывают, проверяют, сопоставляют. Работы у следователей будет ой-ой как много: очень не просто до последнего штриха изобличить преступников.

Ну а Саша с Володей их только ловят.

**Представители
государственной власти**

Люди старших поколений помнят, какими были милиционеры двадцатых, тридцатых, сороковых годов. Помнят регулировщиков на перекрестках магистралей больших городов — в белых гимнастерках и остроконечных шлемах. Помнят конную милицию, обеспечивавшую порядок, скажем, у стадионов во время редких тогда международных футбольных матчей. Помнят темно-синие милицейские шинели из грубого сукна и большие кобуры с наганами на боку. Не забыли и громкие «дела» тех лет: вылавливание мешочников, облавы на шпану, жаркие перестрелки с бандитскими шайками, операции по захвату воровских «малин»...

И теперь, когда встретишь на улице сегодняшнего работника милиции, поразишься: как-то вроде незаметно, незаметно, а ведь наша милиция стала даже внешне совсем другой. И дело тут не в новой, впрочем, давно ставшей привычной, форме одежды, не в новом, современном личном оружии милиционеров. И не в том даже, что милиция, идя в ногу с веком, стала моторизованной, радиофицированной, что где-то там, в ее святая святых, невидимые широкой публике, но хорошо известные — опять-таки по телефильмам — лаборатории, и пульты сигнализации, и картотеки с ЭВМ. Хотя, конечно, и это все тоже создает нынешнее представление о милиционерах.

Главное, весь облик современного работника милиции стал другим. Ну, например: никого сейчас не удивляет милиционер в форменной одежде и с портфелем или, того пуще, с модным «дипломатом». Милиционер в глазах населения стал будничнее, что ли. Потерял былой ореол исключительности своей роли в жизни городов и сел, какой-то романтичности. Сегодня работник милиции — это одна из современных профессий. Подчеркиваю: современных. То есть развивающихся, имеющих перспективу и прочно вросших в систему нашей сегодняшней жизни.

Эти перемены, а точнее, перемены в том, как воспринимается милиция, произошли потому, что сегодня у нее иные методы работы, и другая ее организация, и, что немаловажно, качественно другой состав, чем даже в шестидесятые годы, уж, казалось бы, совсем недавние.

Работать в милиции сегодня стало и легче и труднее.

Легче, потому что окончательно искоренена у нас в стране профессиональная преступность. Потому что сегодняшнее техническое оснащение милиции ни в какое сравнение не идет с тем, каким располагала она несколько десятков лет назад.

Труднее, потому что развитие и совершенствование советского образа жизни, процессы его дальнейшей демократизации усилили нетерпимость к любым нарушениям норм и правил социалистического общежития. Потому что резко повысился общий культурный и образовательный уровень наших людей, усилилось их чувство собственного достоинства, стал сложнее и богаче их внутренний мир. А работа милиции — это работа с людьми и среди людей.

Отсюда новые требования ко всей работе милиции, неизмеримо более высокие, чем когда-либо раньше. В ее повседневной практике все большее место занимает не воздействие (в той или иной форме) на тех, кто уже преступил закон, а предупреждение всяких отклонений от норм советского образа жизни. Созданы новые специальные службы: профилактики правонарушений, информационно-аналитическая, надзора за лицами, ранее судимыми, условно осужденными и условно освобожденными, ночная милиция и другие. То есть возникла целая организационная система с общей задачей — исследовать причины правонарушений (социальные, бытовые, психологические) и искоренять условия, способствующие преступлениям и нарушениям законности.

Эту профилактику милиция ведет, естественно, своими, специфическими средствами, но вместе с тем не обособленно, не изолированно от аналогичных усилий других государственных и общественных органов. Мы никогда не забываем, что самая широкая социальная профилактика правонарушений, которой занимается милиция, это лишь составная часть общей системы коммунистического воспитания советского народа. Активно ведя воспитательно-правовую работу среди населения, милиция использует всю силу поддержки партийных организаций, органов Советской власти, широкой общественности.

Но то, что ныне мы делаем все больший упор на профилактику правонарушений, на предупреждение преступлений, на правовое просвещение и воспитание граждан, вовсе, конечно, не значит, что милиция превращается в орган для наставлений и поучений, в такую общегосударственную няню для озорничающих взрослых (и полувзрослых) несмышленишек. Неотвратимость наказания за причиненный государству, обществу и его гражданам вред тоже входит в понятие воспитания, входит как его существенная, необходимая и обязательная часть. Приоритет профилактики никоим образом не означает, что милиция теперь сентиментальничает со злостными правонарушителями и преступниками. Одно дело — случайно оступившиеся люди, совершившие правонарушение, которое не представляет большой опасности. И другое дело — злостные хулиганы, воры, убийцы: их надо карать по всей строгости советского закона.

При этом работники милиции постоянно помнят и ясно понимают: сила принуждения оказывает свое исправительное и воспитательное воздействие и на тех, к кому она применена, и, что еще более важно, на остальных граждан только в сочетании с убеждением, только на этой основе. На этом ленинском принципе всегда строилась деятельность советских государственных органов. Но сегодня, в условиях развитого социализма, для милиции особенно важно вести свою работу в соответствии именно с этим принципом. Добиться же наиболее эффективного сочетания методов убеждения и принуждения милиция может опять-таки только при наличии прочных связей и повседневном взаимодействии с общественностью, прежде всего с такими ее массовыми организациями, как комиссии местных Советов по вопросам укрепления законности и правопорядка, советы профилактики на предприятиях, общественные пункты охраны порядка в жилых массивах, добровольные народные дружины, — в конечном счете со всем населением, с народом. Ведь недаром милицию в нашей стране называют народной.

Да, намного усложнились и условия, в которых действует милиция, и задачи, которые она призвана решать. И потому требования, предъявляемые к сегодняшнему работнику милиции — патрульному или участковому, автоинспектору или следователю, — неизмеримо выше, чем они были прежде.

Иными стали структура милиции, система ее функций,

усилилась специализация милицейской службы. Понятно, это требует высокой профессиональной компетентности. Каждый специалист должен наиболее полно соответствовать именно тем специфическим требованиям, которые предъявляются к данной профессии.

Ныне слова «работник милиции» обозначают только принадлежность к определенному общему «ведомству», в котором объединены люди самых разных и чаще всего узких специальностей.

Например, в органах борьбы с хищениями социалистической собственности (ОБХСС), где раньше большинство составляли, как и в других службах милиции, юристы, теперь работают, как правило, люди с инженерным или экономическим образованием, вполне компетентные кто в вопросах торговли, кто в строительстве, кто в промышленности. Больше того, предприятиями машиностроения, скажем, занимаются одни, легкой промышленности — другие и т. д.

Милиции нужно все больше работников с педагогическим образованием. Прежде всего для службы профилактики правонарушений. В районных инспекциях по делам несовершеннолетних сейчас почти повсеместно работают только педагоги, причем опытные. Несколько лет назад были созданы подразделения индивидуальной профилактики. Их задача не только следить за поведением лиц, ранее судимых, отбывших наказания и состоящих на учете в милиции, но и перевоспитывать их. Вот тут-то особую ценность и представляют сотрудники милиции с дипломами педагогов.

Как уже было сказано, несоизмеримо выросла сегодня техническая оснащенность милиции. В распоряжении ее передвижных групп и даже патрульных милиционеров — портативные радиостанции, в штабах многие службы оснащены телетайпами. В криминалистических отделах такие приборы и такая аппаратура, которые нисколько не уступают оборудованию научно-исследовательских лабораторий. Однако, несмотря на все технические новшества, работа милиционера — любого! — по-прежнему остается напряженной, очень нелегкой и физически, и психологически.

Это напряжение, порой приводящее к так называемой «профессиональной деформации», вызывается не столько опасностью работы (хотя это тоже имеет значение), сколько эмоциональной перегрузкой от постоянного соприкосно-

вения с антиобщественными элементами. Встречи с опустившимися, морально разложившимися, тем более крайне грубыми, а то и просто жестокими людьми, как известно, надолго отравляют настроение нормальным гражданам. Даже отдельные, случайные, редкие встречи! Милиционер же имеет дело с подобными людьми нередко в течение всего рабочего дня! Отсюда — необычайная важность морально-психологической подготовленности к службе в милиции. Милиционер, смысл работы которого, так сказать, «санитарная очистка» общества, обязательно должен иметь отвечающие этой задаче, этой особенности своей работы личностные качества. Иначе хорошего сотрудника из него не выйдет.

И еще. Милиционеру, прежде всего рядовому, необходима очень высокая физическая подготовка. Ведь довольно часто ему приходится применять силу для наведения порядка, для пресечения опасных действий злостных нарушителей. Идя «на сближение» с преступником, милиционер должен быть уверен в себе, в своих возможностях достойно противостоять этому преступнику. Такая уверенность базируется в немалой мере именно на достаточной физической подготовке.

И вместе с тем сегодня милиции нужны — на всех уровнях! — работники, умеющие устанавливать контакт и взаимопонимание с самыми разными людьми. Для получения необходимой информации — например, свидетельств очевидцев преступления. Для уверенных действий в конфликтных ситуациях. Да мало ли для чего еще! Культура общения — одно из неперменных профессиональных требований к современному милиционеру. Чрезвычайно важно, как ведет он себя при осуществлении своих функций, особенно принудительных: ведь острые и конфликтные ситуации, в которых он оказывается, возникают, как правило, на виду у многих людей. И тут сотруднику милиции необходимы выдержка и самообладание, владение приемами психологического воздействия — то, что мы называем тактической грамотностью, то есть, в конечном счете, опять-таки высокая профессиональная культура общения. От этого зависит и практический исход возникшей конфликтной ситуации и, стало быть, престиж милиционеров.

Умение разбираться в человеческой психологии, особенно, так сказать, в психологических аномалиях — одно из ценнейших качеств сотрудников милиции. В силу

своих профессиональных обязанностей они имеют дело с людьми, в воспитании которых были допущены серьезные и опасные пробелы, с людьми, которые не приобрели необходимых нравственных устоев ни в семье, ни в школе, ни в трудовом коллективе. Вот почему милиции нужны подлинные мастера человеческих душ.

Значит, стоит это подчеркнуть снова и снова, современному советскому милиционеру необходим высокий культурный и общеобразовательный уровень. И при этом — обязательно! — высокие моральные качества. Представитель власти, государства, блюститель порядка должен иметь не только формальное, но и моральное право требовать от людей соблюдения законности, а при необходимости и принуждать к этому. Только так обеспечивается высокий авторитет милиции среди населения. Ведь в социалистическом обществе он основан не на устрашении и силе подавления, а на доверии трудящихся, на их убежденности в глубоко нравственном, гуманном характере целей и методов деятельности милиции. В свое время Ф. Э. Дзержинский подчеркивал, что милиционер, поставленный блюсти общественную нравственность, прежде всего сам должен быть безупречным. Малейший негативный штрих не только перечеркивает уважение к сотруднику милиции, завоеванное им, может быть, годами службы, но и подрывает авторитет органов внутренних дел в целом.

После только что сказанного не трудно, надеюсь, понять, почему сейчас мы берем на службу тех, кто имеет как минимум среднее образование — даже при поступлении на должность рядового милиционера. В 1968 году, когда мы начали предъявлять такое требование, в области среди рядовых милиционеров было 9 процентов имеющих десятилетку. Ныне — свыше семидесяти. А уж у начальствующего состава милиции образование должно быть только высшее. Если еще в 1956 году в Куйбышевской области среди начальников райотделов были лишь единицы с институтскими дипломами, то сегодня немыслимо, чтобы начальник отдела или службы не имел высшей квалификации. То же самое можно сказать про сотрудников уголовного розыска, ОБХСС, следователей.

Следует подчеркнуть и то, что личный состав милиции быстро омолаживается. Примерно половина рядового и младшего командного состава имеет возраст 20—25 лет. И это закономерно: ведь, как уже говорилось, наша профес-

сия требует много сил, энергии, инициативности, энтузиазма — качеств, присущих особенно людям молодым.

Но, отбирая кандидатов для работы в милиции, мы обращаем внимание, разумеется, не только на возраст и на образование. Нет, мы хотим получать пополнение, состоящее из людей, которые идут к нам по призванию. И нас очень радует, что это желание близко к полному практическому осуществлению. Подавляющее большинство — да, очень многие! — поступили на работу в милицию, именно почувствовав к ней призвание, четко понимая важное общественное значение нашей службы. А это, в конечном счете, самое главное из необходимых работнику милиции качеств: осознанная ответственность за взятую на себя роль в обществе и государстве, верная, не за страх, а за совесть служба интересам народа, Родины.

Наивно было бы полагать, что всеми качествами, необходимыми сегодня советскому милиционеру, человек может обладать уже при поступлении к нам на службу.

Известно, что «на милиционера» — рядового, офицера ли — специально учат. Но одновременно происходит и воспитание сотрудника милиции. Обучение и воспитание осуществляются в неразрывном единстве. При этом методы обучения и воспитания используются именно такие, которые наиболее полно и эффективно обеспечивают формирование качеств, отвечающих современным высоким требованиям к работнику милиции вообще и специфическим требованиям к сотруднику данной службы в частности. И вот что еще характерно. Прошел ли наш сотрудник полную подготовку рядового милиционера, окончил ли высшую школу милиции, скажем, Волгоградскую следственную или Омскую, которая готовит сотрудников уголовного розыска, — с этого только начинается его обучение и воспитание как работника милиции. Они продолжают в течение всей службы — непрерывно и систематически. Иначе в нашем деле нельзя.

Каждый четверг во всех отделах, службах, подразделениях областной милиции — занятия. Учатся рядовые и начальствующий состав. Отрабатываются действия по различным «вводным» — упражнения по несению службы. Идут тренировки в стрельбе и совершенствование приемов самбо. Проходят занятия по психологической подготовке. Изучаются новые законодательные акты — от Указов Верховного Совета СССР до постановлений местных органов власти, — имеющие отношение к деятельно-

сти милиции. Специалисты различных служб — следователи, работники ОБХСС и другие — занимаются в школе оперативного мастерства при областном управлении внутренних дел.

С 1978 года при управлении функционирует постоянно действующий методический семинар руководящих работников. Здесь они не только повышают свою квалификацию как специалисты отраслевых служб, но и обучаются наиболее действенным методам воспитания сотрудников. В милиции имеется специальный аппарат политико-воспитательной работы с личным составом, но основные формы его деятельности — агитация, пропаганда, просвещение — рассчитаны больше на общий охват коллективов подразделений. Они подкрепляются индивидуальными методами воспитания — это уже прямая обязанность начальствующего состава самих милицеейских служб. Ведь идейные, моральные и психологические качества сотрудника милиции формируются в основном в самом процессе исполнения служебных обязанностей. Профессиональное становление милиционера любого звания и любой специальности происходит только путем приобретения опыта в решении практических служебных задач, в преодолении трудностей, в поисках и принятии решений в конфликтных ситуациях.

Воспитывает и вся обстановка в коллективе, в котором служит работник милиции, и созданный в нем морально-психологический климат. В каждом отделе, в каждой службе, в каждом подразделении используются такие действенные методы воспитания сотрудников, как их периодические отчеты о своей работе на оперативных совещаниях, партийных и комсомольских собраниях, открытое обсуждение проступков и нарушений дисциплины на заседаниях товарищеских судов, наконец, социалистическое соревнование.

Особо надо выделить систему шефов и наставников, широко применяемую в обучении и воспитании молодых милиционеров. Есть множество примеров того, как именно под непосредственным и постоянным руководством старшего товарища по службе, при совместном выполнении заданий быстро и наиболее прочно приобретаются начинающими сотрудниками необходимый опыт, закалка, навыки, короче говоря, профессиональное мастерство. Эта форма совершенствования профессиональной подготовки кадров, как показала практика, необходима и эффективна не только в отношении рядовых милиционеров,

но и в отношении специалистов: работников уголовного розыска, участковых инспекторов, следователей...

В нашей области широко известно имя командира отделения Советского райотдела отличника милиции Василия Федоровича Стебунова. Своих младших товарищей он учит правильному несению службы в то время, когда они вместе находятся на посту. Обращает их внимание на все, что следует замечать патрульному, проходя по доверенной территории. Указывает на признаки возникающей конфликтной ситуации. Перед тем (или после того) как сам он берется улаживать инцидент или с помощью напарников изолирует хулигана, Василий Федорович обязательно объяснит подчиненным, почему в данном случае избран именно такой метод действия. Так у молодых патрульных воспитываются чувство постоянной ответственности за благополучие на закрепленном участке и навыки тактически грамотных действий на посту.

Вырастить из новичка такого работника милиции, который полностью соответствовал бы нынешним условиям работы милиции и нынешним ее задачам, дело непростое. И здесь не будем скрывать: несмотря на строгий и тщательный отбор, на все более совершенную систему обучения и воспитания, не все, кто пришел к нам, выдерживают трудности, сложности и напряжение милицейской службы. Однако подавляющее большинство сотрудников все-таки считают работу в милиции окончательно избранной для себя профессией и удовлетворены ею.

Профессия милиционера — гордая, почетная профессия. И недаром в подразделениях Куйбышевского управления внутренних дел растет число милицейских династий, в которых дети и внуки выбирают себе профессию отцов и дедов.

В Октябрьском райотделе до недавнего времени служили рядом отец и сын Нурисламовы — Хаймар Исламович и Аслияр. Нурисламов-старший (сейчас он уже на пенсии) долгие годы был лучшим патрульным области. А сын, хотя еще и молод, успел отличиться при спасении утопающего, при задержании угонщика машины, при обезвреживании двух пьяных хулиганов, вооруженных ножами.

У старшего сержанта милиции Петра Васильевича Половнева три сына: Владимир, Василий и Михаил. И все три служат в Куйбышевском райотделе, где до ухода на пенсию служил и Петр Васильевич.

Совсем недавно ушел на заслуженный отдых заместитель начальника УВД полковник милиции Петр Митрофанович Запорожченко. И вот идешь по управлению и встречаешь двух крепких, сильных молодых людей, очень похожих на Петра Митрофановича. Да, это его сыновья: капитаны милиции Владимир и Валерий Запорожченко.

... Милиция. Она всегда на посту! Всегда начеку!

СОДЕРЖАНИЕ

В. Ф. Шарапов. Служба — дни и ночи.	[3
Галина Сокольников. Иначе нам нельзя! О черк	15
Эдуард Кондратов, Владимир Сокольников. Золотой мешок. Документальная повесть	21
Тамара Шве. «Спешите делать добро». О черк	63
Николай Каштанов. Как веревочке ни виться... О черк	74
Галина Владимирова. Истина, и ничего, кроме истины. О черк	90
Борис Соколов. Выстрел в лесу. Документальный рассказ	95
Татьяна Корсакова. Невидимые нити. О черк	112
Александр Михайлов. Третий вариант. О черк	122
Татьяна Воскобойникова. Главное дело жизни. О черк	128
Эдуард Кондратов. Знак на стекле. Документальная повесть	134
Ю. В. Саломатин. Представители государственной власти	259

ИБ № 388

Составитель Галина Павловна Сокольникова

ЧЕСТЬ И МУЖЕСТВО

Р а с с к а з ы о м и л и ц и и

Редактор В. Н. Мясников

Художник Ю. М. Иванов

Художественный редактор Е. В. Альбокринов

Технический редактор З. К. Яшина

Корректор Э. И. Щербакова

Сдано в набор 11.02.81. Подписано в печать
8.06.81. ЕО01274. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип.
№ 1. Литературная гарнитура. Печать высокая.
Усл. печ. л. 14,28. Уч.-изд. л. 15,3
Тираж 30 000 экз. Заказ 990. Цена 55 к.
Куйбышевское книжное издательство,
г. Куйбышев, ул. Спортивная 5/27.

Тип. изд-ва «Волжская коммуна»,
г. Куйбышев, пр. Карла Маркса, 201.

Честь и мужество: Рассказы о милиции/Составитель Г. П. Сокольников. — Куйбышев: книжное издательство, 1981. — 272 с.

Рожденная в огне революционных битв, воспитанная Коммунистической партией, неразрывно связанная с народом, советская милиция с первых дней своего существования стала надежным стражем социалистического общественного порядка. Об этом и рассказывают материалы, помещенные в настоящем сборнике.

55 коп.

ПЛЕЧО И МУЖЕСТВО

Куйбышевское
книжное
издательство
1981